

КРАСНАЯ ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

*Да здравствует святое братство
пера, и кисти, и резца!*

Виктор Баянов

Товарищеский КРУГ

- *Творческие союзы в Кемерове*
- *Письма военного времени*
- *На Красной Горке замерли века*

ББК 26.981
К78

Учредитель: муниципальное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»
(650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17, 64-24-12)

В издании альманаха «Красная Горка» также участвуют:

Администрация города Кемерово;

Кемеровский государственный университет;

Фонд архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Королевства Нидерландов;

Департамент культуры и национальной политики
Администрации Кемеровской области

Главный редактор
Г. Е. ЮРОВ

Ответственный секретарь
Н. А. ШЕЛЕПОВА

Редколлегия:

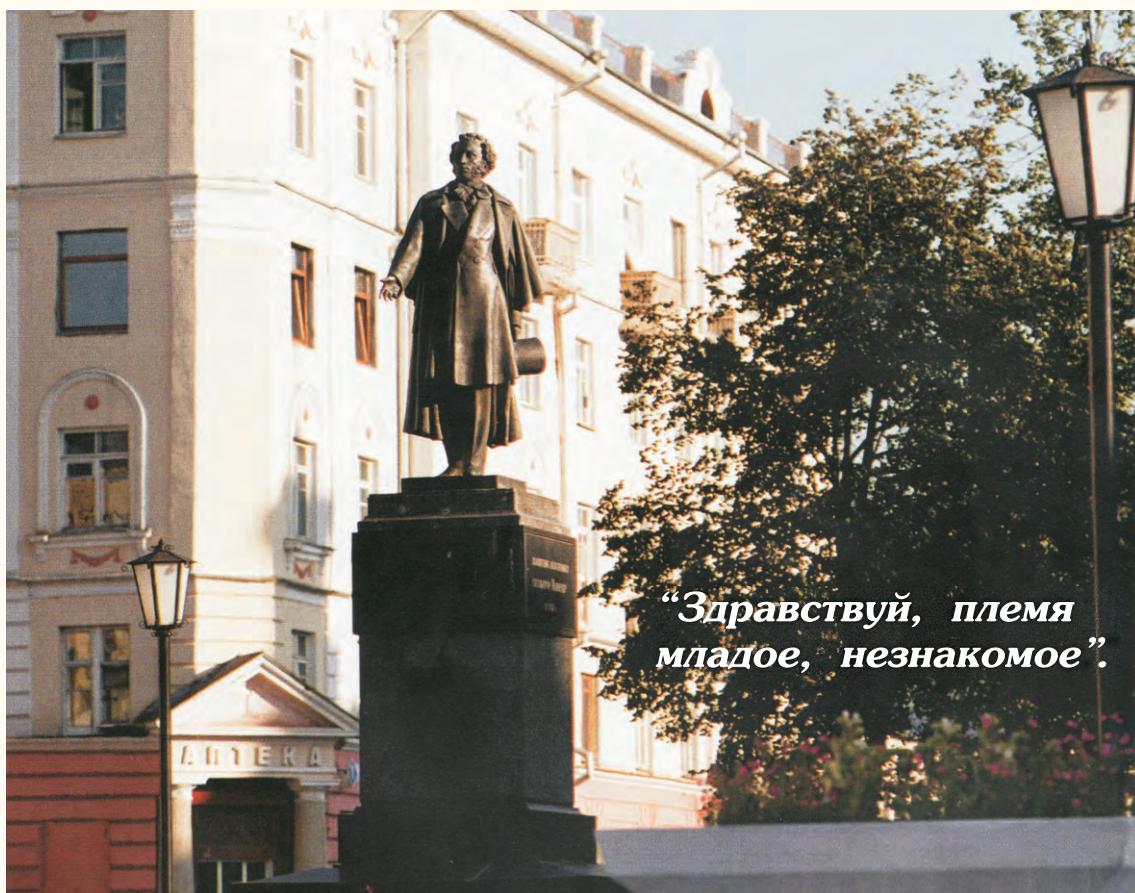
**А. В. ЗЫКОВ, Ю. С. ЗЮЗЬКОВ, В. П. КРАВЧУК, Е. А. КРИВОШЕЕВА,
А. М. КУЛЕМЗИН, А. А. ЛОПАТИН, А. В. ТАРАКАНОВ, И. Ю. УСКОВ**

Член редколлегии в Королевстве Нидерландов
ЯН МОЛЕМА

Член редколлегии в Великобритании
САЙМОН ФРЕНСИС

© Юров Г. Е., сост., 2009
© Музей «Красная Горка», 2009
© Изд-во «Кузбассвузиздат», 2009

60 лет площадь в Кемерове носит имя А. С. Пушкина
60 лет роману «Земля Кузнецкая» А. Н. Волошина
60 лет журналу «Огни Кузбасса»
75 лет Кемеровскому областному театру драмы
им. А. В. Луначарского
30 лет литературной студии «Притомье»

Возле памятника А. С. Пушкину кемеровские поэты традиционно читают стихи. Площадь имени великого поэта не только исторический центр города, не только средоточие памятников архитектуры, не только самый красивый и уютный район города, но и символ «товарищеского круга» – содружества литераторов, зодчих, художников, артистов, музыкантов, библиотекарей и других работников культуры Кузбасса.

***И. Ф. ФЕДОРОВА, заместитель Главы города
по социальным вопросам***

ГОРОД ТВОРЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Администрация города Кемерово уже много лет работает в сотрудничестве с творческими союзами: Кемеровским отделением Союза театральных деятелей России, Кемеровской областной организацией ВТОО «Союз художников России», кемеровскими областными отделениями «Союз писателей Кузбасса», «Союз композиторов Кузбасса».

Для сохранения и развития художественного, театрального, музыкального, литературного потенциала города, пропаганды творчества деятелей искусства города Кемерово, приобщения различных групп населения к культурным благам проводятся выставки, конкурсы, вечера-чествования работников культуры и искусства, издание сборников, журналов и альманахов.

В рамках реализации регионального проекта «Культура» в Кемерово Главой города В. В. Михайловым учреждены именные муниципальные премии в области литературы и искусства, которые вручаются с 2007 года и присуждаются на конкурсной основе:

– имени Ивана Алексеевича Балибалова, почетного гражданина города Кемерово – за достижения в области краеведения и публицистики;

– имени Василия Андреевича Селиванова, почетного гражданина города Кемерово – за произведения изобразительного искусства;

– имени Игоря Михайловича Киселева – за достижения в области поэзии;

– имени Бориса Николаевича Сурова – за достижения в области театрального искусства.

Премии и способствуют увековечиванию имен кемеровчан – выдающихся деятелей культуры и ис-

кусства, внесших значительный вклад в развитие культуры города, и поощрению авторов наиболее талантливых произведений.

Но история конкурсов исчисляется не двумя годами. Впервые выставка-конкурс «Лучшая работа года» состоялась 16 лет назад. И каждый год – это событие для кемеровчан. В последние годы выставка проводится в разных учреждениях. В 2004 году распахнул свои двери для проведения выставки музей-заповедник «Красная Горка», в 2005–2006 годах выставку принимала в новом выставочном зале Детская школа искусств № 50, в 2007 году обновленный областной музей изобразительных искусств подарил кемеровчанам и гостям города конкурсные работы художников. В 2008 году новые выставочные залы Дома художников были украшены конкурсными творениями.

Конечно, учреждение премии им. В. А. Селиванова придало этому конкурсу особый статус. Ведь Василий Андреевич – почетный гражданин города Кемерово (1998 год), заслуженный работник культуры РСФСР (1982 год), известный график, дизайнер. Все члены союза ежегодно участвуют в этом конкурсе, например, с 2004 года было выставлено около 700 работ. В прошлые годы премией Гран-при были отмечены работы: Сергея Юркова (2004 год), Виктора Зевакина (2005 год), Инны Акимовой (2006 год), Валерия Трески (2007 год).

В 2008 году Гран-при – премия имени В. А. Селиванова – присуждена Александру Кирпичеву за гобелен «Метафизический объект», первую премию получил Андрей Дрозд за работу «Вечерний дождь», вторую – Евгения Юманова («Хакасия – поцелуй земли и неба»), третью – Юрий Белокриницкий («Калитка открыта»).

Творчество трагически ушедшего в 2008 году из жизни скульптора Алексея Хмелевского было решено отметить специальной премией, которая получила название «Во имя любви» – по названию скульптурной композиции мастера.

Театральный сезон 2008/09 года в театрах Кемерова ознаменован IX городским профессиональным конкурсом «Лучшая роль сезона». Цели и задачи организаторов конкурса – это не только привлечение внимания к творческим достижениям театров города, но и повышение профессионального мастерства и престижа актерской профессии, и более полное раскрытие творческой индивидуальности актеров.

В 2007 году впервые были присуждены специальные премии «За лучшую женскую роль» и «За лучшую мужскую роль» имени народного артиста РСФСР Б. Н. Сурова. Заслуги Бориса Николаевича перед кемеровчанами дали нам право увековечить память известного кемеровского актера.

Почетной премией были отмечены артисты Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского, в котором и трудился Борис Николаевич: в 2007 году – заслуженные артисты РФ Кухарев Олег Сергеевич (за роль Чебутыкина Ивана Романовича в спектакле «Три сестры») и Потанина Светлана Анатольевна (за роль Анны Хороших в спектакле «Прошлым летом в Чулимске»), в 2008 году – народная артистка РФ Цуканова Лидия Николаевна (за роль Голды в спектакле «Поминальная молитва»).

В городе Кемерово трудится много талантливых артистов. Каждый премьерный спектакль – это событие, которое может выдвинуть нового претендента на высокое звание обладателя премии им. Б. Н. Сурова. Также в городе есть традиция к Международному дню театра чествовать тех, кто внес особый вклад в искусство в текущем театральном сезоне. А в 2009 году театры города получили великолепный подарок от города и фирмы «Билайн» – рекламные световые афишницы, которые дадут возможность зрителям более доступно ознакомиться с их репертуаром.

Следует упомянуть еще об одном совместном проекте с Союзом театральных деятелей. В 2008 году в нашем городе прошел I Межрегиональный театральный фестиваль для детей и подростков «Сибирский кот», который собрал в столицу Кузбасса более 600 участников из 13 городов Сибирского региона. Около 8 тысяч юных зрителей смогли познакомиться с фестивальными спектаклями. Но самое важное – это профессиональный обмен мнениями в конце каждого творческого дня. Обозначены проблемы спектаклей для детей и подростков. Члены жюри – известные в театральном мире люди, анализировали, восхищались, критиковали. Главный приз фестиваля по праву завоевал уникальный спектакль Ке-

меровского областного театра кукол им. А. Гайдара – «Пер Гюнт». Спектакль Театра для детей и молодежи «Пегий пес, бегущий краем моря» стал обладателем приза «За воплощение эстетики поэтического театра».

Премия имени И. А. Балибалова за достижения в области краеведения и публицистики для кемеровчан особенная. Самым существенным и весомым трудом жизни Ивана Алексеевича явилось создание летописи города Кемерово, которая остаётся непревзойдённым по своей глубине и правдивости путеводителем по истории города. Созданию летописи города Кемерово предшествовал кропотливый труд автора по сборанию фактического материала и документов. Более четверти века посвятил автор написанию книги. Работа Ивана Алексеевича – пример трудолюбия и таланта. С 1998 года Кемеровский областной краеведческий музей и управление культуры, спорта и молодежной политики администрации города Кемерово проводят «Балибаловские чтения» – научно-практические конференции по истории города. В 2008 году Ивану Алексеевичу присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово».

По решению профессионального жюри обладателями премии им. И. А. Балибалова стали:

– за высокий профессионализм научных работ, глубину изучения проблем, поставленных И. А. Балибаловым, просветительскую работу по пропаганде его наследия в 2007 году – Усков Игорь Юрьевич (научный сотрудник Института экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук), автор книг «Кемерово: формирование территории и населения областного центра», Кемерово, 2001 и «Щегловы: историко-генеалогическое исследование», Кемерово, 2005 (в соавторстве с Л. Ф. Кузнецовой);

– за высокий профессионализм, верность теме, просветительскую работу по пропаганде наследия И. А. Балибалова в 2008 году стала обладателем премии Кузнецова Любовь Федоровна – составитель книги «Летописец города Кемерово».

По предложению Союза писателей Кузбасса администрацией города Кемерово была учреждена премия имени И. М. Киселева. Игорь Михайлович Киселев является одним из видных поэтов Кузбасса. В 2005 году в целях увековечивания памяти поэта при поддержке Союза писателей Кузбасса, а также читателей-кемеровчан библиотеке № 8 было присвоено имя поэта. Творчество Игоря Киселева для литературной общественности – яркое и ценное, и поэтому стать обладателем премии имени талантливого поэта действительно почетно.

Победителями конкурса стали: преподаватель, член Союза писателей России, заслуженный учитель России Ирина Александровна Фролова – за поэтические сборники «Прошлогодний снег», «Линия сердца» и молодой поэт Мурзин Дмитрий Владимирович – за поэтический сборник «Носитель языка».

Ежегодно из бюджета города выделяются средства для издания сборников местных авторов, литературного журнала «Огни Кузбасса», альманаха «Красная Горка», журнала «После 12» и многих других книг.

Начиная с 1998 года проводятся мероприятия по выявлению и поддержке талантливых юных литераторов – конкурс управления культуры, спорта и молодежной политики «Свой голос. Кемерово» и проект управления образования администрации города Кемерово «Собеседник», направленный на формирование творческой активности детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и воспитанников учреждений интернатного типа. Проводятся мероприятия по развитию системы литературно-

краеведческого просвещения населения (ежегодно более 200 тематических встреч с литераторами Кузбасса, литературных конкурсов и чтений, праздников поэтического слова, чествований видных поэтов и прозаиков). В Год русского языка (2007) творческие встречи с писателями (в которых участвовало 1,5 тысячи учеников и педагогов) состоялись в 54 школах. В шести детских домах начали выпускаться литературные журналы. В 10 учреждениях интернатного типа открылись литературные гостиные (где часто выступают мэтры кузбасской литературы).

Мы с удовольствием проводим городские конкурсы песен о городе. К юбилеям города было написано более 40 песен о Кемерове, издано два сборника. Песни-победители – «Кемеровский вальс» Леонида Большина и «Город мой» Алексея Ло-

патина – трогают душу каждому. Ни одно мероприятие не обходится без любимых произведений.

Вместе с творческими союзами, театрами, филармонией, музеем ИЗО реализуются совместные проекты «В филармонию круглый год», «Дети и музей ИЗО», «В театр – всей семьей» и другие. Каждый школьник нашего города ежегодно становится участником встреч с настоящим искусством.

Социальная поддержка творческой интеллигенции города – одно из важных направлений реализации регионального проекта «Культура». Юбилейные выставки, бенефисы, творческие встречи – своеобразный итог творческой жизни, который является достоянием города. Город живет полноценной культурной жизнью.

● Ансамбль «Шахтерский огонек»

Дом большого угля

Известно, что есть решение о создании Музея кузнецкого угля. Вопросу уже несколько лет, какова его судьба? Стоит ли дело на месте или движется? И так ли необходимо людям еще одно учреждение подобного направления в нынешнюю не слишком сытную пору?

Об этом размышляют известный угольщик, Герой Кузбасса Михаил Иванович НАЙДОВ и журналист Виктор Спиридонович КЛАДЧИХИН.

В. КЛАДЧИХИН: В диковинное время живем: пишут, что образование активизирует учебно-воспитательную работу, старается пробудить у каждого мальчишки и у каждой девочки интерес к родному краю, его истории, культуре. И тут же видим, что национальные истоки народ забывает, и многие винят в том нашу периодику и ТВ, где одна только западная, да и не западная даже, а американская культура. Как противостоять этому? Как показать молодому человеку, что он – обладатель богатой культуры и богатых традиций? Общество бьется над этими проклятыми вопросами. И в то же время специалисты отмечают музейный бум как общемировую тенденцию! Растет, оказывается, интерес к посещению всякого рода выставок, и это становится бытовой потребностью людей. Уже и знатоки готовы объяснить, что «в эпоху, когда информация и мысль уверенно обживают виртуальное пространство Интернета, человеку всё чаще не хватает конкретных знаний и реальных переживаний. Именно музей может создать у посетителя эффект сопричастности родной истории, культуре, месту, где родился и живешь». И так далее.

Кто бы спорил... Но какие музеи нужны сегодня? И как сделать работу школьного, шахтового, городского музея по-настоящему интересной и нужной людям?

М. НАЙДОВ: Скажу о другом. В 2006 году у нас создана постоянная комиссия администрации области по сохранению истории развития Кузнецкого угольного бассейна и имен выдающихся угольщиков – шахтеров, геологов, шахтостроителей, горноспасателей, работников науки. Комиссия создана и действует. Председателем ее является первый заместитель губернатора Валентин Петрович Мазикин, а ответственным секретарем, организатором всей текущей работы – ваш покорный слуга, директор фонда «Шахтерская память» им. Романова.

И эта комиссия в 2007 году приняла решение создать Музей угля на основе музея-заповедника «Красная Горка». И в нем собрать все, что касается угольного дела, и рассказать обо всех, кто к этому высокому делу причастен. Должно там найтись место и геологу, и горному машиностроителю, и ученому, и горноспасателю, и шахтостроителю. И даже, может быть, писателю, художнику, журналисту, которые свой талант отдали этой теме. Кто помнит, скажем, изобретателей комбайнов в нашем бассейне? А ведь практически на каждом руднике были такие, были, да ушли. Вспомнить их надо!

В советские времена была очень хорошая традиция – чествовать передовиков, добившихся результатов, какие не всем под силу. Происходило публичное чествование рабочих очистных и проходческих бригад, победителей в социалистическом соревно-

вании, это раззадоривало других, и могу сказать, что происходило это искренне. За редким исключением, когда героев «делали», создавали им условия. Но мы не о них, мы о других. На шахте им. Ленина, когда я туда был назначен директором, нарезанных запасов оставалось 1,6 миллиона тонн при годовом плане 2,4 миллиона. И только правильно поставленное соревнование проходческих участков и бригад спасло шахте жизнь. Мы создали первый в отрасли клуб проходчиков, там обсуждали все вопросы, а по праздникам собирались семейно – бригадиры, начальники проходческих участков и все, кто имел отношение к подготовке новых запасов. Такое соревнование вывело шахту им. Ленина в число лучших, и ей был вручен орден Ленина – высшая награда Советского Союза, между прочим. Это просто пример из жизни.

Хорошо тогда отмечались юбилеи предприятий, поселков, шахтерских городов. Но плохо, что чествовали только нас, угледобытчиков. А, скажем, День геолога оставался только Днем геолога и проходил он где-то в сторонке. То же и с юбилеями у шахтостроителей, а о праздниках работников горной науки и вспомнить не могу. Разве что, когда мы их к себе приглашали...

А ведь мы, эксплуатационники, приходили на готовую шахту. Те же, кто мерз в палатках и вагончиках, кто искал это месторождение в тайге, кто рубил просеки, пробивал дорогу, строил все – от котельной до жилья – были «не шахтеры». Нечестно так!

Сейчас по мере сил восстанавливаем справедливость. Правда, частенько слишком поздно, только вослед, только перед памятью ушедших, но восстанавливаем. Снимаем грех с души...

В. К.: Музей как форма покаяния? А почему бы и нет? А еще музей – это последнее, после библиотеки, прибежище памяти, и отношения к себе он требует не суетного, а ровного и постоянного. Человек должен привыкнуть к музею как к чему-то необходимому и даже обязательному. К учебе, например.

Если мы все еще охотней верим примерам заграничным, то вот, пожалуйста, пример заграничный. Представьте себе столицу европейской державы.

Центр города. Музей. Здание тяжелой архитектуры – там они все какие-то тяжкие. И в том музее всегда множество выставок. Первый этаж – размером со спортивный манеж, и в нем выставлен скелет некоей гигантской доисторической твари. А в залах – славная история их Соединенного Королевства, и все подобрано так, что выходишь оттуда, поняв наконец, что вся цивилизация: и земная, и вселенская – начиналась на этом острове. На Острове – они его так уважительно называют, потому что остальная Европа для них – континент.

Так совпало, что в те дни над нашим благословенным Отечеством прошелестел очередной призыв к свободе – какая-то школьница, якобы сама, потребовала избавить ее от... «пра-а-тивного» дарвинизма, который она в школе учить не желает. Потому как ни она, ни ее бабушка от обезьяны не происходили, и бабушка ее тоже не от обезьяны – у них совсем другие предки. Почему это запомнилось? Потому что на первом этаже того музея сидят три мраморных джентльмена на своих мраморных стульях, и посредине – тот самый сэръ Чарльз Роберт Дарвин. Он, материалист, был посажен сюда еще в те спорные времена, когда не все в его стране соглашались со своим происхождением от обезьян. Может, они и сегодня не согласны с его учением, но устроителям музея на то начхать. Они его сюда посадили за то, что он прославил подданных Ее Величества королевы, и саму королеву, и вообще этот благословенный Остров на весь мир. И сидит теперь этот джентльмен с чувством выполненного долга, спокойно, студенты с плакатами против его учения за окнами ничего в тот день не орали, краской его никто не обливал. Впрочем, уже на другой день и из нашего Отечества против дарвинизма ничего слышно не было. Видимо, кто-то подсказал продвинутым родителям той девочки, что фамилия Дарвин только на слух кажется русской, а на самом деле этот господин вон откуда! И у нашей прессы с сенсацией вышла осечка. А что касается прессы Острова, которая охотно подхватывает все, что способно подтвердить варварство русских, она в те дни даже бровью не повела. По-

тому что трепалось имя их земляка, которого они в мраморном виде усадили в музей имени Виктории и Альберта, то есть имени их очень славной королевы и ее мужа, славного принца по имени Альберт. Так что руки прочь от Дарвина! Тем более, что шуршание донеслось из какой-то там России, где все до одного – точно от обезьян!

Но я о другом. Рядом с главным входом в этот музей есть другая дверь, такая же огромная, но та дверь – специальная. Она только для школьников и студентов. Вот они тянутся цепочкой от автобуса, который въехал прямо во двор, но полисмен за это у водителя прав не требует. Водителю разрешено сюда вваливаться на своей машине, он помогает сеять разумное, доброе, вечное.

Очередь втянется в зал со столами и сиденьями, шум утихнет, и начнется урок о правильной истории правильного народа, в отличие от варваров, которые населяют весь остальной мир, кроме их острова (виноват, Острова!). Кончилась экскурсия, все обратно в автобус, а во двор уже въезжает следующий класс...

Школьная экскурсия в музей не после школы, не вместо занятий, а школьный урок по расписанию прямо в стенах музея! Что это такое, если не патриотическое воспитание, вполне применимое и в нашем Отечестве?!

М. Н.: До так называемой реструктуризации на многих шахтах и разрезах имелись музеи, ну, или музейные комнаты, музейные уголки – как их лучше назвать? Если не в административно-бытовом комбинате, то в Доме культуры или в подшефной школе. Но в 1990-е, как известно, 43 шахты, один разрез, а также около 100 предприятий и организаций Кузбассшахтостроя и сам комбинат были ликвидированы. Да так, что их архивы потом находили то в подвале, то в отвале, множество людей свои документы до сих пор ищут!

Пришедшие им на смену новые структуры своих музеев не создают – нужны помещения, работники, а все это дополнительные затраты... И оказалось, что история развития предприятий, люди и события прошлых лет никому не нужны, о них

одно время вообще перестали вспоминать. Горше всех пришлось работникам закрытых предприятий – их административные здания либо разрушены, либо проданы. Даже советам ветеранов – а это живые носители истории – негде было собраться. Затеряны, утрачены переходящие Красные знамена Государственного комитета обороны, даже ордена, которыми были награждены предприятия. А ведь им цены нет. Эти знамена и ордена получены за работу в самые тяжкие годы истории каждого предприятия, когда люди работали на износ, получали болезни, увечья, гибли ради всеобщей победы, ради спасения государства.

Словом, музейное дело и история Кузбасса пострадали не меньше самих шахт и самих шахтерских коллективов.

Но хорошо, что у нас в области нашлась группа мудрых людей во главе с Владимиром Павловичем Романовым, светлая ему память, и они создали единственный в стране фонд «Шахтерская память», которому уготовили судьбу не обычную. Они сделали не рядовую кассу взаимопомощи для ветеранов. Они нацелили свою организацию на то, чтоб она стала инициатором сохранения, накопления шахтерской памяти и славы и использования ее в воспитательной работе с молодежью.

Сам этот подход стал возможен потому, что команде нашего губернатора удастся фильтровать собственников предприятий угольной промышленности и осуществлять меры, которые возродили угольную отрасль, позволили поднять добычу и обратить внимание на традиции. Появилась прибыль, которую решили направлять в том числе и на развитие фонда, и на мероприятия, связанные с воспитанием патриотизма, возрождением доброго имени шахтеров и всего шахтерского ремесла. А без знания прошлых героических событий, без знания имен выдающихся работников сделать это невозможно.

Как и в каждом серьезном деле, пока к такому пониманию не придет руководство, ни одно мероприятие не состоится. К счастью, такое глубокое понимание есть у губернатора Амана Гумировича Тулеева и у главы города Кемерово Владими-

ра Васильевича Михайлова. Фонд получил их серьезную поддержку и включился в работу, избрал в качестве приоритетных дел издание историко-краеведческой литературы и музейное дело.

В. К.: Именно в музеях, перелистав предварительно книжные полки, находим мы сегодня такие детали, такие мелочи, такие бытовые штрихи из жизни наших героев, что начинаешь думать о них, как о живущих рядом! Почти не осталось никаких данных о заведующей шахтой «Полысаевская» в военные годы Елизавете Григорьевне Макаровой. Почти нигде и почти ничего, только личное дело в областном архиве. А ведь она, будучи тридцати лет от роду, была поставлена во главе шахты, где тысяча мужиков. Ясно, что заведующая шахтой, да еще в военную пору, должна была иметь характер, хватку и даже в чем-то походить на тех, кем командует. Иначе с делом было не справиться. Но вот директор Ленинск-Кузнецкого краеведческого музея Тамара Васильевна Чухно показала документы, добытые их сотрудниками. Из них следует: Макарова усыновила ребенка своей подруги, что умерла, при родах. Усыновила, наняла прислугу и сама нянчилась, прибегая с работы. А когда умерла и мальчишка второй раз осиротел, то сестры Елизаветы Григорьевны его вырастили и выучили – тогда детей не бросали. Узнав об этом, перестаешь представлять заведующую шахтой товарища Макарову только как бой-бабу. Наоборот, теперь знаешь, что молодая женщина Лиза была отзывчивая, сердобольная, только вот замуж выйти не успела. Может, как раз потому не успела, что все в начальниках, да еще на таких предприятиях...

А в Прокопьевском музее, у Нины Ефимовны Рыбаковой, есть адрес и телефон Галины Павловны Косогоровой, родной дочери Марии Прохоровны Косогоровой, которая в годы Великой Отечественной заведовала шахтой «Зиминка-Капитальная»! Живет Галина Павловна в Донецке, сама врач, а вся семья – горняки. Когда орденосная героиня тыла Мария Прохоровна совсем состарилась и заболела, она ее из Москвы забрала к себе, чтоб матушка ее не маялась там в одиночестве. Для нас –

еще одна новость из жизни знакомой с детства личности, а для музейщиков – никакая не новость, у них о каждом можно спросить. Если что знают, обязательно поделятся, спасибо им...

Еще пример. Конечно, литературоведы, узкие специалисты того периода, знают, что герой повести Александра Бека «Курако» Кратов – это не кто иной, как Иосиф Иосифович Федорович, сын адмирала – героя Крымской войны, директор-распорядитель, а затем председатель правления Копикуза. А в областном краеведческом музее есть добытый его служителями документ о последних годах «врага народа» Федоровича в Караганде. Он там был сведен в могилу бдительными и зоркими охранителями народа. Конечно, о таких подробностях знают специалисты-литераторы, историки, архивисты и многие другие, но вот, скажем, о Кратове-Федоровиче мне поведала Зинора Фатиковна Волкова с Красной Горки – работница музея.

М. Н.: Еще один довод в пользу Красной Горки? Лучшего места для создания Музея угля, чем Красная Горка, действительно не найти. Это мы решили еще в 2006 году. Она расположена на месте, связанном с именем известного всем Михайлы Волкова. Да и возвышается тот уголок на берегу весьма удачно, его искать не надо, добираться легко, и вид оттуда веселый и наглядный: вот Горелая гора, вот Томь, вот Коксохим, а вон город.

Исходя из этой концепции, в 2006 году на Красной Горке был сооружен архитектурный комплекс св. Варвары – великомученицы, покровительницы шахтеров. Затем в 2008-м появился памятник герою песни, может, первый в стране памятник молодому коногону. Построена удобная лестница снизу от моста, от остановки транспорта прямо к подножию памятника шахтерам Эрнста Неизвестного. Прослеживается главное – последовательность руководящих решений областного и городского уровня по развитию памятных и исторических объектов. Сначала на видном месте был установлен монумент шахтерам с благоустройством прилегающей территории. Затем – комплекс Варвары в законченном архитектурном ансамбле,

далее облагораживается уголок с коногоном... Все делается последовательно.

И теперь наступает последняя, самая главная очередь – строительство отдельного здания Музея кузнецкого угля. В нем обязательно должны быть залы экспозиций, горная библиотека, фильмотека с демонстрационным залом. Наш фонд в последние годы финансировал создание на Красной Горке хранилища фильмов советских времен. Состоялись поездки в Новосибирскую студию кинохроники, в Российский Государственный архив кинофотодокументов в Красногорске. Куплены копии всех фильмов (семь рублей за метр пленки), снятых в разные годы в Кузбассе. На их основе выпущены фильмы о Кемеровском, Киселевском, Прокопьевском рудниках. Там очень много интересных событий, сегодняшним поколениям абсолютно не известных. Скажем, выступление всемирно знаменитой балерины, народной артистки СССР Галины Улановой в раскомандировке перед сменой на шахте «Коксовая» им. Сталина. Поедет сегодня артисточка из какой-нибудь «Фабрики звезд» через всю страну в вагоне выступить на шахте? Думаю, что только за отдельную плату, но кто ее смотреть придет!

Музей сейчас способен создавать собственные фильмы. В планах – покупка документальных фильмов, будем создавать и фотоархив.

Идет проектирование территории музея, понятно, что он задуман в едином комплексе с Красной Горкой, и для начала надо разобраться с инженерными сетями, с энергоснабжением. Там, кроме самого здания, должен подняться павильон подземной техники, потребуются и горные выработки с комбайнами, крепью, конвейерами и прочим.

Работы много, не на один год, но главное – эта работа делается, отношение к объекту очень серьезное. В 2007 году, к примеру, заседание коллегии о начале работ в музее В. В. Михайлов провел в выходной, 5 января.

Сейчас Красная Горка является не только городским музеем, руководит им директор Наталья Ана-

тольевна Шелепова, а главным координатором дел является Ирина Федоровна Федорова, – там проводятся не только городские, но и областные мероприятия. Состоялась встреча бригадиров – Героев Кузбасса с Общественной палатой. Кузбасский совет ветеранов-угольщиков совместно с областным советом ветеранов войны и труда провели свой первый семинар. Задумываем провести встречу передовых шахтеров, на которую главные действующие лица пожаловали бы вместе с женами.

В середине мая наш Фонд совместно с областным департаментом культуры и городской администрацией провели круглый стол на тему «Хранители шахтерской памяти и славы». Приглашены директора городских краеведческих музеев, заместители глав городов, другие заинтересованные люди.

Растет известность Красной Горки. Она становится областной достопримечательностью, резко увеличилось число экскурсий из других городов. А в один из дней в прошлом году сюда, на памятное, доброе и светлое место, завернули 216 свадеб! Дальше будет больше.

Территория будет окончательно околонулена, оформлена, в единый комплекс должны быть сведены дома и постройки. Надо снести кой-какие развалюхи, убрать котельную, восстановить погружной комплекс – те самые лотки из плах, по которым уголь сгружали вниз, прямо на берег, на причал. И причал надо восстановить.

Задумки и планы есть, надо только следить за сохранением исторической правды. Все восстановленное должно максимально соответствовать историческому периоду. И, конечно же, должны соответствовать друг другу потребности и средства. В прошлом году из областного фонда подготовки к Дню шахтера было выделено на данные цели 13 миллионов, нынче запланировано 15. Надеюсь, получению их не помешает ни кризис, ни что другое.

Большое строительство пока впереди, на сегодняшний день идет проектирование. К возведению главного корпуса, к 2011 году, должны быть готовы и проекты, и территория, и мы сами.

Никита АНУЛЬЕВ

ФОТОПОВЕСТВОВАНИЕ О КРАСНОЙ ГОРКЕ

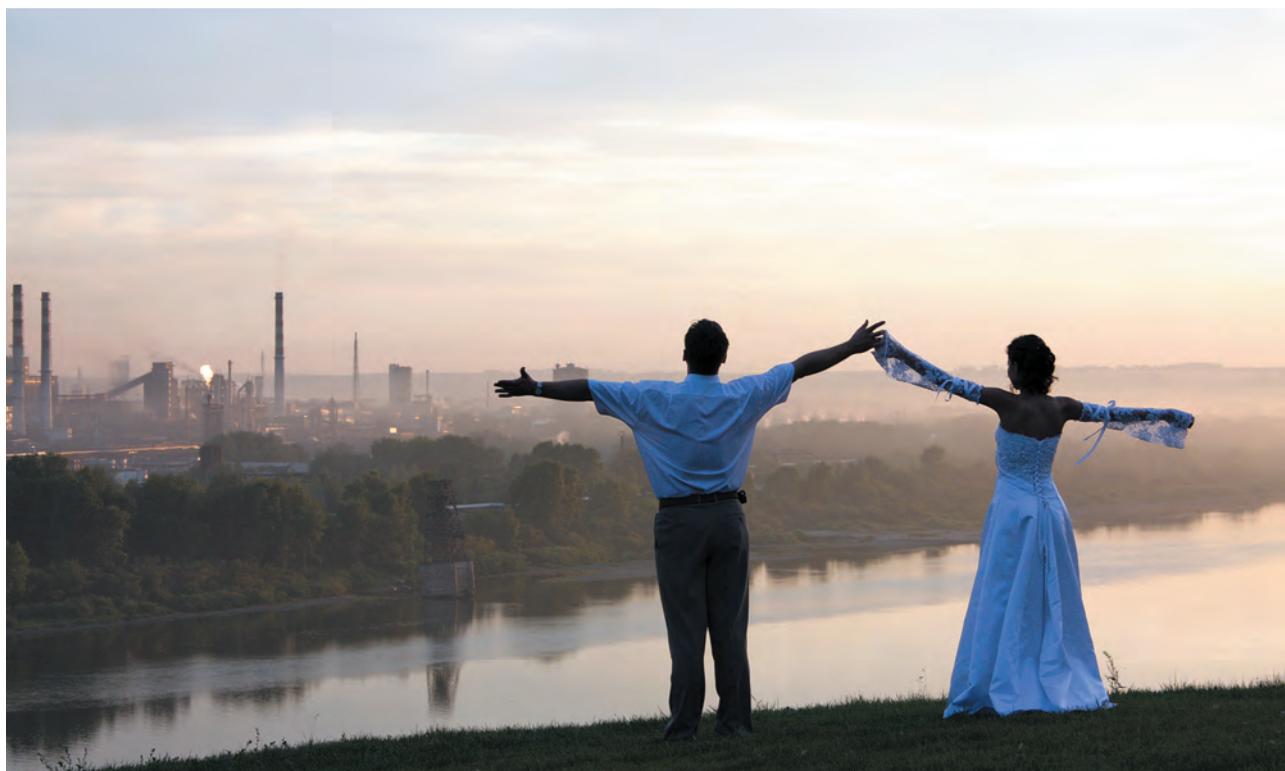

Александр ВОЛОШИН

Пролог к роману «ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ»

И разыгралось же сердце у каждого воина, когда эшелон, перевалив пограничный рубеж, помчался по родной земле. Сгрудившись у открытых дверей вагонов, солдаты молча глядели на израненные поля. Синий дымок вился за дальним лесом, редкие сизые облака ползли на запад, багровея в лучах заходящего солнца. Каждый вдруг понял, что давно в его жизни не было и таких обыкновенных туч, и такого розового заката, и курдрых дымочков за лесом.

Родина! Сколько сынов не вернулось в твои просторы!..

– Заяц! Смотрите, заяц! – кричит сержант Данилов и, сорвав с головы пилотку, показывает на прыгающий по зеленому полю комочек.

Долго в этот вечер не ложились спать. Сперва беседовали под торопливый перестук колес, потом в несколько голосов пели «Шумел камыш, деревья гнулись». И про Ермака пели, и про славное море Байкал. Пели, томимые ожиданием скорых встреч.

Дверь не закрывали, и в бледном проеме ее до поздней ночи маячила небольшая фигурка Степана Данилова. Этот парень с беленьким вихорком, упрямо торчавшим из-под пилотки, отличался удивительной непоседливостью. Но это была не детская непоседливость, а горячее желание поскорее присмотреться к родной земле, надышаться ее ароматами. Маленький, крепко сби-

тый Данилов очень прямо носил свою русую вихрастую голову. На его узком подвижном лице светились синие пристальные глаза. Стоило поезду остановиться, будь то рано утром или поздно вечером, он прыгал с подножки и сразу куда-нибудь бежал. Зато в вагоне все точно знали фамилию паровозного машиниста (37 лет стажа!), знали, что у этого старика племянница учится в московской театральной школе, а кроме племянницы, никого нет – всех фашисты порешили.

Данилов же сообщил, что первая узловая станция после границы будет утром.

А утром он вдруг исчез. Сначала этому не придали значения. Ну, нет и нет человека, едет, значит, в соседнем вагоне или на тормозе. Но к вечеру всем стало не по себе. Аккордеоном заняться было некому, новостей не было.

– Вот якорь-то, отстал парень, – сокрушенно посетовал старый солдат Алексеев.

– Наверняка влюбился, – полушутя сказал Григорий Вошин. – Помните, когда еще из Германии тронулись, он заявил: «Как перееду границу – в первую же русскую девчонку влюблюсь!»

Только через двое суток, уже в Смоленске, Данилов явился в вагон и, ни слова не говоря, завалился на верхние нары. Выспавшись, он не торопясь съел котелок колхозного варенца, вытер губы, отряхнулся и потянул к себе аккордеон. Но после бойкого перебора

● А. Н. ВОЛОШИН, 1952 год

вдруг остановился и задумчиво пригладил белый непокорный вихор.

– Был в Овражках, – сказал он негромко. – В сорок первом меня там так стукнуло – полгода валялся в госпитале, до пролежней.

– Ну и как? – насторожился Алексеев.

– Что как? До пролежней, говорю, валялся, вот как. Во мне и сейчас железа сколько угодно.

– Я не о том, – поморщился старый солдат. – Чудак человек, нашел чем хвастать. Я спрашиваю, как Овражки?

– Окоп своего отделения нашел... – Данилов растерянно улыбнулся, словно испугавшись, что его уличат в мальчишеском легкомыслии.

Но солдаты выжидающе молчали.

– Там, где первое отделение воевало, картошку посадили, а у самого моего окопа сад разводят... Вот люди! – Данилов помолчал и задумчиво добавил:

– Жарко там было, чёрт!

На лицах демобилизованных появились несмелые улыбки.

– Видишь ты... – удивился Алексеев. – Сад!

Но Данилов уже встряхнулся и широко развел меха аккордеона.

В Москве эшелон расформировали. Четверо сибиряков-попутчиков и дальше, уже пассажирским поездом, тронулись вместе. Сапер Моисеев, пожилой пехотинец Черкасов и Вошин – кряжистый, широколицый связист – ехали в Кузбасс, Данилов же был родом из Новосибирска.

Проворный маленький сержант занял верхнюю полку и залег там. Теперь он не бежал, а лежал чуть ли не целыми сутками, хотя духота в вагоне была нестерпимая.

За Уралом распахнулась необъятная сибирская ширь. Зеленые степи с голубыми осколками озер медленными кругами поворачивались за окном вагона. Солдаты стали заметно молчаливее. Вошин и Черкасов, оба одинаково обстоятельные, только тем и выдавали свое нетерпение, что чаще обыкновенного перекладывали в солдатских вещичках скромные гостинцы для домашних. Моисеев из Прокопьевска часто изумленно оглядывался и, потирая руки, говорил:

– А ведь кончилось!.. Товарищи! Вот, ей-богу, чудеса!

– Сиди уж! – подал однажды голос Данилов. – Чудес после воскресенья Христова не бывает.

– Нет, в самом деле, воевал, воевал...

– А соображаешь туго! – снова поддел Данилов. Моисеев сердито потянул себя за длинный прокуренный ус, но потом махнул рукой и вполголоса предложил, подмигнув:

– Выпьем?

Скромненько выпили, разложив на газете пайковую селедку, яйца вкрутую и кусочки холодного мяса.

Только что миновали Омск. Слегка захме-

лев, Данилов рассказал, как он познакомился с Воциным.

– Ты молчи, молчи! – строго прикрикнул он на связиста, когда тот попытался возразить что-то. – Раз было дело, значит, должен я рассказать, тем более что уважаю тебя... А было это двадцать девятого апреля. Мы уже в самом центре Берлина дрались. Лейтенанта нашего у Темпельгофа поранило, а капитана Рогова еще на Одере. Я командовал взводом, а во взводе четыре человека, если меня самого считать.

Утром передают приказ: «Вперед!» По улице немцы бьют из крупнокалиберного, да как! Перебежали мы до угла на Кирхенплатц. Смотрю, у крыльца, посреди известки и кирпичей, двое наших лежат. Убитые. А третий, живой, стоит и не хоронится. Пули тренькают, чиркают обо что ни попадя, а этот солдат стоит и плачет, плачет и ругается: «Сволочи, говорит, ребят наших загубили. Всю войну бились вместе... Сволочи, засели вон под тем танком и подыхать добром не желают!»

– Будет тебе, – несмело останавливает Воцин. – С кем не бывало, сам знаешь...

– Все знаю, ты помолчи! – продолжает Данилов. – Так вот. «Подожди, – говорю я солдату, – размокнешь еще, чего доброго, дай оглядеться...»

Отдышался. В глазах свет прояснился. Небо на востоке чистое, будто его умыли. А на западе туча на тучу громоздится. Над головами гудит – это наши тяжелые идут. Идут эшелонами и, немного не дотянув до своего переднего края, разом ныряют. Посмотришь – даже голова в плечи уходит. Но бомбы точно следуют во вражеский адрес.

Берлин охает, гарью воняет. «Ага, – думаю, – это вам за Сталинград, за Овражки, будьте вы прокляты!» Говорю своим ребятам: «Видите угол, под которым танк завалился? Ну вот, нам хоть землю зубами грызи, а нужно хлопнуть фашистов, которые выстрачива-

ют оттуда». Командую больше для бодрости духа: «Справа по одному!»

А справа у меня только один Колька Грачев – маленький, в чем душа, но въедливый, как клещ. Только крикнул я, как на нашу голову столько штукатурки посыпалось – уму непостижимо! Переждали. А чуть утихло – Колька Грачев метнулся на тротуар и за тумбу. По нему и давай щелкать. Парень только головой мотает. Убьют, думаю, стервецы. А солдат, который плакал, тянет меня за ногу и просит: «Сержант, а сержант, дай я сам...» – «Поди ты, – говорю, – к чёрту, плакса! Не мешай серьезным людям воевать».

И вдруг этот плакса вскакивает, как на пружинах, и в окно – только его и видели. А мой Грачев забрался уже в воронку от бомбы, аккуратно посреди улицы, но из воронки головы показать не может. У нас, у троих, положение не лучше. Так четверть часа прошло, не меньше, – и вдруг на обломке балкона, прямо над головами немцев, показался солдат, тот самый, который плакал. Я просто ахнул. Еще какая-нибудь минута – солдат поднимается во весь рост и замахивается.

За танком взрыв, другой!.. Бежим туда. А там уже все аккуратно сработано. Солдат стоит и шатается. «Я, – говорит, – тут им... закончил войну...» – говорит и падает.

– Вот и вся история, – усмехается Данилов, – хотя не совсем вся, потому что, когда я этого солдата провожал в санбат, произошел один интересный разговор, но об этом как-нибудь потом.

– Правильно, – облегченно вздыхает Воцин. Несколько секунд они с Даниловым глядят в глаза друг другу, потом разом перемигиваются и уж совсем дружелюбно хохочут.

А где-то уже за Барабинском маленький сержант вдруг поднялся ночью, беспокойно потоптался среди узлов и чемоданов, потом присел рядом с Воциным.

– Ты понимаешь, друг, – заговорил он вполголоса. – Душа раздваивается. Если в Ново-

сибирские остаться, так что я там буду делать? Ни родных, ни друзей. Голову приткнуть негде. Специальность тоже – знаешь какая – парикмахер. Не помирюсь теперь с этим.

– Бывает, – словно сквозь дремоту, но в то же время настороженно промямлил Вошин.

– Во-во! – оживился сержант. – А что, если мне податься в Кузбасс? Как думаешь?

– В Кузбасс? – Вошин привстал.

– Ну, конечно, вот чудак!

– Отчего же, можно и в Кузбасс... Только ты же не шахтер, ты же не металлург!

Данилов отмахнулся:

– Это неважно! Кто же шахтером родится?

Разговор заметно обеспокоил Вошина. Он минут пятнадцать поворочался с боку на бок, но так и не заснув, вышел в тамбур.

Звездная широкая ночь неслась за окном все назад, назад... Перелески темными гуртами то подбегали к самому поезду, то стремительно отскакивали прочь. А сквозь грохот колес был отчетливо слышен стрекот кузнечиков. Казалось, весь мир населен кузнечиками, что-то старательно, почти неистово кующими под каждой былинкой, под каждым листочком.

Надышавшись вволю упругим ветром, Вошин отошел вглубь тамбура. Может, он не прав, обманывая Данилова? Может быть, следовало сделать как-то по-другому? Рассказать ему всю правду?

Вошин вспомнил сейчас, как в первую же встречу с Даниловым в Берлине они разговаривались по пути в санбат.

– Сибиряки, земляки! – обрадовался Данилов. – Эх, Сибирь, Сибирь... Далеко, матушка!

Но Сибирь велика – уточнять стали: откуда? Оказалось, рядом живут: один в Новосибирске, другой – в Кузбассе.

– Так ты из Кузбасса? С Березовского рудника? – удивился сержант. – Ну, дорогой, за такой удачей мне нужно всю жизнь гоняться. А ну, подожди, садись. Вот так. А теперь выкладывай: Тоню Липилину знаешь? Есть, есть там такая, не крутись! Знаешь? Я тоже.

На Брянском встречались. Ранена там была дважды, потом опять воевала, потом мы потеряли друг друга. Адреса домашнего не имею. Вот горе! Ну?..

– Может, на перевязку сначала? – попробовал увильнуть Вошин.

– Ладно, ладно! – запротестовал Данилов. – Не умрем. Все равно через час в бой. Выкладывай.

Пришлось выкладывать. Тоню Липилину Вошин, конечно, знает, потому что она ему приходится двоюродной сестрой. Известно ему, что девушка воевала, а теперь...

– Адрес? – перебил Данилов.

– Вот и с адресом тоже... Неизвестен адрес... Скорее всего, переменила она место жительства... – Вошин густо покраснел под неотступным взглядом сержанта.

Разговора по душам не получилось. А когда они возвращались из санбата, Данилов, криво усмехаясь, сказал:

– Значит, сестра? А что ж ты так крутишься, будто тебя припекают? Имей в виду, я ведь все равно после демобилизации съезжу на этот рудник... Такое мое решение.

Трудно пришлось тогда Вошину, да и потом не легче было. Но что он мог сделать? Сказать всю правду? Сказать, что Тоня на руднике, вернее в соседнем городе, в госпитале, что «не видят ее глазыньки свету белого», как написала однажды тетка Мария?

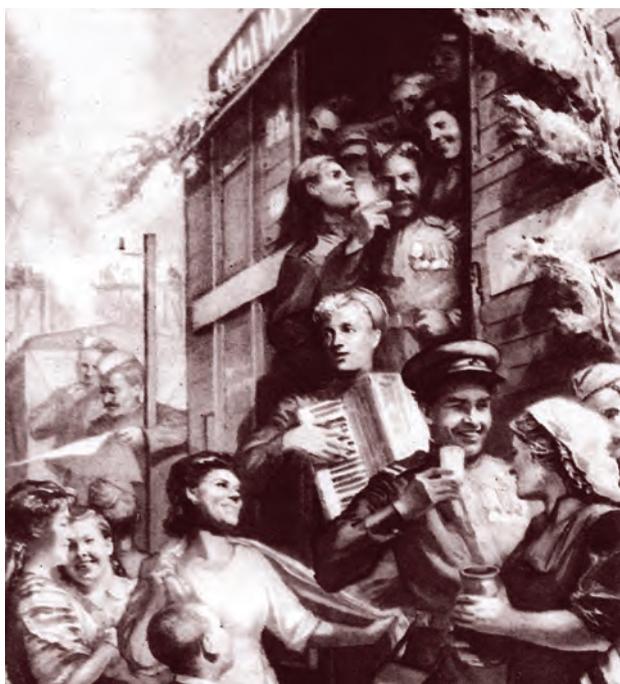
Нет, это он не мог сделать – нестерпимо жалко было и сестру, и солдата-товарища, невмочь было бы смотреть на то, как в глазах Данилова погаснут теплые огоньки... Пусть уж это как-нибудь по-другому произойдет.

– А может быть, все образуется? – вслух спросил Вошин и, выбросив окурочек в окно, оглянулся.

В двух шагах от него стоял Данилов. Хотел обойти его сторонкой, но тот только шире расставил ноги.

– Степан, ты твердо решил в Кузбасс?

Сержант даже головой крутнул.

● **Иллюстрация Д. Пяткина**

– Твердо. Мне надоело ходить вокруг этого. Давай разом договоримся. Я хочу видеть Тоню, и пусть она сама скажет окончательное слово. Это она скажет, будь уверен. Но еще не в этом вся суть, не потому только еду именно на тот же рудник, что и ты. Есть там такой человек, единственный для меня на всей земле... Гвардии капитан Рогов... – Данилов помолчал, а потом уже тише закончил: – Роднее брата мне этот человек. Расстались еще на Одере. Я должен видеть его. А тебе не буду надоедать, ночевки не попрошу.

Воцин гневно насупился.

– Ну-ну! – примирительно толкнул его Данилов. – Знаю, что солдаты – порядочная публика. Я хотел только выяснить обстановку.

Едва ли им принес удовлетворение и этот разговор. Но Данилов вновь ожил, бегал на станциях за кипятком, без усталости наигрывал русские, хватающие за сердце песни и приобрел в вагоне немало почитателей.

От Новосибирска в соседнем купе ехала молодая женщина с шестилетним шустрим

сынишкой. Мальчуган сразу же пошел по вагону, с живейшим любопытством прислушиваясь к разговору взрослых и сам охотно завязывая беседы. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, а с первой же минуты не выпускал из виду Данилова с аккордеоном. Чудесный перламутровый инструмент заволокнул его. Наконец он осмелился и мимоходом тронул одним только пальцем сверкающую клавишу инструмента.

Данилов подмигнул товарищам.

– Серьезный мужик!

Через минуту они познакомились, а через пять подружились. Поэтому довольно легко удалось выяснить, что Валерий очень обстоятельный человек. Во-первых, у него необыкновенная мать – горный инженер; во-вторых, едут они сейчас из отпуска к себе на рудник, где живет бабушка и где Валерий думает заняться рыбной ловлей. Между прочим, рыбная ловля – это только так, для потехи, а вообще-то он твердо решил тоже стать горным инженером.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что и бабушка у Валерия тоже не такая, как у всех соседских ребяташек.

– Н-е-е-т! – мальчуган машет рукой по адресу всех остальных бабушек и пренебрежительно выпячивает нижнюю губу. Собственная бабушка Валерия – мать-героиня называется. – Только... – Валерий подмигивает и с видом глубочайшей доверительности громко шепчет на ухо Данилову: – Только если по правде, на честное слово, то она никакая не мать, а бабушка.

Это он точно знает. Потому что если мать, то обязательно молодая, красивая, как вот у него.

– Ишь ты! – удивляется Воцин. – А где же твой папка? Тоже на руднике?

От окна быстро повертывается мать Валерия, глаза у нее большие, испуганные. Сердце Данилова тревожно сжимается. Привстав, он энергично подмигивает Воцину.

– А он воевал с фашистами, он сильный!
– охотно восклицает мальчуган. – Ты тоже воевал? А почему папу не видел?

Солдаты переглядываются, лица их словно бы сереют. А Валерий все настойчивее спрашивает:

– Он большой – мой папа... Ты видел его?

– Вот что, дорогой, – спокойно перебивает мальчуган Данилов, – приедешь домой, отправляйся сразу же на рыбалку. А потом учись на инженера. Папа твой вернется – это я точно знаю.

– Ты его видел?

– Видел, родной! – голос сержанта чуть заметно дрогнул, глаза стали пустыми, невидящими. Но он сейчас не глазами, а занявшим сердцем видел тысячи безымянных могил на полях родины, на берегах Буга, Вислы, Одера... Падают дожди на неприметные холмики, поднимаются буйные травы вокруг, колосятся необъятные хлебные нивы... – Играй, родной! – Данилов ставит огромный аккордеон Валерию на колени и, заметив благодарную улыбку на лице его матери, отвертывается и долго не может зажечь спичку.

– Да ты не тем концом чиркаешь, – замечает Воцин.

– Оставь! – сурово обрывает сержант.

В Белове, выглянув из окна, Валерий кричит на весь вагон так, что в ушах звенит:

– Мама! За нас трамвай зацепился! Большущий!

– Не трамвай, деточка, а электровоз, – тихо объясняет женщина.

Слушая звон детского голоса. Воцин смущенно говорит Данилову:

– Умное дите.

Попетляв на Салаирских горных отрогах, поезд миновал маленькую станцию Артышта. Назад, в ясный предвечерний зной, все быстрее катились зеленые холмы. В открытые окна врывается тугой чистый ветер. Изредка сквозь железную скороговорку колес слышались короткие певучие сигналы электро-

возов. С грохотом обвала пронеслись мимо встречные поезда.

– Уголек... – коротко бросал Воцин и с довольным видом поглаживал колено, словно сам добывал этот уголек. – А это металл, с Кузнецкого. И алюминий теперь там делают, и машины, и эти... как их, ферросплавы. Кузбасс!

Светлые тени скользят по лицам солдат, на губах улыбки то появляются, то исчезают, а глаза сосредоточенно строги.

Каким недосыгаемо далеким казался родной край, когда в январе 1943 года Воцин мерз трое суток на безымянном снежном увале, в 90 километрах от Орла, когда, не замечая ни обжигающего мороза, ни частых минометных ударов, он ожесточенно долбил каменно-твердую землю, чтобы было за что зацепиться. Далеко был Кузбасс, а ведь даже в самые страшные минуты не покидала надежда снова увидеть эту суровую землю с ее скуповатой, но такой близкой сердцу красотой.

Распустив чистые легкие паруса, летит над дальними холмами белое облако. Белые домики, выравниваясь по решетчатым оградкам, поднимаются в гору, ближе к солнцу.

– Новый поселок, до войны не было, – замечает Моисеев и начинает торопливо собираться. – Мне пора, – говорит он, взволнованно покашливая. – Понимаете, как-то вдруг: ехал, ехал, ждал, ждал – целых пять лет ждал!

На перроне прокопьевского вокзала задушевно простились с этим солдатом. А через час поезд тронулся дальше. Смеркалось. Народу в вагоне становилось все меньше. В соседнем купе капризничал Валерий и все спрашивал:

– А он не уйдет? А он даст поиграть на гармошке?

Данилов стоял у окна, медленно приглаживая волосы. Летела мимо смуглая вечерняя земля, взмывали и падали телеграфные провода, ворчали колеса под вагоном: скоро... скоро...

Юрий БАЛАНДИН

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

Четверть века назад на глазах тогдашних кемеровских журналистов рождалась интересная книга.

Областной писательской организации еще не было. Те, кто отваживался пробовать силы в прозе, поэзии или критике, собирались в редакции газеты «Кузбасс» на «литературные среды». Интересные это были встречи. Их с увлечением вели видный местный экономист, автор нескольких книжек для детворы Владимир Николаевич Алексеев и молодой тогда педагог-словесник, ныне заслуженная учительница России Нина Васильевна Чистякова. Оба владели даром литературного анализа, могли дельно спорить и четко резюмировать обсуждение.

Приходили сюда старые журналисты, в их числе несколько москвичей, задержавшихся в эвакуации, они могли щегольнуть и знанием иностранных языков, и малоизвестными афоризмами, и знакомством с видными литераторами страны. К старшим жадно прислушивалась молодая публика, из которой многие еще не успели снять военные кители и гимнастерки. Все чаще и она подавала свой не вполне уверенный, но крепнущий голос.

В один из таких вечеров мы и увидели Александра Волошина, в ту пору собственного корреспондента газеты «Кузбасс» по югу области. Кряжистый, крепкий фронтовик. Густо басит, вид спокойный, суровый. Недюжинная сила угадывалась сразу при взгляде на него.

Истинный сибиряк...

Он прочитал главы из киносценария о шахтерах. Не все здесь было ровно, и все

же слушали мы с удовольствием: было заметно, что жизнь шахтеров он знает не понаслышке, что он сам поработал в шахте и, рассказывая о ней, умеет высекать чудесные искорки. Понравилась его манера иронизировать – тепло, с большой душевной щедростью, с любовью к своим героям. Перед молодежью, только начинавшей путь в газете, предстал бывалый, с доверенным еще стажем журналист, который решил обрести и опыт беллетриста...

Ему дружно сказали, что этот сценарий интересный, но какой-то обрывочный, надо развертывать в большую книгу – в повесть или роман. Он и сам это чувствовал. Один из упомянутых выше москвичей, весьма редко даривший комплименты, на сей раз высказался так:

– То, что пишет Волошин, похоже на настоящую литературу.

И Александр Никитич взялся за трудную работу, писал главу за главой, продолжая выполнять важные редакционные задания. Его собратья-корреспонденты и сотрудники аппарата редакции любовались тогда качеством и глубиной статей. Чувствовался в них отпечаток писательского дара. Он быстро рос творчески. Приезжая в Кемерово, шел вновь на «литературные среды» и читал нам очередные главы романа. Пристально слушал каждое замечание, со многим соглашался – а затем переделывал и переделывал текст, добивался, чтобы роман стал взрослее, компактнее, ярче.

Завершив и издав книгу «Земля Кузнец-

кая», Волошин вскоре говорил шутя на читательской конференции:

– Писал ее всю жизнь и еще два года.

В самом деле, роман отразил в себе его главные впечатления, симпатии и антипатии, накопленные за прожитые годы. Было из чего выбрать: начиная с юных лет, довелось ему работать землекопом и бетонщиком на Кузнецкстрое, забойщиком и взрывником на одной из шахт в Осинниках, служить в армии, быть газетчиком в Осинниках и Черемхове. Все эти годы он тянулся к литературе и искусству, печатал изредка в различных изданиях небольшие вещи, четыре года учился в Иркутском университете. Приехав перед войной на очередную сессию, пережил памятную сцену: он привез с собой рассказ, написанный карандашом в клетчатой тетрадке, и пришел в местное бюро Союза писателей. Дежурил в этот день молодой литератор Георгий Мокеевич Марков, в наши дни один из ведущих деятелей советской литературы. Был разговор участливый и требовательный, из которого Волошин узнал, что способности его несомненны, и с тех пор не переставал думать о своем призвании писателя... А потом грянула война, где он, бывший землекоп и взрывник, вполне естественно стал опытным сапером и минером и дошел до предместий Берлина, заслужив орден Отечественной войны и медаль «За отвагу».

Очень понятно, что в центре своего первого романа он поставил одаренных и беззаветных тружеников из полюбившегося ему Кузбасса – тех, кто побывал на фронте и вернулся в родной край, чтобы преобразовать его в мирную пору, завоеванную кровью. Таков Павел Рогов, бывший комбат, главный инженер шахты. Таков и Степан Данилов, Герой Советского Союза, чья фронтовая дружба с Роговым углубилась и окрепла на Кузнецкой земле.

Помнится первое восприятие этой книги. Множеству читателей пришлось по душе

● А. Н. Волошин в зрелом возрасте

люди, ведущие битву за уголь. Рогова и Данилова окружила в романе группа юных горняков, горячих, искренних, непосредственных. Все они, в меру своих сил и умения, дрались за будущее шахты, за ее трудовую славу. Им оказали драгоценную поддержку парторг и крупный изобретатель-самоучка.

Немало в романе лирических сцен, посвященных чистой, большой любви. Это подкупало. Не случайно книге Волошина всюду открывалась «зеленая улица». Кроме многочисленных изданий в нашей стране, она уже в первые годы выдержала около двадцати изданий за рубежом. Прежде всего в странах, начинавших строить социализм. Автора приняли в Союз писателей СССР, звали для выступлений на шахты, заводы, в библиотеки, во дворцы культуры. Он получал груды писем, особенно

его трогали письма солдат: те спрашивали о дальнейшей судьбе героев, даже о том, усовестилась ли девушка, покинувшая Рогова, и еще о том, можно ли после армии поступить на шахту «Капитальная», изображенную в книге. В апреле 1950 года мне довелось быть в Москве, когда по радио передавали телеграмму ТАСС о присуждении Государственных премий в области литературы и искусства. Среди новых лауреатов назвали и Александра Никитича Волошина. Через несколько дней он появился в столице – праздничный, подтянутый, сбросивший, казалось, все утомление предыдущих лет. Рассказал с гордостью еще об одном знаке высокого внимания: его пригласили быть 1 Мая на Красной площади...

Так начиналась писательская организация Кузбасса.

* * *

С тех пор много воды утекло и немало событий свершилось. В области появилась целая поросль литераторов, вдумчивых, ищущих и – находящихся. Каждый из них в той или иной мере чувствовал крепкую поддержку Александра Волошина. Сам он много ездил, видел, читал, обдумывал, продолжал писать. Порой на годы умолкал, печатая лишь очерки в газете, которой всегда был по-солдатски верен. Вышли в свет романы «Дальние горы» и «Все про Наташку», где оживают на новом этапе те же герои. Здесь видно, как шлифовался стиль писателя, насколько глубже он стал видеть жизнь. Напечатаны пьесы, книги повестей и рассказов, статьи и рецензии Волошина.

В день, когда за плечами у него 60 лет, хочется пожелать, чтобы он еще вернулся к героям «Земли Кузнецкой», сказал о них свое сегодняшнее слово. Недавно был у него в гостях крупный изобретатель-самоучка, лауреат Ленинской премии Яков Яковлевич Гуменник – прототип образа Акима Акимовича из

волошинских романов. Писатель часами слушал рассказы старого друга о том, как шагает в гору наша техника, какие средства может теперь ассигновать государство на ее развитие и как все это сказывается на облике людей горняцкой профессии. Пусть подобные встречи увлекут его вновь на большую работу.

Недавно он принес в редакцию только что законченную повесть, на которую воодушевили его фронтовые воспоминания. Читатели уже познакомились с отрывком из нее и могут судить о стиле, душевных устремлениях, взглядах автора. В чем-то он совершенно неизменен, этот суровый талантливый сибиряк с громовым голосом, чутким умом и горячим, отзывчивым сердцем. Стареть ему не надо. Ему надо молодеть.

*(Газета «Кузбасс» от 12 сентября 1972 года
«Писателю А. Н. Волошину – 60 лет»)*

Официальная справка

Александр Никитич Волошин родился 31 августа 1912 года в Петербурге. Девятнадцатилетним юношей приехал на строительство Кузнецкого металлургического комбината. Работал грузчиком, землекопом, бетонщиком, потом запальщиком, отбойщиком на шахтах города Осинники, был секретарем Осинниковского горкома комсомола, литературным сотрудником в газетах Кузбасса.

Александр Никитич Волошин – участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал корреспондентом газеты «Кузбасс». С 1948 года – профессиональный литератор. В 1949 году в Москве и Новосибирске был издан первый роман писателя – «Земля Кузнецкая», удостоенный Сталинской премии СССР. В 1950 году Волошин был принят в Союз писателей.

Умер в 1976 году в Кемерове.

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

МЯТЕЖНИК

За ненависть ему платили ненавистью, за любовь забывали платить любовью.

«Самое, конечно, трудное – это ночь, когда хочется выйти в лес, в темь и спросить: «Эй, рассвет, ты скоро?»»

Из дневников писателя

Год 1967-й.

В Новокузнецке стояла жара. Пахло горячим асфальтом. Пегое небо, поникшие тополя, слабый ветерок гонял по дорогам серую пыль. Шли мы медленно. Я подумал: «Огрузил ты что-то, Никитич дорогой! Старость – не радость».

На черном ремешке, перекинутом через шею, болтался у него маленький транзистор, исторгая песню: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...»

– Хорошо поет! Русская песня-то. Теперь мало поют такие. А жарко у вас! – Он остановился и вытер широкое лицо платком.

– А у вас не жарко?

– Тоже жарко. У нас еще химией пахнет, будто тухлым яйцом. У вас железом отдает.

– Дерьма хватает и у нас, и у вас – тяжелая индустрия...

– Тяжелая, да. Труб-то вон сколько, и не сочтешь. Раньше гордились дымом, теперь помаленьку стыдиться начинаем – дышать нечем. Ты знаешь, я ведь не только на шахте чертоломил, еще ваш Кузнецкий комбинат строил, вкалывал будь здоров, да.

Он часто наезжал в мой город – делал пьесу для драмтеатра по мотивам «Земли Куз-

нецкой». Устроившись в гостинице, звонил обязательно – не выносил одиночества:

– Подбегай через часок, я тут мизансцену заканчиваю, немного осталось.

Я, конечно, подбегал.

– Давай маленько разомнемся, на улице-то благодать.

– Давай разомнемся.

Вот мы и разминаемся.

Идет он тяжело, шаркая по асфальту ботинками, часто останавливается, с прищуром разглядывая новые дома в лесах.

– Это что там у вас водрузили – во-о-он на перекрестке, не вижу отсюда?

– Памятник Суворову. Давно стоит.

Качает головой, слышно сопит:

– Суворов – мужик куда с добром, но при чем здесь Сибирь, он, вроде, не воевал в наших местах. Своих героев навалом, вот своих и выпячивай на здоровье, – и неожиданно: – Знаешь, здесь ведь сплошь болото стояло, уток стреляли, американские спецы на спиннинг (для нас этот инструмент был в диковинку) из Томи тайменей таскали – во-о-от таких, – и распахивает руки. – Больших тайменей. И хариус водился. Теперь ничего такого нет, так?

– Так.

– Вспоминается многое. Я вот иду и пишу, иду и пишу.

Кокетничал, пожалуй. А может, только у меня так не получается – писать на ходу?

За стеклом газетного киоска я увидел книгу, купил тут же:

– С тебя автограф.

То был роман «Все про Наташку», выпущенный Кемеровским издательством. Никитич подержал томик в блеклой обложке на ладони и вздохнул опять с затылком:

– Сколько я с ним мыкался, с романом-то: никто не решался печатать – я же запятнанный, нехороший и всякое такое.

Потом вынул из кармана рубашки ручку (чернила расплзались на дешевой газетной бумаге), написал несколько теплых слов и поставил дату.

Жить ему оставалось десять лет.

* * *

В 1950 году я поступил в Московский полиграфический институт на редакционно-издательский факультет. Институт располагался на Садово-Спасской улице. Позже я вычитал у великого кукольника Сергея Образцова, что когда-то в этом трехэтажном доме была элитная гимназия. Потом в довольно большом дворе понастроили бараки для институтской библиотеки, читального зала и подсобок. В одном из узких переходов этого лабиринта были развешаны портреты лауреатов Сталинской премии, среди других выделялось крупное лицо с тяжелой челюстью и волнистой копной волос, длинная подпись гласила, что данный товарищ есть не кто иной, как Александр Никитич Волошин, строитель, шахтер из города Осинники Кемеровской области, фронтовик, сапер на войне,

писатель. Премии он удостоен за роман «Земля Кузнецкая». Я останавливал студентов, упирал палец в фотографию и говорил: «Это наш мужик, земляк мой». Я был в те минуты полон неподдельной гордости: и мы, дескать, не лыком шиты. Больше я ничего добавить не мог. А ведь уже тогда о нем ходили легенды. Теперь же историям, связанным с мятежной, а временами и шальной жизнью Александра Никитича, несть числа.

Ну, к примеру, такая.

Новогодний вечер.

Падает разлапистый снег, и чудится, будто, падая, он шелестит. Такими вечерами, полными благодати и задумчивой тишины, награждает нас Всевышний для того, чтобы мы встречали грядущее с надеждой и проводили минувшее с легкой грустью.

У кинотеатра «Москва», самого крупного тогда в Кемерове, росла – может, и сейчас растет – огромная елка. Публика, истекающая после сеанса на улицу, была слегка ошеломлена, рассмотрев в сумерках следующее: под елкой топчется, чтобы согреться, крупный мужчина в дорогой шубе и таким раздольным жестом приглашает честной народ выпить и закусить по случаю праздника. В ногах у человека ящик водки, на ветках же развешана колбаса, лимоны, а для детей – конфеты в фантиках.

– Подходите, земляки! Волошин угощает.

Угощались, благодарили, хвалили за щедрость. Весело было!

Или еще.

В один из приездов в Москву зашел Александр Никитич в буфет Дома литераторов. На этот раз его привлекла новая, довольно внушительная батарея винных бутылок с иностранными этикетками. И хотя во время войны в разных городах Германии в досталь

вкусил он разных иноземных напитков, но показалось ему, что есть тут что-то новенькое и раньше не пробованное. Собрав всех знакомых, оказавшихся в ту пору в зале, он распорядился: «Будем пробовать все. Открывайте по одной разного сорта!» Вскоре почти все бутылки с буфетной стойки перекочевали за столики. Желаящих приобщиться к заморскому питью оказалось довольно много, но и бутылок было достаточно.

В общем, пили все и выпили все, что смогли. Ну а расплачивался, естественно, Никитич.

Когда деньги кончились, до глубокой ночи угощались еще и в долг: кто в ту пору не знал Волошина – всюду ему шли навстречу.

А вот еще одна история, которую рассказал мне сам Волошин.

Дело было в Москве. Получив довольно большой гонорар за очередное издание «Земли Кузнецкой», Никитич по совету приятеля купил «Москвич». Но поездил на нем очень недолго. Как-то возвращался он из гостей, где, конечно, было немало выпито. Сознывая это, ехал Никитич медленно, осторожно, поближе к обочине. Но в какой-то момент отключился и очнулся от удара: машина прямоком въехала в фонарный столб и заглохла. Сам, к счастью, не пострадал. Вышел из машины, остановил проезжавшее такси и поехал в гостиницу «Москва», где тогда жил. Утром ни свет ни заря в дверь раздался требовательный звонок. Открыл. Батюшки-светы, милиция! Что такое? Вроде бы накануне вел себя прилично и общественного порядка не нарушал. «Инспектор ГАИ такой-то, – представился милиционер. – Вы владелец «Москвича» государственной номер...» – и т. д. и т. п. Ах, вот оно что! Про машину Никитич и думать забыл.

В общем, сообщил ему инспектор, что «Москвича» отбуксировали в какое-то отделение ГАИ на окраине города и что его владелец, то есть Александр Никитич, может получить его в любое время. Однако столичная жизнь – дело суетное: встречи с друзьями, хождение по редакциям, посещение Союза писателей и проч. Так и не собрался Никитич поехать за машиной. Оставил в подарок москвичам.

В то время он наверняка ощущал себя только что вышедшим из тайги старателем, золотишником, щедро делившим фарт и с друзьями, и с незнакомыми... А может быть, он, как многие тогда, только что вышел из страшной войны? И постоянно помнил о другом своем великом везенье – остаться в живых? Однако пора кончать с легендами.

Только сейчас, когда пишутся эти строки, я сделал открытие, пусть небольшое, но, тешу себя надеждой, существенное: литературу Кузбасса, особенно на первых порах, делали не гуманитарии, а люди, так сказать, от станка. В качестве иллюстрации к моему этому утверждению назову лишь несколько имен. Александр Никитич, повторяю, был шахтером, Евгений Сергеевич Буравлев – строителем, Виктор Михайлович Баянов, отличный поэт, до пенсии водил тепловоз, прозаик Анатолий Соболев, бывший в войну водолазом, по специальности механик, Виктор Чугунов – тоже шахтер, Анатолий Ябров – машинист турбин. Ну, и так далее. Лишь на перевале шестидесятых годов начали подавать голос выпускники Новокузнецкого педагогического института, томского, ленинградского, московского университетов, направленные в Сибирь по распределению. Это были в основном филологи, журналисты, дерзающие выдавать не только репортажи о передовиках производства.

Вот здесь-то я и хочу подчеркнуть особую, высокую и благородную, заслугу Александра Никитича Волошина. Она, заслуга, состоит в том, что именно он, и никто другой, начал собирать вокруг себя литературную рать – дерзкую и честолюбивую молодежь. Рать составляли солдаты, жаждущие стать генералами. Не все, разумеется, обзавелись золочеными погонями, но камень был брошен, по воде разбежались круги.

* * *

Замечу, что я редко встречал людей, которые так бескорыстно радовались успехам молодых литераторов, как это делал Волошин. А он не только радовался, но и, как только мог, помогал им: редактировал рукописи начинающих авторов, приглашал их на литературные вечера и встречи, где предлагал выступить со своими еще никогда и нигде не печатавшимися произведениями, и довольно часто предлагал их редакциям журналов и издательствам. В связи с этим расскажу одну историю.

В 1955 году из Москвы в Новокузнецкий (тогда еще Сталинский) педагогический институт приехал заведовать кафедрой литературы молодой кандидат наук Николай Якушин. Человек, горячо и преданно любящий литературу, он довольно быстро вписался в литературную жизнь Новокузнецка: стал много печататься в городской газете «Кузнецкий рабочий», выступал с лекциями на шахтах, в цехах Кузнецкого металлургического комбината и т. п. Под его руководством активизировалась работа городского литературного объединения. Произведения его участников стали довольно часто появляться на страницах «Кузнецкого рабочего», областной газеты «Кузбасс», а потом в

альманахе «Огни Кузбасса» и даже в «Сибирских огнях». Обо всем этом Волошин, конечно, знал, но как-то не удавалось ему с молодым кандидатом познакомиться. Умудрились они не встретиться даже на Первом Учредительном съезде писателей РСФСР, на котором Волошин был делегатом, а Якушин гостем: к Никитичу было не подойти из-за роившихся вокруг него московских дружков. Познакомились они вскоре после возвращения со съезда, на совещании в обкоме КПСС. Там, кстати, всегда любили продемонстрировать свою заинтересованность развитием литературной жизни в Кузбассе: много говорилось правильных слов, ставилось множество задач. Но когда дело доходило до решения конкретных вопросов и помощи, прежде всего начинающим авторам, то дело ограничивалось, как правило, туманными обещаниями. Там, на этом совещании, Якушин поделился с Волошиным замыслом написать книгу о пребывании Достоевского в Сибири. Никитич горячо поддержал идею и с присущей ему энергией стал убеждать разные инстанции в необходимости издания такой книги. Начал с обкома. Там к этому отнеслись довольно сдержанно. Имя Достоевского, несмотря на недавно отмеченное 75-летие со дня смерти писателя, у многих вызывало настороженное отношение. Ну как же, и Ленин ведь не любил «архискверного» Достоевского, да и Горький его не очень жаловал. К тому же книг о Достоевском тогда почти никто не издавал, если не считать вышедших к юбилею монографии В. Ермилова и повести М. Никитина «Здесь жил Достоевский». Но ведь жил он – пусть короткое время – и в нашем Старокузнецке... Никитич делал все возможное и невозможное. И ведь добился-таки своего: книгу Якушина вклю-

чили в план Кемеровского издательства, и уже в конце 1960 года она вышла в свет.

Надо сказать, что при всей открытости характера Никитича, при всем том, что вокруг него постоянно крутилось множество народа, близких друзей рядом с ним я не видел. Мы же (я говорю о себе, Гарике Немченко и некоторых других) в ту пору были слишком молоды и о дружбе с Никитичем и не помышляли. Для нас он был патриархом и человеком если и не старым, то довольно пожилым. У нас тогда были свои интересы. Что же касается Якушина, то он был постарше нас, да и жизненного опыта у него было побольше (во время войны он четыре года проработал на военном заводе). В общем, стали они друзьями. И теперь в каждый свой приезд в Новокузнецк Никитич прямо с вокзала отправлялся к Якушину – благо, жил он недалеко от вокзала. А тот в свою очередь, приезжая в Кемерово, всегда останавливался у Волошиных.

Так уж случилось, что недолго прожил Якушин в Кузбассе, теперь он профессор одного из московских педагогических университетов и при наших, теперь уже очень редких встречах, когда мы вспоминаем Волошина, всегда говорит о нем тепло и проникновенно.

Прибегну к дневниковой записи лауреата:

«Мы берегли своих поэтов, а разве их урежешь?» Какая это грешная неправда. Когда и кто берег своих поэтов на Руси! Загляните в наши нынешние авторские «права» – это свод скотского бесправия».

И еще:

«Было сказано когда-то (Г. Гейне, по словам А. Кони), что человек в разгаре своей деятельности похож на солнце; чтобы его рассмотреть как следует, надо видеть его при восходе или закате».

* * *

Я познакомился с Никитичем, и довольно близко, при его закате. Легенды об этом человеке приутихли, хотя кое-кто еще излагал их на мужицких пирушках, опять же с нелицеприятным подтекстом, но, как бывает, мало кто помнил добро и бескорыстие.

Никитич (да и не он один!) на своей нетолстой шкуре испытал, как больно падать с большой высоты, как неприятно остаться одному со своими невзгодами. Однако он был тогда еще деятелен и полон замыслов.

...Квартира на четвертом этаже по улице Весенней, где жил Волошин, напоминала заезжий дом, народ там толпился с утра до вечера. Заваливались без спроса и предупреждения, обвешанные, само собой, бутылками. И начиналось! Хозяин обычно сидел за письменным столом и беспрестанно вытирал платком большое свое лицо. Жена его, Зинаида Ивановна, несла свое бремя безропотно, она обычно сидела на кухне и смотрела в окно пустыми, скучными глазами: ей эти сходы надоели, но и что делать, если муж во славе и чести. Терпеть надобно! И она терпела. Каждому ведь свое. Под высокой рукой Никитича в те поры издавался литературно-художественный альманах, где печатались в основном начинающие и не лишённые дарования. Мастер их направлял, благословляя на труд нелегкий и мучительный. Он умел направлять, поскольку был начитан и глубоко эрудирован. Я удивлялся и удивляюсь до сих пор: как и когда он успел сделать себя настоящим интеллигентом, без всяких скидок?

Многие сходятся на том, что Александра Никитича Волошина, почитаемого нами глубоко и искренне, погубила слава, потому что, можно утверждать, он не был к ней

готов, она свалилась на него обвально, враз. Его погубила еще и плебейская зависть тех, кто после ошеломляющего успеха смотрел на него задрав голову, как на Эйфелеву башню. Потом, когда фанфарный шум вокруг имени этого человека притух, от него отвернулись многие по старому закону подлости: «Деньги есть – Иван Петрович, денег нет – горбата сволочь».

Отвернулись еще и потому, что удача покинула его. Как только Волошин стал лауреатом, его стали торопить: «Давай, пиши! Ты же самородок, талант!» Не знаю, чего уж ждали от него. Наверное, новую «Землю Кузнецкую» или что-нибудь в таком же роде. Уговорили. Завезли куда-то в глушь, подальше от собутыльников, которых великое множество крутилось вокруг. Пить не давали, ну, если только самую малость. И ведь собрался Никитич – и написал роман «Дальние горы». Напечатали его весной 1951 года в журнале «Сибирские огни». Но ожидаемого успеха не получилось. Новое произведение прошло незамеченным. И тут не было никакого заговора. Роман действительно не удался, и сам Волошин это понимал и никого не винил. Но свою неудачу воспринял как нечто случайное и надеялся, что сумеет справиться с силами и написать нечто стоящее. Но писалось трудно. И иногда в отчаянии он швырял старенькую пишущую машинку на пол, видя в ней источник своего творческого бессилия.

Однако патриарх наш образа жизни не менял, по-прежнему бражничал, теперь уже на чужие, теряя гордость. А «Землю Кузнецкую» все печатали – в Москве, Иванове, Иркутске, Магадане, Ростове-на-Дону и за рубежом – в Китае, Венгрии, Чехословакии, Польше. Однако тиражи не приносили доходов. По себе

знаю. Издался я как-то «там, у них», получил конверт с сертификатами, обрадовался: «Ну, забогател!» Жена поехала в Москву на курсы, побежала сразу в валютный магазин. Моего гонорара хватило лишь на кофточку, самую дешевую. Нашего брата обдирали как липку, рвали кусок изо рта любыми способами. Ну да то к слову пришлось.

На какое-то время наш первопроходчик воспрял духом, потому как увидел свет в конце тоннеля: журнал «Новый мир» взял роман «Все про Наташку», договор подписал Константин Симонов и даже распорядился выдать аванс – девять тысяч рублей. Несколько месяцев спустя рукопись вдруг вернулась с туманной припиской насчет того, что планы редколлегии изменились и прочее такое. Поскольку сделка не состоялась, надо бы вернуть аванс. Это был удар ниже пояса!

И где взять пресловутые девять тысяч – солидную по тем временам сумму?

* * *

События излагаю не в хронологическом порядке, но то не суть важно. Подозреваю, и не без оснований, кто-то копал под сибиряка яму с усердием крота. Объективности ради стоит признать с тяжелым вздохом: Александр Никитич давал немало поводов для праведного гнева власть имущих и чиновников СП. Один умный приятель сказал мне как-то: «Когда ты пьешь, это кому-то выгодно».

«Литературная газета» напечатала статью Федора Гладкова, авторитетного тогда литератора, о моральном разложении сибирского лауреата: не успел, дескать, опериться, а худой славы за ним хоть отбавляй, да к тому же и писатель невесть какой, ему учиться еще да учиться ремеслу, а он впал в разгул. Сле-

дом сокрушительный удар нанес Кемеровский обком партии: тамошние крысоловы выкопали документы, свидетельствующие о том, что отец Волошина, Никита Лукич, – бывший поручик Семеновского полка; в 1919-м он перешел на сторону Красной Армии, воевал храбро, но пресловутая тройка, судившая бывшего поручика, не придала этому важному обстоятельству никакого значения: отца расстреляли как заговорщика в августе 1937 года. Только через двадцать лет сын получил справку (буквально выцарапал ее у «органов»!) о том, что Волошин-старший поставлен был к стенке по ошибке. Но все это было потом, а по горячим следам писатель был исключен из партии и некоторое время спустя вызван в центральный Союз на разборку. Может, Александр Никитич проявил малодушие, скрывая изъясн в своей биографии, но его и понять можно: изложи он в анкете правду, не видать ему ни книг, ни, конечно, лауреатства. Он знал это и потому молчал с надеждой, что как-нибудь пронесет. Ан не пронесло!

На правлении Союза писателей председательствовал Александр Фадеев. Заседали тогда со вкусом, подолгу – до сонливого измождения. Когда настала очередь кемеровчанина, лица маститых враз изобразили официальную строгость. Было зачитано письмо обкома, где выражалось мнение бюро: ответственные коммунисты предлагали лишить виновного во многих грехах лауреата писательского звания. Началось подробное выяснение компрометирующих обстоятельств, посыпались ехидные реплики, осуждающие безмотивную дерзость сибиряка по отношению к властям, его безмерные амбиции. Потом, конечно, вторая жена, брошенные, понимаешь, дети. Куда это годится! Тогда не всем, конечно, но мно-

гим нравилось с пристрастием допрашивать товарища, отданного на закланье. За оскорбления и сальные намеки никто ведь не наказывал, наоборот, как раз так называемая «большевистская принципиальность» поощрялась, а наветчиков и лизоблюдов боялись даже великие. Никитич не помнит, сколько часов или минут брел он сквозь шпицрутены, били его долго и с оттягом. И случилось неожиданное: мужик богатырского сложения, фронтовик, шахтер вдруг прикрыл ладонями глаза и зарыдал, как женщина. С партией он распрощался не сказать чтобы легко, но был сравнительно спокоен. А здесь! Вроде свои ребята, но готовы без колебаний вогнать в позор и пустить по миру: не брать же ему, изломанному войной, опять отбойный молоток и спускаться в забой. Он писать хочет. Писать! Ему бы душевного покоя, больше ведь ничего не надо, и ничего больше просить не будет.

Александр Фадеев поднял руку, требуя тишины, и сказал:

– Мы не ханжи. Поезжай домой, в Союзе мы тебя оставим.

На том и порешили.

Самое тяжкое, казалось, уже позади, но нет: затяжная и унылая травля продолжалась (у нас ведь умеют плясать вприсядку на костях ближнего!): в один распрекрасный день в квартиру позвонили две женщины, похожие на монашек, тихие и строгие, – судебные исполнители – и категорически потребовали вернуть аванс, те самые девять тысяч, выданные «Новым миром». А где их взять, эти проклятые тысячи?! Нет их уже давно, и семья перебивается с хлеба на квас. Бедствовала семья, спасу нет. Описали библиотеку, кстати, уникальную, тщательно подобранную по просьбе Александра Никитича в писательской книжной лавке на Кузнецком мосту. Как

уж они там считали, исполнители, но до заветной суммы не дотянули, вторым заходом отобрали пишущую машинку. Жена Зинаида Ивановна натурально взбеленилась и отобрала у судьи орудие труда, поставила туда, где ей предназначено было стоять, и со слезой сказала мужу:

– Пиши!

Я не юрист, но знаю из собственной практики: если договор заключен и рукопись официально принята к производству, аванс не возвращается. Ну а машинка – это уже предел. Объяснение всем наскокам простое: то, представляется мне, была целенаправленная травля, имевшая конечную цель – сломать человека, уронить, чтобы уже не встал. И тихие каратели почти добились своего: классик наш заметно опустился – сшибал трешки на бутылку (без отдачи), в кармане носил заветную фляжку с зельем, из которой отпивал глоток-другой – для поднятия тонуса. «Пусть неудачник плачет...» Остались, правда, друзья, но они по-прежнему несли водку – для сочувствия и утешения душ.

Как-то при встрече в Кемерове Александр Никитич рассказал мне такое вот:

– Звонят: приезжай пировать. И адрес назвали. Далекое ехать, а гололед страшный, я со своим батожком и двинулся (незадолго до того он пострадал в автомобильной катастрофе). Приехал, а там и дома за таким номером нет. Разыграли меня!.. Купили... – И тяжело вздохнул.

И так шутили над ним, так пинали совсем уже ослабевшего льва.

* * *

...Гроб из квартиры на четвертом этаже мы несли натужно – тяжелый был Волошин, точно из свинца отлит.

Гражданская панихида состоялась в каком-то клубе. Запала мне в память одна деталь: в закутке, подальше от придиричивых глаз, сидел незнакомый мужичок и, высунув язык, будто детсадовское дите, на водочные бутылки клеил этикетки от минеральной воды, поскольку тяжелой волной катилась очередная антиалкогольная кампания. Мужичок являл собой советское лицемерие в чистом виде. Высокомерное руководство предпочло не заметить этого мелкого жульничества, а пишущая братия успела уже поглотать «минеральной воды». Многие плакали, не стесняясь слез.

Покинул нас мятежный Никитич, и никто его не заменит. Незадолго до смерти он выпустил очень крепкую повесть о войне. Называлась она «Зеленые дворики». Вся суровость фронтового бытия встала без прикрас, строки пропахли солдатскими потом и кровью. Зароились сразу разговоры о том, что Волошин еще не исчерпал себя и способен выдать нетленное. Да вот не выдал – лежит, скрестив на животе тяжелые, изработанные руки, лицо желтое и суровое. Лежит и не встанет! Не скажет, не напишет.

Прощай, Никитич!

Не поминай лихом.

Мы зарыли его глубоко в кузнецкую землю. От земли поднимался белый парок. Вот и все!

...На угловом доме по улице Весенней висит мемориальная доска с профилем, как положено. Я всегда снимаю шляпу, когда прохожу мимо.

Будут ли снимать шляпы наши дети и внуки? Вряд ли! Ведь в своем отечестве пророков нет.

1995 год

Геннадий ЮРОВ

История общения друг с другом

О становлении писательской организации

* * *

*Все было: виражи и миражи,
Отчаянье и фарт не по заслугам...
Я думаю, друзья, что наша жизнь –
История общения друг с другом.*

*Пусть на скрижали занесет она
То уголек мерцающий, то пламя,
Но наши души высветил до дна
Огонь, зажженный, видимо, не нами.*

*Горели нашей юности костры.
Мы постигали, собираясь вместе,
Незыблемые правила игры –
Законы Долга, Совести и Чести.*

*Вступили мы в товарищеский круг,
Античными поэтами воспетый.
У стариков-наставников из рук
Мы приняли огонь, как эстафету.*

*Огонь товарищества... Встанем перед ним,
Пусть мало нас и голоса негромки.
Но если мы его не сохраним,
То нашу память проклянут потомки.*

Как всё начиналось

Я и раньше, в журналистской и литературной практике, предпочитал свидетельства из первых уст пересказам и комментариям, которые неизбежно обретают субъективный характер. Теперь, приобщившись на склоне лет к музейному делу, в полной мере оценил документальность факта, достоверность де-

тали, естественность интонации, закономерность и вероятность события. Дорогие мне люди предстают в монологах и высказываниях, в поступках и письмах, в мечтах и творческих откровениях. Многие из них умерли, но они продолжают разговаривать со мной, с нами. Без их свидетельств невозможно постичь происходящее.

Осенью 1976 года Кемеровское книжное издательство отмечало свое тридцатилетие. И директор издательства Виталий Васильевич Банников поручил мне выпустить газету, посвященную этому событию, – настоящую, в двухкрасочном полиграфическом исполнении, четырехполосную, тиражом 500 экземпляров. К сожалению – малоформатную, это несколько сковало творческий порыв авторов, к которым я обратился, ограничив их воспоминания определенными размерами. Теперь эти строки бесценны. Они об истоках, о том, как все начиналось. Каждая фамилия, каждое издание книги – предмет исследования для историка и краеведа.

Мне и в голову не приходило, что я издаю будущий музейный экспонат, хотя об исторической основательности и достоверности я, конечно же, заботился. И сегодняшний Геннадий Юров (музейный работник) благодарен тогдашнему Геннадию Юрову (матерому журналисту) за предоставленную ныне возможность обнародовать, ввести в исследовательский обиход уникальные материалы, вышедшие из-под пера известных в Кузбассе людей.

Газете я придумал название – «Свет в ладонях». Безусловно, оно продиктовано издательской эмблемой «Рука – уголек – пламя». Эмблема как бы освещает первую полосу, врисованная в заголовок. Полагаю, тогда и началось мое участие в совершенствовании символического рисунка.

Первым откликнулся на мою просьбу Александр Никитич Волошин, которого мы называем патриархом литературы Кузбасса. И тогда называли. И дело не только в том, что он автор нескольких романов о земле Кузнецкой. Но и в том, что он принял участие в становлении десятков писательских судеб, бережно и нежно пестовал каждого из нас. В его квартиру на четвертом этаже дома по улице Весенней (там ныне установлена мемориальная доска) мы поднимались по несколько раз на неделе, несли сюда новые стихи и рассказы, беды и радости, свои суждения о жизни и творчестве. И Никитич всегда нас выслушивал. «Все мы вышли из-под крыла Волошина!». Эти слова верны для нескольких поколений кемеровских литераторов и журналистов.

Свое воспоминание Никитич назвал «У истоков»:

«Это было сразу же после Великой Победы в войне с фашизмом. Работы впереди у каждого – море неоглядное. Нужно было восстанавливать промышленность, сельское хозяйство, транспорт, сёла и города, подвергшиеся нашествию коричневой чумы. И тут, как и в годы войны, первое слово принадлежало Уралу и Кузбассу.

Боль утрат, понесенных в борьбе с врагом, прибавляла ярости, усиливала порыв в будущее шахтеров и металлургов, строителей и колхозников, интеллигенции. Наступили трудовые будни. В областной, городских и районных газетах появились об этом первые очерки, рассказы, стихи. И мечталось о первых книгах.

Регулярно собирались при редакции газеты «Кузбасс». Приходили Алексей Косарь,

Иван Балибалов, Григорий Умнов, Михаил Небогатов, старейший поэт Сибири Иван Ерошин и многие другие. Часами читали стихи, прозу, даже драматургические опыты, со страстью спорили, и, чего греха таить, одному из нас казалось, что только ему одному ведомы потаенные секреты творчества, мастерства. Хотя не только до мастерства, но и до просто умения было еще ой как далеко. Но главное, конечно, что всех сближало, я бы сказал даже роднило, так это бескорыстная, трепетная любовь к слову, которое немедленно же нужно было найти, с которым хотелось обратиться к людям, к читателям, которое бы повествовало о том, что такое есть огромная Жизнь, ее просторы, ее слезы и песни.

Помнится, как воодушевило некоторых из нас предложение издательства «Кузбасс» принять участие в составлении сборника «Передовые шахтеры» по материалам комбината «Кемеровоуголь». Небольшие очерки о людях Анжерки, Ленинска-Кузнецкого, Кемерова написали А. Косарь, Э. Ливянт, И. Балибалов и другие. Книжечка получилась тоненькой, но это же была первая книжка, отпечатанная типографским способом, сброшюрованная и даже в картонном переплете – как у людей.

Еще немного погодя была работа над сборником о Кузнецком металлургическом комбинате, о его людях – «Трижды орденосный». И еще через год вышел первый номер нашего областного альманаха. При помощи партийной организации литературный актив получил свой печатный орган. Самые смелые наши мечтания стали претворяться в жизнь».

Конкретные даты тех событий мы найдем в воспоминаниях, здесь же опубликованных, поэта Небогатова. Михаил Александрович рассказывает, как в самом начале 1953 года его пригласил директор издательства Андрей Семенович Мазюков и предложил работу:

«Работа моя в издательстве началась с подготовки материалов для альманаха «Огни Кузбасса». До этого вышло начиная с 1949 года пять номеров «Сталинского Кузбасса» (так назывались тогда нынешние «Огни Кузбасса»), предстояло выпустить очередной номер. Напомню имена тех, кто участвовал в подготовке этого очередного номера альманаха. Вот они: редактор А. С. Мазюков, члены редколлегии: Ф. Е. Дёмин, А. В. Косарь, В. Д. Соколов, Н. Я. Троицкий, А. И. Чарушников».

Михаил Александрович подчеркивает:

«Не помню случая, чтобы кто-то из членов редколлегии сослался на занятость, не откликнулся на ту или иную просьбу – всем было дорого первое литературное детище Кузбасса, свой, местный альманах. И пусть не очень большим был его тираж – всего пятнадцать тысяч, и выпускался он не так регулярно, как сейчас, зато этот орган печати открыл немало литературных имен, в то время довольно известных. Правда, не все тогдашние авторы прочно вошли в литературу, но тут уж нет вины альманаха, а простое подтверждение истины: пишут, пробуют писать многие, а писателями становятся единицы... И не какие-то пустячки печатались в тех первых номерах «Огней Кузбасса», а вполне солидные вещи – романы, повести, пьесы. Достаточно сказать, что именно на страницах нашего альманаха увидел свет роман Александра Никитича Волошина «Земля Кузнецкая», за который автор был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР».

«В далеком пятьдесят девятом» – так озаглавил свое воспоминание представитель другого, более молодого поколения кузбасских поэтов Валентин Махалов. Он рассказывает о весенних днях, когда в Кемерове проходило первое совещание-семинар начинающих литераторов Кузбасса и Томской области:

«Помню, наш край представляли тогда вместе со мной Евгений Буравлев, Виктор

Баянов и Борис Тучин. Евгений Сергеевич был уже в ту пору автором сборника стихов «Кладоискатели» и казался нам, младшим его товарищам, вполне сформировавшимся поэтом. В нашем же творческом багаже было несколько публикаций в газетах да по два-три стиха, напечатанных в альманахе «Огни Кузбасса». Примерно на таком же уровне выглядел и маленький отряд томичей, в котором чуть ли не самым молодым и малоопытным был Геннадий Юров, тогда студент Томского университета».

Первый межобластной семинар молодых писателей Кузбасса и Томской области в 1959 году был первым значительным литературным событием моей жизни. Я помню многие его подробности, о которых, став нынче музейным работником, просто обязан рассказать. Например, такая деталь: во время работы семинара вскрылась Томь. И литературная братия утрами и в перерывах выплёскивалась на набережную, чтобы полюбоваться на ледоход.

Как музейный работник обнаружил я и необходимый для повествования документ: в альманахе «Огни Кузбасса» № 12 за 1959 год представлен первый секретарь Кемеровского обкома КПСС С. М. Пилипец, его статья называется: «Герои нашего времени живут среди нас». По сути, это тот доклад, которым первый секретарь обкома открыл семинар. Он опирался на директивное выступление Н. С. Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Накануне был оформлен Союз писателей РСФСР (в рамках многонационального Союза писателей, созданного А. М. Горьким в 1934 году), шёл процесс рождения областных и краевых писательских организаций. Литературное дело в Кузбассе характеризуется в докладе таким образом:

«Растёт выпуск художественной и детской литературы. Достаточно сказать, что в 1950 году была издана всего одна книга, в

1958 году – 11, а в 1959 году выйдет 13 книг. У нас есть способные прозаики и поэты. Это члены Союза писателей Александр Волошин и Геннадий Молостнов, авторы сборников стихов Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Александр Пинаев, Владимир Измайлов. Вышла книжка о героях Брестской крепости, написанная Лушкиным и Юхимчуком.

Идёт в литературу молодёжь. В числе её уже полюбившиеся читателям помощник машиниста паровоза Виктор Баянов, молодой врач Борис Тучин, журналисты Валентин Махалов и Олег Король. За последнее время оживилась творческая деятельность шорских литераторов Софрона Тотыша, Степана Торбокова, Фёдора Чиспиякова».

Внимательный читатель обнаружит в этом перечне отсутствие имени Алексея Косаря, который определял в послевоенные годы поэтическую атмосферу в Кузбассе и участвовал в открытии памятника А. С. Пушкину на главной площади областного центра (1954 год). Дело в том, что Алексей Косарь уже покинул Кемерово, став собкором «Экономической газеты» в другой области.

Среди забот Кемеровского обкома партии есть и такая:

«Центром притяжения литературных сил должен стать наш альманах. Но кемеровский альманах ни своей периодичностью, ни постановкой дела не отвечает насущным задачам сегодняшнего дня. Никто по-настоящему не занимается его выпуском. Есть материал в издательстве – альманах выходит. Нет материала – ни у кого душа не болит за него... Учитывая настоятельную необходимость изменить существующее положение, обком партии наметил ряд конкретных мер по альманаху. Решено альманах сделать органом областного литературного объединения».

И далее:

«Каждая страница альманаха должна быть насыщена животрепещущими темами сегодняшнего дня. К нему надо широко привлечь

способную молодёжь; следует установить крепкие творческие связи с нашими соседями – томичами, новосибирцами, барнаульцами и красноярцами, организовать обмен произведениями, совместные выпуски номеров, посвящённых делам тружеников семилетки».

Для установления этих творческих связей и был организован в Кемерове межобластной семинар молодых литераторов. Обе делегации опекала работник Кемеровского обкома партии Эвелина Владимировна Суворова, женщина очень красивая, в строгом тёмно-красном платье. (Позднее возглавит отдел культуры газеты «Кузбасс».) Она разместила участников семинара в гостинице и приглядывала за дисциплиной (что было не лишнее для поэтической публики).

На семинаре я был томичом. Самым младшим в группе. Ещё учился (очно) на последнем курсе историко-филологического факультета и уже работал в газете «Молодой ленинец». (Имел от деканата свободное расписание.)

Сейчас я представляю своих старших товарищей. Руководил нашей делегацией Николай Фёдорович Бабушкин – известный критик и литературовед, заведующий кафедрой советской литературы Томского государственного университета. Был статен, седовлас, имел фронтную и рабочую закалку. Диссертацию защитил по творчеству М. Ю. Лермонтова. Изучая рукописи великого поэта, открыл седьмую редакцию поэмы «Демон». Студенты его боготворили.

Владимир Коган заведовал отделом молодёжной газеты, где и я работал. Представлял томскую школу журналистики, где были Виль Липатов, Борис Бережков, Эдуард Бурмакин, Ирина Дементьева, Борис Ярин. Любил выступать со своими стихами в манере Владимира Маяковского. Был находчив и остроумен. Впоследствии стал доктором философских наук в Академгородке (Ново-

сибирск). Тогда-то наконец издал свою заветную книгу стихов.

Георгий Муллин был из таёжной глубинки (Бакчар). Работал в районной газете, преподавал в школе.

Выпускник томского политехнического института поэт Геннадий Овечкин начал с заявления, которое всех развеселило: «Мне двадцать два года и три месяца!» После института жил в Новокузнецке, печатался в газетах.

Школьный учитель Михаил Щербинин представил подборку стихов. Позднее он перешёл на прозу.

Наибольший успех, если говорить о томиках, выпал на долю Леонида Андреевича Гартунга, директора сельской школы, человека уже немолодого и мудрого (из ссыльных немцев). Он представил на обсуждение повесть о жизни таёжного посёлка. Среди судей (руководителей семинара), помимо Н. Ф. Бабушкина, были: Валентин Глуценко (Москва), Казимир Лисовский (Новосибирск), Марк Юдалевич (Барнаул), Александр Волошин и Геннадий Молоstown (Кемерово), Стихия Михайловна Соколовская (собкор «Учительской газеты»). Все они единодушно решили: эта рукопись должна стать книгой! Так оно и случилось. Леонид Гартунг позднее стал известным томским прозаиком.

Теперь о литераторах Кузбасса.

Самой яркой личностью, встреченной нами на семинаре, был Евгений Сергеевич Буравлёв, приехавший из Междуреченска. Он издал книгу «Кладоискатели», учился заочно в литературном институте имени Горького. Для обсуждения привёз большую поэму «Красная Горка» – о строительстве Красногорского угольного разреза.

Биография для писателя блистательная! Школу окончил на станции Промышленная в Кузбассе. Затем авиационно-техническое училище в Иркутске. С 1941 по 1945 год воевал сначала в военно-воздушных силах, потом в штрафном батальоне (за буйный нрав).

Награждён орденом Красной Звезды и многими боевыми медалями. После войны работал в полярной авиации и строил железную дорогу Сталинск – Абакан. Одна из рецензий на его стихи так и называлась: «Муза в про- рабском плаще».

Приведу кусочек из вступления в поэму, который Евгений Сергеевич охотно читал и в товарищеском кругу, и для большой аудитории:

*Не для того свой край изъездил,
Чтоб в полночь как-нибудь открыть
Посёлка нового созвездье
И стих о звёздах сочинить.
И нужен ли блокнот с собою
Для впечатлений про запас,
Когда живу твоей судьбою,
Твоим дыханием, Кузбасс;
Когда бок о бок с земляками
Шёл, одержим одной мечтой,
Ворочал брёвна, землю, камень,
Чтоб ожил край необжитой!*

*И если смутное волненье
Ещё не складывалось в стих,
Я не пенял на вдохновенье,
Бессильно руки опустив,
Я знал: вот-вот он народится,
Весь озарённый новизной,
Предубеждений и традиций
Недуг ломая затяжной.*

Вскоре с поэмой «Красная Горка», опубликованной в «Сибирских огнях», Буравлёв вступит в Союз писателей (1961 год), а в июне 1962 года будет избран ответственным секретарём только что родившейся Кемеровской писательской организации.

Валентин Махалов, выпускник Ленинградского университета, приехавший с дипломом журналиста в Кемерово и работающий в газете «Кузбасс», представил на семинаре рукопись первой книги: «Сердце ищет песню». Получил поддержку.

Очень заботливо отнеслись руководители семинара к первым стихам Виктора Баянова. Геннадий Модестович Молоstown говорил о них буквально с нежностью: «Вот они, зеленеющие всходы на литературной ниве нашего края». На устах участников семинара были образные строки из баяновской поэмы «Трудная весна»: «Родилась непрошено, как в стручке горошина». Вызревала первая книга стихов «Росы».

Обсуждались стихи Бориса Тучина, работающего в Кемерове после окончания Томского медицинского института. Через два десятка лет Тучин издаст фундаментальный исторический труд: «Хроника Томского университета». Ну, а на Кемеровском семинаре 1959 года он запомнился стихотворением «Как это будет», в котором предвосхищён полёт Юрия Гагарина в космос (12 апреля 1961 года).

На заседаниях семинара присутствовали и участвовали в дискуссиях поэты Владимир Матвеев и Эдуард Гольцман, которые уже тогда были связаны большой творческой дружбой.

К моим стихам руководители семинара отнеслись доброжелательно. Валентин Глуценко, подводя итоги нескольких дней работы, зачитал стихотворение «На Ангаре»: «В Ангаре зелёная струя. К Ангаре пришёл впервые я. Я дивлюсь на необычный цвет, тайне Ангары ищу ответ». Корреспондент «Учительской газеты» Стихия Соколовская похвалила стихотворение «Учителю». Казимир Лисовский с листа читал «Осеннее солнце».

Ну вот и всё, пожалуй. Тем не менее Николай Фёдорович Бабушкин, наш руководитель, был доволен. Он выделял меня среди своих учеников, хотел, чтобы я остался в аспирантуре, хотя не препятствовал и моим газетным увлечениям.

Бабушкин был носителем просветительской традиции старого Томска (Потанин,

Ядринцев, Шишков, Наумов, Макушин). Через него держали связь с родными пенатами писатели, вышедшие на всесоюзную арену: Георгий Марков, Виль Липатов, Анатолий Иванов... Он пестовал тонкого лирика Василия Казанцева, который в то время по распределению работал учителем в таёжной глубинке, университетских поэтов Анатолия Суздальцева, Станислава Федотова, Сергея Заплавного, Анатолия Полковникова и поэтов из политехнического института – Геннадия Круглякова, Николая Чиркова, Геннадия Карпунина, Александра Родионова... Многие из них потом жили в Кузбассе.

Страна переживала поэтический бум. В столице восходили имена Вознесенского, Рождественского, Евтушенко, Ахмадуллиной, Окуджавы... В «Молодом ленинце», где я работал, всегда присутствовала творческая братия. Возле стенда, где вывешивались свежие номера газеты, поэтическая рубрика собирала толпу заинтересованных читателей. Стихи зазвучали в больших залах и аудиториях. Меня однажды объявили так: «Поэзия – та же добыча ради для студента ТГУ Юрова Геннадия».

В ту пору я часто бывал в доме Вадима Филипповича Иванова, любил его стихи (и сейчас люблю), носил ему свои поэтические опыты. Впрочем, так поступали многие молодые томские поэты. Дело в том, что Вадим Филиппович был болен (паралич), передвигался лишь в коляске. Когда его приняли в Союз писателей, я решил посвятить его творчеству свою дипломную работу.

Бабушкин привёл на мою защиту Сергея Павловича Залыгина, будущего редактора «Нового мира», заехавшего в Томск по своим научным делам. В ту пору Залыгин заведовал кафедрой гидрологии в Новосибирске и был уже известным писателем.

Все стихи Вадима Иванова я знал наизусть. Я рассказал, как они рождались и как доводились до совершенства (творческая

лаборатория писателя), как они соотносятся с русской поэтической традицией, идущей от А. С. Пушкина, и с творчеством поэтов-сибиряков начала века. Я проанализировал, как пейзажная лирика поэта переплетается с его прозой и его живописью (Вадим был незаурядным художником). Стихи читал по памяти:

*Давая радости излиться,
Ты, как мальчишка, свистнешь вдруг,
И удивлённая синица
Вспорхнёт с земли на голый сук.*

Залыгин задавал мне какие-то вопросы (сейчас уже не помню). Ответами остался доволен. Вскоре в газете «Литература и жизнь» (орган правления Союза писателей РСФСР), в номере за 26 апреля 1959 года, в рубрике «Новости литературной жизни» появилась информация, набранная чёрной нон-парелью. Подписана В. Коганом, называется «Диплом литературоведа»:

«В Томском университете на кафедре советской литературы студент-выпускник Геннадий Юров защитил диплом. Темой своей работы он избрал творчество земляка Вадима Иванова. Это талантливый и разносторонний писатель, неутомимо занимающийся литературным творчеством, хотя уже около 20 лет прикован к постели тяжёлым недугом. В. Иванов – автор повести «Однажды летом», книги детских рассказов «Товарищи». Но он пишет и стихи, и именно его поэзия давно привлекала внимание Юрова. Дипломная работа «Поэзия Вадима Иванова» получила отличную оценку».

Имена на поверке

В 1949 году тогдашний секретарь Кемеровского обкома партии Евгений Федорович Колышев обратился с письмом к Александру

Александровичу Фадееву, в котором просил создать в Кемеровской области отделение Союза советских писателей с «направлением в Кузбасс двух-трех членов Союза». В том же году начал выходить альманах «Огни Кузбасса» (первые пять номеров – «Сталинский Кузбасс»).

Направлять в Кемерово из столицы членов Союза не пришлось. Земля Кузнецкая обрела голос, взрастив собственных поэтов и прозаиков. Её литература вышла из шахтерских забоев, из заводских цехов, вернулась с Великой Отечественной войны. И никогда не чуралась читальных залов, вузовских аудиторий, архивных и музейных хранилищ.

28 апреля 1962 года правление Союза писателей РСФСР приняло постановление: «Организовать отделение Союза писателей РСФСР в городе Кемерово». 14 июня прошло организационное собрание писателей Кузбасса, которое избрало Евгения Сергеевича Буравлева ответственным секретарем. Молодая организация насчитывала пять человек. О каждом следует сказать особо.

Александр Никитич Волошин известил страну и планету (его роман был переведен на несколько иностранных языков) о существовании земли Кузнецкой. Роман «Земля Кузнецкая» отмечен Государственной премией СССР и стал значительным явлением советской литературы послевоенного времени. Из-под пера Волошина позднее вышли такие произведения: «Все про Наташку», «Дороги зовут», «Пойду, командир», «Пора далекая», «Зеленые дворики», рассказы, пьесы, киноповести.

Геннадий Модестович Молостнов тоже относится к фронтовому поколению. Известен романами «Междуречье», «Голубые огни», «Даруя жизнь», «Конь ломает прясло», книгами стихов, повестей, рассказов. В конце семидесятых переехал в Красноярск.

Герберт Генке писал на немецком языке. Его книги выходили в переводах Валентина

Махалова. Для вступления в члены Союза писателей СССР ему дала рекомендацию всемирно известная писательница Анна Зегерс.

Тамара Ян – поэтесса и драматург. Ее пьесы шли на сцене Новокузнецкого драматического театра. Героями вышедших в Кузбассе поэтических книг стали молодые строители Запсиба.

Евгений Сергеевич Буравлев – первый руководитель писательской организации. Автор многих лирических книг. Выступал в таком трудном жанре, как поэма. В соавторстве с композитором Федором Мартыновым создал оперетту «Жемчужина Кузбасса», которая была в репертуаре Кемеровского театра оперетты. Был близким другом Василия Дмитриевича Федорова, нашего прославленного земляка, известного русского поэта.

Широкоплечий, красивый, сдержанный в движениях, за которыми чувствовалась чалдонская сила, с нежной и щедрой душой, Евгений Буравлев сумел создать высокий авторитет Кемеровской писательской организации. Писательские собрания проходили в больших залах, с участием всей интеллигенции. Это были настоящие литературные праздники.

Буравлев заботился о становлении моей литературной судьбы. Редактировал первую поэтическую книжечку, писал к ней предисловие. Когда я вернулся после трехлетней работы на Крайнем Севере и положил ему на стол рукопись поэмы «Борискин ключ», он заложил в нее листок, на котором написал четыре строчки:

*Спасибо, брат, за «Ключ Борискин».
Порадовал под старость лет.
Всё есть в «Ключе» – и божья искра,
И божьей милостью поэт.*

Это самое дорогое для меня напутствие.
Организация росла и крепла. Владимир

Сергеевич Ворошилов на войне был летчиком, потерял зрение в воздушном бою. Стал председателем Кемеровского областного отделения Всероссийского общества слепых. Написал романы «Солнце продолжает светить», «И не погаснет!», «Капля света».

Исторический, краеведческий срез Кузбасса дал в своих произведениях Виталий Степанович Рехлов, написавший «Повесть о Михайле Волкове», повести «Горные рекруты» и «Серебряный рудник».

Профессиональный критик и литературовед Алексей Федорович Абрамович посвятил творчеству кузбасских литераторов книги «На своей земле» и «Романтика мужества».

Становятся членами Союза писателей поэты-фронтовики Владимир Измайлов и Михаил Небогатов, критик Анатолий Срывцев, прозаик Анатолий Соболев.

Затем получает всероссийское признание творчество поэта Виктора Баянова и прозаика Владимира Мазаева. Это уже второе послевоенное поколение кузбасских литераторов, связанное с так называемой «хрущевской оттепелью» шестидесятых. Владимир Мазаев – автор книг «Конец лосиного камня», «Птицы не поют в тумане», «Грозовая аномалия», «Последний цветок лета» и многих других, принимает бразды правления Кемеровской писательской организацией (1971–1983 годы), редактирует альманах «Огни Кузбасса».

На строительстве Западно-Сибирского металлургического завода формировались таланты Геннадия Емельянова и Гария Немченко, заявивших о себе романами «Берег правый» и «Здравствуй, Галочкин!». На Запсибе набирались впечатлений столичные литераторы Павел Мелехин, Сергей Дрофенко, Владимир Леонович, ставшие впоследствии известными поэтами.

Именно в Кемерове в 1966 году прошел зональный семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Мастера слова

Леонид Соболев, Василий Федоров, Марк Соболев, Сергей Антонов, Антонина Коптяева, Ярослав Смеляков, Виктор Астафьев, Василий Казанцев, Марк Сергеев приехали в Кузбасс, чтобы оценить творчество молодых, дать им путевку в большую литературу. Обсуждались яркие, самобытные рассказы Виктора Чугунова, проникновенные стихи Игоря Киселева, добротная лирика Валентина Махалова, пьеса из шахтерской жизни Зинаиды Чигаревой, роман Олега Павловского, повесть Анатолия Яброва... Все они впоследствии стали профессиональными писателями.

Зрелыми по возрасту людьми, с богатым жизненным опытом пришли в писательскую организацию Виль Рудин – автор остросюжетных повестей, Петр Ворошилов – мастер публицистики, Владимир Власов – писатель геологической темы, Павел Майский – автор многих поэтических книг, Владимир Куропатов, Владимир Коньков, Екатерина Дубро, создавшие значительные произведения в прозе.

Несмотря на обретение все новых имен, Кемеровская писательская организация долгие годы численно не росла, тяготея к цифре 13. Прежде всего потому, что понесла горькие потери. Ушли из жизни Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Евгений Буравлев, Владимир Ворошилов, Петр Ворошилов, Виталий Рехлов, Алексей Абрамович, Анатолий Соболев, Александр Пинаев, Геннадий Блинов, Олег Павловский, Михаил Небогатов, Владимир Измайлов и другие литераторы. Завершили свой жизненный путь представители шорской культуры поэт Фёдор Чиспияков, поэт Степан Торбоков, прозаик Софрон Тотыш. Умер старейший писатель-краевед Илья Васильевич Зыков. В расцвете сил и таланта ушли Виктор Чугунов, Игорь Киселев, Анатолий Саулов, Николай Пискаев, Владимир Поташов, Александр Береснев, Сергей Ковякин. Горькие, невосполнимые потери.

Многие писатели уехали за пределы области – Гарий Немченко, Михаил Борисов, Тамара Пономарева, Тамара Ян, Евсей Цейтлин, Виктор Козько, Юрий Могутин, Александр Родионов, Геннадий Кругляков. Они не порывают связей с Кузнецкой землей.

Третье поколение писателей Кузбасса – это воспитанники литературной студии «Притомье», которая начала действовать с октября 1979 года.

Вначале было слово. И это слово мне нравилось. Я искал его в известных словарях, но не обнаружил. Размышлял так: есть Приобье, Прииртышье, пусть будет и Притомье. А что за словом? За словом – судьба моего края, географическая, историческая, экологическая... Теперь вот еще и поэтическая.

Слово было опробовано в моем повествовании о реке Томи, затем перешло в название областного литературного объединения. Поначалу оно вызвало неприятие, даже насмешки, типа: «Что-то притомились наши молодые авторы», или: «Это не Притомье, это притонье какое-то» (если заседание заканчивалось слишком бурно).

Затем слово стало постоянной рубрикой областных и районных газет, в которой публиковались произведения молодых литераторов. Затем было использовано в названии сборника «Мы – Притомье», где были не только стихи, но и рассказы. Недавно в Томске появилось несколько выпусков альманаха «Литературное Притомье». Традиционным стал праздник «Весна в Притомье». Слово стало родным и привычным. Теперь кажется, что оно было всегда.

Точная дата открытия литературной студии «Притомье» подзабылась. Определяя возраст студии, назовут и десять, и пятнадцать, и двадцать лет. Могу внести в это дело полную ясность, ибо храню в своем архиве «Бортовой журнал» студии – общую тетрадь

в клеточку, где заполнены лишь несколько первых страниц. Жанр документа и отчета как-то у нас не прижился. Мечтаю подарить эту тетрадь молодым литераторам будущего поколения, если они студию сэберегут.

А сейчас интересно вернуться к истоку – обратиться к этим первым записям в «Бортовом журнале», ставшем историей.

Итак, 25 октября 1979 года. Новокузнецкий поэт-сатирик Борис Рахманов скупо фиксирует состав совета студии, который определился в горячих спорах, – примерно так спорят депутаты нынешнего парламента... В совет вошли: С. Донбай, Л. Ананьева, Е. Богданов, В. Бокин, Б. Рахманов, А. Катков, И. Куралов, В. Советов. Помню, резюмировали: «Борьба за власть Советова закончилась его полной победой». В журнале отражено выступление поэта В. Зубарева, предложившего создать редколлегии при городских газетах. Ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» Владимир Куропатов пригласил присутствующих на страницы издания. Заметим, к чести альманаха, что молодежная рубрика присутствовала в нем всегда.

Из протокола этого дня следует, что успели и почитать стихи по кругу, и послушать лекцию о международном положении, и посетить выставку молодых художников Кузбасса, побывавших на БАМе.

Следующая запись в «Бортовом журнале» сделана рукой поэтессы Нины Павлушиной. На заседании 19 ноября 1979 года отчитывался руководитель кемеровской литгруппы Владимир Ширяев, актер В. Мирошниченко призывал писать для театра, лектор В. Плющев рассказал о международном положении... Читали стихи Виталий Креков, Геннадий Чупин, Александр Катков, Владимир Советов, Семен Печеник. Евгений Красносельский порадовал своими пародиями. Затем пошли в областную филармонию, смотрели спектакль «Люди и куклы», беседовали с режиссером и артистами.

В конце декабря 1979 года состоялся поэтический семинар в Новокузнецке, обсуждены 12 рукописей. Заодно обсудили и четырех прозаиков. Провели в пединституте литературный праздник, посвященный выходу коллективной книги «Дыхание земли родимой».

17 марта 1980 года Евсей Цейтлин провел занятие, посвященное жанру литературной критики, разобрал несколько публикаций этого жанра. Читали стихи по кругу. На этом записи обрываются, хотя студия собиралась ежемесячно.

Не на голом месте возникла студия «Притомье». До нее много лет существовали группа литераторов «Гренада» в Новокузнецке и областное литературное объединение, которым бессменно руководил поэт Валентин Махалов. Литературное движение в 1979 году обрело новое качество потому, что на него обратил внимание комсомол.

Свидетельствую, что ни секретарь обкома ВЛКСМ по идеологии Юрий Учитель, ни куратор наш Людмила Чех, помогая нам организационно и финансово, никогда в творческий процесс не вмешивались, никакого давления не оказывали. Лишь однажды заведующий отделом пропаганды Виктор Артемов предложил: «А не начать ли в области движение «Алло, мы ищем таланты!»?» Я решительно воспротивился. Для литературы это не годится. Дайте разобраться с теми, кто не может не писать. Их собирается ежемесячно по 50–60 человек. И для многих это – судьба.

Позднее студией руководили Валерий Зубарев, Валентин Махалов, Геннадий Естамонов, Сергей Донбай. Кемеровское книжное издательство выпустило десятки первых книжек молодых литераторов. Поэтов издавали кассетами, чтобы каждый мог выйти к читателям. Писательская организация пополнялась за счет воспитанников литературной студии «Притомье» и выросла с 13 человек до нескольких десятков. Это известные сейчас по-

эты и прозаики: Александр Ибрагимов, Николай Колмогоров, Любовь Никонова, Владимир Иванов, Леонид Гержидович, Иван Полуниин, Иосиф Куралов, Любовь Скорик, Александр Катков, Борис Бурмистров, Эдуард Гольцман, Валерий Ковшов, Сергей Самойленко, Анатолий Козлов, Владимир Ширяев, Владимир Есенин, Александр Раевский, Николай Николаевский, Борис Рахманов, Семен Печеник, Юлия Лавряшина... И другие.

Выстраивать этот ряд имен дело рискованное (вдруг кого-то не упомянешь). Мне приходилось писать предисловие к библиографическому указателю «Писатели Кузбасса» в 1989 году. В 1997 году Владимир Коньков составил первую хрестоматию «Литература земли Кузнецкой», куда поместил произведения четырнадцати ушедших из жизни писателей. Он попросил меня написать обзор-предисловие. Я назвал его «Духовное поле провинции». И была там глава «Товарищеский круг». Поскольку мне не попадались другие обзоры, полагаю, что моя работа может послужить исходным материалом для библиографов, историков, краеведов.

Духовное поле провинции

Словосочетание «Духовное поле провинции» появилось на страницах прессы недавно, но понятие, в нем заключенное, существовало всегда. Мы и раньше говорили о культуре края, подразумевая под этим духовные ценности, которые созданы творчеством, талантом и трудом сибиряков. Теперь пытаемся вновь обнажить те нравственные основы, которые связывают нас друг с другом, помогают противостоять разгулу преступности, хищничеству, рвачеству, шкурничеству, столь агрессивно проявившимся в ходе приватизации и так называемого первоначального накопления капитала. Духовное поле провинции – это стремление

защитить, сохранить, поддержать, помочь. Ибо нельзя строить новое общество на ненависти к рухнувшему режиму и ко всякому инакомыслию.

В начале семидесятых годов приехала в Кемерово делегация ленинградских писателей во главе с Олегом Шестинским. Гости побывали на «Азоте» – крупнейшем химическом предприятии, в цехах знакомились с тонкостями производства, а затем на встрече с коллективом читали свои стихи, рассказывали о литературной жизни в северной столице. Под конец предложили:

– Пусть кто-нибудь из рабочих почитает стихи, наверняка среди вас есть поэты.

Директор Виталий Григорьевич Коптелов подтвердил, да, мол, есть, и предоставил слово машинисту тепловоза Виктору Баянову. Виктор прочитал несколько стихотворений. Гости были ошеломлены:

Это же талант! Баянова надо издавать!

Директор скромно проинформировал:

– У Баянова вышло полтора десятка поэтических книг, в том числе и в центральных издательствах.

– Его надо принять в Союз писателей!

– Баянов уже давно член Союза писателей!

– Ему надо учиться! – не унимались гости.

– Баянов окончил высшие литературные курсы в Москве – диплом с отличием.

– Так почему же он машинист тепловоза?

– А это вы спросите у него самого.

Виктору Баянову принадлежат известные строки: «Я сибиряк! – кричать совсем не надо, а надо просто быть сибиряком». И в нынешний спор «патриотов» и «демократов» он вносит ясность всего несколькими строками:

Я пил прохладный сок березы

В старинных русских туесах,

И оттого мой чуб – белесый

И зелень легкая в глазах.

И вот стою – большой и взрослый.

*Меня попробуй отдели
От этой теплой, этой росной,
От русской утренней земли!
Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветет!
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведет.*

Писательская организация. Она для того и существует, чтобы здесь поделиться результатами уединенного труда и вдохновения, найти поддержку в публикации. Игорь Киселев звонил сюда по телефону и торопился прочитать новое стихотворение. Валентин Махалов останавливался на лестничной площадке: «Вот послушай...» Виталий Креков держит тебя за пуговицу, пока не поведаст все о своем творчестве. Если кто-то из моих друзей уверяет, что он российский гений, это, я считаю, нормально, только с этим ощущением и стоит писать стихи. А жизнь потом рассудит.

В восьмидесятые годы мы учредили «День нового стихотворения» и стали собираться каждую пятницу. Это стало традицией. Позднее диапазон «творческих пятниц» расширился, говорили о «Мастере и Маргарите» Булгакова, об ораторском искусстве, начиная с древнейших времен. Посвятив пятницу творчеству Сергея Есенина, пели песни на его слова. Приглашали иногородних писателей и просто интересных людей, заезжающих в Кузбасс. Обсуждали итоги писательских съездов и пленумов...

Творческие пятницы проходили под портретом Василия Шукшина. Этот портрет подарил нам замечательный художник Герман Захаров. По сути, это вариант портрета, который художник создавал для шукшинского музея в Сростках Алтайского края. Герман Захаров участвовал в наших встречах, приносил и показывал серии о Великой Отечественной войне, рисунки на пушкинскую тему, на ленинскую тему и другие. А однажды

поразил нас магнитофонной записью собственных песен в собственном исполнении на слова Анатолия Жигулина и Игоря Киселева. Он был талантливым бардом.

Провинция! Как мне нравится это слово! Сколько в нем чистоты, пронзительности, синевы! И я сравнил бы таланты, которыми так богата Сибирь, с родниками. Одни родились вблизи селений и дорог. Из них чаще пьют люди, их холят и благоустраивают, к ним навешиваются свадьбы, как к ритуальному, обрядовому месту. Другие живут себе в лесной глуши, и тропка к ним известна лишь знатокам. Но все они способны утолить жажду, из каждого можно напиться.

Духовное поле земли Кузнецкой было бы неполным и обедненным, если бы мы забыли о многолетней творческой дружбе, связавшей жителей Кемерово и Шальготарьяна, Кузбасса и венгерской области Ноград. Она осталась в названиях улиц и кварталов, в скульптурах и графике, в публикациях альманахов «Огни Кузбасса» и «Палоцфельд», во многих книгах, вышедших на русском и венгерском языках. Среди этих книг наиболее значительна поэтическая антология «Встреча», осуществленная будапештским издательством «Корвина» и Кемеровским книжным издательством.

Я участвовал в создании этой книги вместе с моими земляками Александром Пинаевым, Василием Федоровым, Евгением Буравлевым, Михаилом Небогатовым, Михаилом Борисовым, Владимиром Измайловым, Виктором Баяновым, Игорем Киселевым, Валентином Махаловым, Анатолием Сауловым. Мы перевели на русский язык своих венгерских собратьев по перу. Они перевели нас на венгерский. Книга получилась двуязычной. Вышедшая в Будапеште в 1974 году, иллюстрированная венгерскими и кузбасскими художниками, сейчас она стала библиографической редкостью.

Среди событий культурной жизни, которые

почему-то замалчиваются нашими историками, назову «Дни советской литературы в Кузбассе». Они проходили дважды. В 1976 году делегацию советских писателей возглавлял Георгий Марков. Писатели разбились на группы и выступали во всех городах области. В празднике участвовали кузбасские литераторы – Владимир Мазаев, Виктор Баянов, Игорь Киселев, Валентин Махалов.... Был среди них и я. Вторично «Дни советской литературы в Кузбассе» состоялись в 1981 году. Столичную делегацию возглавлял Роберт Рождественский. Помнится триумфальный успех моего товарища Игоря Киселева, чьи стихи вызвали восхищение наших гостей. И был эпизод, о котором мало кто знает, и связан он с Петром Михайловичем Дорофеевым, секретарем Кемеровского обкома КПСС по идеологии.

На встрече с читателями, которая проходила в новом здании Кемеровской областной филармонии, Роберт Рождественский читал свою «Байкальскую балладу», острую по тому времени вещь, в которой он опустил некоторые фрагменты, боясь, что его не поймут. Я был свидетелем такой сцены: Дорофеев «зажал» поэта где-то возле раздевалки и укорял: «А почему вы пропустили вот это место...». И читал наизусть целый отрывок. «И вот это место...» И снова читал наизусть... Роберт Иванович, который всегда выглядел самодостаточным и величественным, на этот раз был ошеломлен и растерян. Вряд ли ему приходилось встречаться с партийными работниками, столь влюбленными в поэзию и обладающими такой уникальной памятью.

В среде творческой интеллигенции легендой живет история о том, как наш прославленный земляк Василий Дмитриевич Федоров посвятил стихотворение Петру Михайловичу Дорофееву. Их связывала многолетняя дружба. Партийный секретарь заботился о том, чтобы известному поэту было комфортно в Марьевке Яйского района, куда

Федоров приезжал время от времени, чтобы поработать и прикоснуться к земле, родной с детских лет.

Случилось так, что в очередной приезд Василий Федоров заболел и перенес две тяжелейшие операции. Одну из них делал наш опытный хирург Теодор Израилевич Шраер. Кемеровские врачи, по сути, спасли тогда жизнь поэта. После этого у Федорова родилось стихотворение «Время». Есть в стихотворении строфа, философское содержание которой очень важно для осмысления связи времен.

*Не ветвями – корнями расту.
Есть у жизни
Почти до погоста
Хитрый фокус обратного роста.
Не ветвями – корнями расту.*

Петр Михайлович вспоминает: «Прочитав стихи вслух, Федоров спросил, нравятся ли они мне. И на мой утвердительный ответ вдруг неожиданно заявил: «Я хотел бы эти стихи посвятить вам». В неловком смущении я пытался говорить что-то о высокой чести, которую не заслужил, какие-то слова благодарности». А он, улыбаясь, пошутил: «К тем стихам, которые вы знаете наизусть, придется добавить еще одно, посвященное вам лично».

С 1983 по 1987 год я был руководителем Кемеровской писательской организации. Должность называлась – «ответственный секретарь». За пять лет организация почти удвоила свои ряды, выросла с тринадцати до двадцати одного писателя.

Дорофеев заботился о том, чтобы писательские заботы попали в сферу внимания областной партийной организации, мне довелось выступать на многолюдных конференциях и на закрытых партийных совещаниях работников обкома. Был постоянно действующий семинар работников культу-

ры, где и писатели, и художники, и артисты, и библиотекари, и музейщики обсуждали наиболее важные вопросы.

Литераторы были желанными гостями на страницах газет, в телепередачах. Нас читали и слышали.

В восьмидесятые годы вовремя прочитать новую книгу было одной из проблем для писателей. Помню, как я пришел к секретарю обкома по идеологии и попросил хотя бы несколько экземпляров романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который вышел отдельным изданием после публикации в журнале «Москва». Петр Михайлович согласился с моими доводами, что для литераторов знакомство с книжными новинками – профессиональная необходимость. Он дал распоряжение книготоргу. В центральном книжном магазине нас принимали в первую очередь. Потом появился специальный магазин «Сибирская книга». Единственная привилегия, которой пользовались кемеровские писатели, – это свободный доступ к новым изданиям.

Создать на Советском проспекте полноценный «Дом литератора», по примеру Иркутска, было тогда насущной задачей. Для этого «отвоевали» несколько соседних помещений – расширились, создали Бюро пропаганды художественной литературы, узаконили ежегодный поэтический праздник «Весна в «Притомье». Дорофеев поддерживал эти инициативы. И не только писательские. Появился Дом актера в Кемерове и Дом творческих союзов в Новокузнецке. Прошла в Кемерове зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая», после которой новое просторное помещение получил музей образительных искусств... В августе 1985 года в селе Марьевка Яйского района прошли первые Федоровские чтения, собравшие восемнадцать тысяч человек, чтобы почтить память большого русского поэта – нашего прославленного земляка.

Петра Михайловича Дорофеева по праву считают отцом Федоровских чтений, которые стали традиционными. В Кемерове, где Федоров родился, его имя носит областная научная библиотека. В Марьевке, где прошло детство поэта, создан мемориальный музей и благоустроена усадьба. Кемеровская область обрела новое качество, вышла в число немногих регионов России, ставших местом всенародных литературных праздников.

Василий Федоров и его творчество стали для Кузбасса символом духовности и культуры. Точно так же, как Сергей Есенин для Рязани, Василий Шукшин для Алтая, Алексей Фатьянов для Смоленска, Николай Рубцов для Вологды... На традиционных Федоровских чтениях закрепились такие понятия, как «духовное поле провинции» и «товарищеский круг» – содружество писателей земли Кузнецкой и их собратьев по перу из Москвы, Новосибирска, Иркутска, Барнаула, Томска, Красноярска, Омска, Тюмени и других городов России.

Не забыт на нашей земле и Владимир Чивилихин, автор большого публицистического исследования «Память», носитель идеи «Кедрогора», популярной в Сибири. На родине писателя, в Мариинске, тоже создан музей и начиная с 1986 года проводятся Чивилихинские чтения, которые обрели экологический, краеведческий характер.

И вот каким наблюдением я хочу поделиться. Прекратились скептические разговоры о методе социалистического реализма, который якобы губил таланты. Мы говорим теперь о советском периоде Великой русской литературы, совестью и пристрастной к судьбе народа, ответственной за состояние дел в нашем Отечестве, озабоченной сохранением его достоинства в жестоком и быстро меняющемся мире. Именно в этот период вышли на литературную арену наши прославленные земляки и несколько поколений кузбасских писателей.

Из истории журналистики Кузбасса (70–80-е годы)

- А. И. Бельчик и Т. А. Шатская («Кузбасс»)
- Пресс-конференция с А. Ф. Ештокинским 7 июля 1973 года
- В верхнем ряду соборы центральной прессы: Юрий Котляров («Труд»), Антонин Богачук («Правда»), Николай Чирков (Центральное телевидение), Петр Ворошилов («Известия»)
- Футбольные страсти. Редактор «Комсомольца Кузбасса» Евгений Красносельский (в центре) с артистами Ленкома Александром Абдуловым и Николаем Караченцовым

Наш редактор

О Николае Яковлевиче Троицком только так и можно сказать: «наш». Возле него сформировалась целая плеяда журналистов и литераторов, которые трудились потом в областной и центральной прессе, в литературе, на радио и телевидении. В их среде родилось понятие «товарищеский круг». О себе Николай Яковлевич написал так:

«...Участник Великой Отечественной войны. На фронт ушел добровольцем по комсомольскому набору в июле 1941 года после окончания второго курса Калининского пединститута. В марте 1942 года приехал после госпиталя к семье, эвакуированной в г. Тайга. С тех пор до 1969 года в Кузбассе. Учитель, комсомольский, партийный работник, редактор газет «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс». Окончил заочно отделение журналистики Высшей партийной школы. Последние 20 лет до выхода на пенсию – заместитель, первый заместитель главного редактора газеты «Социалистическая индустрия» (ныне «Трибуна»). Награжден орденами Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета», многими медалями, среди которых «За особый вклад в развитие Кузбасса» II степени, «60 лет Кемеровской области». Лауреат Премии Кузбасса».

Такие люди, как Николай Яковлевич Троицкий, должны жить долго. Умер на 87-м году жизни в январе 2009 года. Перед этим завершил семейную хронику военных лет и доверил ее именно альманаху «Красная Горка».

Это не случайно. В свое время редакция альманаха побудила его написать воспоминания о своей редакторской деятельности. Помимо «Красной Горки», эти воспоминания публиковались в газетах «Кузнецкий край» и «Кузбасс», в сборнике «Это нашей исто-

● Н. Я. Троицкий (справа) и Г. Е. Юров, 2006 год

рии строки», в книге «Ветераны Кузбасса: помним, верим, живем» и других изданиях. В 2005 году в «Красной Горке» напечатан очерк Н. Я. Троицкого «Степан Беляев из поколения победителей». Позднее он вышел отдельной книгой в Москве. Для юбилейного номера альманаха, посвященного 90-летию города Кемерово, Н. Я. Троицкий собрал автобиографические очерки наших земляков, ныне живущих в столице. Они опубликованы в разделе «След на земле».

Следует напомнить, что до конца дней Николай Яковлевич был редактором-составителем альманаха «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе». А в последней бандероли прислал сборник «За нами Москва!» Это также результат его редакторских усилий. Книга, посвященная 65-летию Московской битвы и включившая многие материалы кузбассовцев, подписана так: «Библиотеке музея «Красная Горка» с самыми добрыми пожеланиями!».

Николай ТРОИЦКИЙ

ТРЕУГОЛЬНИЧКИ НАДЕЖДЫ

Семейная хроника военных лет в письмах

Их получала мама: в 1941–1942 годах от меня, в 1943–1945 годах от брата Андрея. Недавно, разбирая старые бумаги, я нашел эти треугольнички и письма из города Тайги, где осталась наша молодая семья, в город Калинин, куда мама с бабушкой вернулись в конце 1943 года. Есть и другие письма, всего больше ста пятидесяти.

До недавней находки я не знал, что мама их сохранила. Это только часть семейной переписки военных лет, так как по молодому тогда легкомыслию мы не сберегли маминих писем к нам.

Вооружившись большой лупой, читал с трудом: пожелтевшая бумага, выцветший очень мелкий сплошной карандашный текст. Читал и как-будто вернулся в ту далекую теперь пору, к самым родным и любимым.

Кроме понятного волнения, воспоминаний и переживаний, подумал, что в этих строчках – живая военная история одной из миллионов советских семей. И решил предложить читателям несколько писем. Ветераны вспомнят свою военную молодость. Молодежь что-то узнает о нашей тогдашней жизни.

Но сначала немного о семье. Перед войной мы жили в железнодорожном районе нашего родного города Калинин (Тверь). Мама Троицкая София Эдуардовна – преподаватель немецкого языка. Бабушка Ольга Андреевна Ландезен – пенсионерка. И мы с братом Андреем, я – студент физмата пединститута, он – школьник.

Глава семьи Яков Николаевич Троицкий – нормировщик на текстильной фабрике им. Вагжанова, участник Первой мировой войны, командир запаса Красной Армии. Расстрелян в 1937 году. Мы этого не знали, никогда не верили, что отец – враг народа, ждали и надеялись. Нашего первенца, родившегося в 1943 году, назвали Яковом. Яков Николаевич Троицкий (младший). Отец реабилитирован в 1957 году.

В июле 1941 года я уехал на фронт, а мама приняла в семью мою однокурсницу Любу Прищенко, невесту (так мама её назвала, когда они провожали наш эшелон). Общежитие пединститута заняли под госпиталь, жить Любе было негде. Гостила на каникулах у бабушки первоклассница Оля Панкова из Москвы, дочь маминей сестры Татьяны Эдуардовны, которую в семье звали Тусей.

Захватив только то, что могли унести, мама, бабушка, Люба, Оля и Андрей бежали из Калинина 15 октября 1941 года, едва успев в последний эшелон с эвакуированными.

После долгих мытарств оказались на станции Тайга томской железной дороги. Мама и Люба начали работать в школах № 33 и № 2, Андрей и Оля (Лялька) – учиться в 33-й школе.

К семье в Тайгу я приехал из госпиталя в марте 1942 года, в апреле мы с Любой расписались в холодной клетушке Тайгинского ЗАГСа. Прожили мы в счастливом браке 62 года. А тогда Люба чуть не стала солдатом. После работы ходила на занятия по стрельбе, гото-

вилаась в школу снайперов. Стреляла метко, была в числе первых. Но на комиссии, где отбирали в школу, обнаружилось, что будущий снайпер готовится стать матерью...

Сегодня из того состава семьи в живых остался я один. Светлая память родным и близким, которых, увы, уже нет с нами!

Но семейное древо не увяло. Эстафета поколений продолжается.

А теперь пусть говорят письма.

1941

Лагерь 888-го стрелкового полка, 7.8.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Вот я, наконец, и обосновался окончательно. Сейчас послеобеденный отдых, и я решил написать вам письмецо.

С дороги я послал вам три письма, но дошли они вряд ли, так как не было адреса отправителя. Доехали мы замечательно: я всю дорогу спал на нарах и проснулся только во Ржеве, чтобы сходить за кипятком. Любаша! В последнем письме с дороги писал тебе, что думал познакомиться со Ржевом (*там жили Любины родители.* – Авт.) несколько иначе. Ну, ничего не поделаешь.

Всех нас влили в 888 с. п., и представьте себе, как здорово получилось: нас построили, и командиры стали набирать людей к себе в подразделения (кричат «Подъем!», допишу после).

Милые мои! Продолжаю письмо в несколько необычной обстановке: после подъема нам предложили пойти на речку мыться и стирать белье. Вот я постирал свои портянки, носки, полотенце, майку, помылся и продолжаю письмо.

Когда комиссар вызвал артиллеристов, с ними вместе вышел наш Вишняков, а за ним и мы все (вся наша студенческая бражка и Печатнов). Оказалось, что ростом мы все подошли, и вот теперь я второй ящичный 1-го орудия 76-мм батареи 888 с. п. Вот так. Стало быть, Любаша, я не ошибся, когда писал

тебе на карточке в прошлом году: «От бравого артиллериста» (*во взводе были, в основном, вчерашние колхозники 1907–1914 годов рождения, многие – участники Финской войны. Об одном из них, П. В. Кириллове, я опубликовал очерк в день 50-летия начала Великой Отечественной.* – Авт.).

Вообще мне кажется, что лучше устроиться было бы трудно, но наши ребята, особенно В. Ачба, не особенно довольны, так как физическая работа им не по душе. А работа ничего. Сегодня рыли орудийный окоп. Я набил и сорвал мозоль на руке, не заметив этого.

У моего орудия замковым назначен Успенский, Ачба с Вишняковым – у второго орудия, Карпечко и Тарасенко в нашей же батарее, но в другом взводе. Остальные ребята кто где. Натан, кажется, совсем в другом месте.

Я, повторяю, пока доволен своим положением. Одно лишь меня смущает – ежедневная чистка лошадей (*орудия были на конной тяге.* – Авт.), которых я, как вы знаете, с ранней юности побаиваюсь. Ну, ничего.

Жизнь в лагере мне нравится. Спим в своих плащ-палатках, составленных в одну большую. Едим из котелков на улице в лесу. Сегодня нам даже дали утром поспать как новичкам. Винтовка у меня в порядке, так как я лишь только пришел – сразу её обтер и смазал. У многих наших ребят винтовки подзагрязнились, и хлопот теперь с ними будет много.

Теперь о нашем положении. Мы некоторое (очевидно, очень короткое) время будем учиться, а потом пойдем на фронт. На фронте мы обычно будем в 2–5 км от передовой линии, кроме случая стрельбы прямой наводкой по танкам. Вот как. Спокойнее, чем в пехоте.

Едим хорошо и вполне хватает. Живем в лесу, в лагере около Сычевки. Место очень красивое, высокое, песка, который нас так мучил в том лагере, нет.

Ну, всего хорошего, буду спать, пока не зовут. Обо мне не беспокойтесь, я устроился хорошо. Крепко вас всех целую.

Николай.

Мой адрес: Действующая армия, 952 полевая почта, 888 с.п., 76-мм батарея.

Действующая армия, 18.9.41

Здравствуйте, мои родные! Вот ваш вояка и на настоящем фронте (*это в Сумской области Украины. До этого полк был под Брянском. – Авт.*). Пороху, так сказать, понюхал. Я вступил в бой 15.9.41, и с тех пор все время жарим и жарим по немцу – только ночью иной раз пару часов соснешь. Не моемся, не бреемся и т. д. Это вообще.

Основное, родные, вы за меня не волнуйтесь, так как я по-прежнему жив и здоров, а бьем мы с закрытых позиций км за 2 от передовой. Так что пули к нам пока не залетают, а у немцев артиллерия слаба. Мы их прём и снарядов не жалеем.

Сейчас позавтракали, и выхватил я кусочек времени для письма. Только вот одно очень плохо: наша почта пока не работает, а о гражданской и говорить нечего. Я понимаю, как плохо вам без писем, но поделаться ничего, увы, не могу.

Вчера у нас был завтрак из двух блюд: 1. Манная каша с песком (который нам выдали, и уже весь съеден). 2. Бомбежка немецких стервятников. Сбросили бомбы, которые не причинили вреда. Удирали все с котелками, а мы под шумок получили по 2 порции!

Вообще, родные, жить и на войне можно! Будьте молодцами, пишите и не волнуйтесь!

Любаша! Будь крепкой и не падай духом. Твой Рыжий думает о тебе.

Адрес старый.

Действующая армия, 21.9.41

Здравствуйте, мои дорогие! Почта, говорят, наладилась, и я опять буду писать вам, как смогу, часто. Вчера написал вам коротенькое письмишко после того, как прочел 12 ваших писем и открыток, написанных с 22 по 26.8. На все никак одним письмом не ответишь.

Одно я понял, и одно замечательно приятно, что все вы, мои родные, живете дружно, духом не падаете и работаете вовсю.

У меня по-прежнему все в порядке. Самое главное, что я жив и здоров. Настроение бодрое! Воюю я уже целую неделю и к новой жизни попривык. Работы много, иной раз вкальваем круглые сутки. Сейчас пишу после выполнения боевой задачи. Пот течет с меня градом, так как на мне замечательный свитер, который сильно помогает спать на свежем воздухе.

Задача заключалась в том, что мы на-рысях выскочили в лесок к занятой немцами деревне и прямой наводкой с 8 снарядов разбили указанный нам дом. Как только по нам начали стрелять, мы сразу убрались и теперь опять далеко от передовой.

Вот это и есть война. Стреляешь, прячешься от снарядов, слушаешь грохот и вой своей и чужой артиллерии – вот и всё. Приятны только минуты завтрака и обеда. Вот теперь ещё самое главное удовольствие – письма и посылочки от вас.

Не знаю, радоваться или огорчаться дяди Ванной болезнью (*И. Ф. Панков, инженер-строитель, муж Туси. Был мобилизован, но вскоре комиссован по болезни. Летом 1943 г., возвращаясь из командировки, заехал в Тайгу за Олей. – Авт.*)? И приехала ли в Калинин Туся, как вы писали мне в более позднем письме?

Андрейка! Ты, говорят, парень мировой и ведешь себя хорошо. Продолжай в том же духе. В армию особенно не спеши. Любаша! Ездила ли ты к маме? Готово ли твое пальто? Как дела с учебой? Бабушка! Ты их всех наставляй там на путь истинный, корми хорошенько, чиркани мне иной раз. Мама! Ты, родная, меньше волнуйся и не надрывайся. Вот всех я вас и направил (нахал!)...

Ну, родные, всего хорошего. Пишите своему вояке. Крепко всех целую!

Коля.

Адрес старый.

Караганда, 11.11.41

Здравствуйте, мои родные! Пишу, а самому не верится, что нашел вас, что не надо больше гадать: «А куда движется эшелон дальше? Успеет ли Туся получить и сообщить мне ваш адрес?»

Откровенно говоря, с тех пор, как я услышал о Калининском направлении и до первой телеграммы от Туси, я чувствовал себя не слишком важно. Хотя где-то в глубине созрело упрямое и твердое: все равно найду! А теперь, после всех дум и волнений, как-то трудно представить себе, что вы все вместе где-то устроились, и я могу вам писать! Ну, в общем очень трудно объяснить, что я сейчас чувствую. Я думаю, родные, вы сами поймете.

Ну, теперь о моей жизни. До 30.9 все было сравнительно тихо и мирно. И я собирался отметить день именин мамы и Любаши. На самом же деле 30.9 была такая трудная горячая работа, что и подумать ни о чем другом нельзя было (как потом определяют военные историки, в этот день на нашем участке фронта началась Московская битва. – Авт.)

Так пошло и дальше. Второго (или 1.10) меня ранило осколком в правую руку (потому я и скребу левой. Лялька, ты, наверное, тоже так писала в первый день учебы, а я ведь неделю целую тренировался. Теперь мы можем с тобой соревноваться – кто лучше будет писать!).

Я очень ярко помню желтое пламя взрыва мины и в тот же миг тупой, горячий удар в правую руку между кистью и локтем. Я почему-то не удивился и не испугался, а здорово выругался и побежал в тыл. По пути я жевал корку хлеба (сейчас это кажется мне смешным). Что было дальше, после того, как меня перевязали, и до самого 7.10, писать не буду, так как это длинная история и вспоминается мне как сон. Одним словом, скажу, что тот факт, что я остался живым, – счастье. И я тогда частенько подумывал, почему мне,

собственно, так везет? (Вот эта история. Коротко, без эмоций, только факты. В санчасти оказали первую помощь, покормили, и я задремал в повозке на сене. Очнулся от негромкой команды: «Кто может ходить, вставайте! Немцы!» Нас, несколько человек ходячих, повел в лес военврач. Пошли на восток. Группа распалась, когда немцы начали стрельбу. Разрывные пули срезали ветки деревьев, казалось, что стреляют и сверху. Потом тишина. Я лежал за толстым деревом, прислушался – никого. Встал и пошел, стараясь не сбиться с тропинки, по которой вел нас военврач. Утром вышел на большой отряд окруженцев. С ними двинулся дальше.

Навсегда запомнилась переправа через речку по взорванному железнодорожному мосту. Он сложился с берега на берег, как картонный домик. Надо было по уцелевшим шпалам забраться наверх, а потом так же спуститься на другой берег. Кое-как мне это удалось, только вся повязка пропиталась кровью.

Идем дальше. Счет дням я потерял. На одном из привалов меня подобрала полуторка, в которой везли раненых. Потом нас где-то пересадили в санитарные машины. Проехали Севск, Рыльск, Льгов, где шла эвакуация. – Авт.)

7.10. – перевязка в Курске, санпоезд, перевязка в Воронеже, санпоезд и через 8 суток – Караганда (эвакогоспиталь № 3970. – Авт.).

Надо отдать справедливость моей руке. Она здорово болела только первые два дня после ранения, а потом молодцом лежала в шине на перевязи. А сейчас она мне и вовсе хлопот не доставляет. Чтобы вы знали все точно, скажу, что ранение сквозное: входное отверстие 3х3 см, а выходное 6х6 (так написано в истории болезни). И опять мне исключительно повезло – кость каким-то чудом не задета.

(Задета, и здорово. За время лечения в госпитале из раны вышло 16 осколков кости, о чем и сообщалось в последующих письмах, а чудо в первом письме придумано, чтобы успокоить родных.

Выходили осколки и в Тайге. Тогда по пути на работу я заходил в здравпункт паровозного депо, и старый фельдшер Романов, отец моего товарища, комсомольского вожака Лени, пинцетом вытаскивал проклюнувшийся осколочек. И вот как в жизни всё переплетено и связано. В 80-е годы Леня, Алексей Петрович Романов, работал профессором Глуховского пединститута. А это в Сумской области, недалеко от района боев, в которых я участвовал. Мы случайно встретились в московском автобусе, переписывались, я собирался навестить товарища, побывать в памятных местах. Не собрался, не успел – Лени не стало. На память мне осталась большая карта Сумской области, которую Леня прислал незадолго до своей кончины. – Авт.)...

Сначала в госпитале я чувствовал себя удивительно паршиво. Плохо спал, раздражался из-за пустяков, психовал. Это, конечно, плохо, но я оправдываю себя тем, что здорово устал, издергался и физически, и духовно. После того, как удалось связаться с Тусей и стали приходиться её телеграммы, я постепенно стал «входить в норму» и сейчас чувствую себя отлично. Ко мне вернулось и мое спокойствие, и бодрость, и выдержка.

День провожу за чтением – здесь есть приличная библиотека. Вечерами страшно активно посещаю все кино, концерты и лекции, которые бывают в нашей столовой. Кормят хорошо. Кроме того, есть буфет, где можно купить булочки, пряники, леденцы, замечательные яблоки (*знаменитый «апорт» из Алма-Аты. – Авт.*), а иногда масло и колбасу. Деньги у меня есть (140 руб. на книжке!), но трачу я их экономно. 7.11 купил яблоко в 300 г весом. Вот это яблоко! Да еще шефы

принесли 3 таких. Вообще праздник провел хорошо...

Как получу от вас телеграмму, буду писать ещё и ещё. Ведь сколько ещё надо рассказать вам, мои родные.

Крепко, крепко вас всех целую.

Коля.

Любаша! Везет твоему Рыжему. Это, наверное, ты виновата! Твоя рожица все время со мной, и в трудные минуты я на нее смотрю. Жди большого письма, родная!

Крепко, крепко целую.

Твой Колька.

Мой адрес: Каз. ССР, г. Караганда, 7, п/я 7/1.

Караганда, 12.12.41

Здравствуйте, мои родные! Поздравляю вас с хорошей трепкой, заданной немцам под Москвой! Побежали «непобедимые», смазали пятки салом! Теперь им, небось, и на морозе жарко. Ясное дело, что от репродуктора меня теперь не оттащишь. А тут еще объявление войны США Германией и Италией. Трещит ось Рим – Берлин – Токио и в предчувствии гибели бросается, как бешеная собака. Ну, а собаке – собачья смерть!

Вчера получил 5 писем от вас. Отвечаю по мере моих слабых писательных способностей. Над Андрейкиным письмом от души смеялся. Ей-богу, у него есть литературный талант. Пиши, братеня, о своих «ореликах». Нашел ли ты их?..

А бабушенция хитрая! Я, мол, потому не писала, что думала, что тебе все известно. А я ведь до твоего письма и понятия не имел о вашем отъезде. А потом я очень люблю получать твои письма.

Теперь возьмемся за постоянных корреспондентов. Мама ну никак не может хоть немножко успокоиться – так и кипит, так и брызжет во все стороны энергией. Я уже молчу о письме главврачу, так как она за тебя. Ну, а поездку в Караганду я никак не одобряю.

Лучше я сам со временем прикачу. А ты лучше пока за картошкой смотайся...

Пришла почтальонша, принесла деньги от Любаши и 3 письма. Сдаюсь! Ей-богу, не успеваю отвечать, хоть пока и старался на все ответить. Придется секретаря заводить!..

Любаша! За деньги спасибо. Сегодня вечером буду писать тебе письмо.

Крепко, крепко всех вас целую!

Коля.

Караганда, 26.12.41

Здравствуй, дорогой братеня! Еще вчера вечером собирался написать тебе, да ходил на концерт артистов Русского драмтеатра. Сегодня с утра тоже дела задержали: брил свою рыжую бороденку.

Пришел в палату, а там как раз у моей почти койки обход: врач, главврач, профессор – молодой красивый мужик. Посмотрели мой рентгенснимок, попросили показать, как работают пальцы. Потом профессор сжал мои пальцы в кулак, было малость больно, но остался моей рукой доволен (*и врач, и главврач – женщины. Им такая операция не под силу. А после могучего профессорского «рукопожатия» кожа на средних суставах распухших от неподвижности пальцев полопалась. Но это стало хорошей основой для восстановления их подвижности с помощью массажа и лечебной гимнастики. Так что спасибо незнакомому профессору в генеральской форме под белым халатом! – Авт.*)

Потом позвали на кварц и там во время перевязки вынули маленький осколочек кости. Видишь, сколько важного сделал. Ну, теперь до самого обеда никто беспокоить не будет.

Третьего дня получил 2 твоих письма – от 13 и 15. Написать тебе надо много. Давай по порядку. Насчет учебы мне тебя учить не надо, в этом отношении ты парень самостоятельный. Ну а по физике и геометрии можешь у Любы консультироваться. Теперь о военных занятиях. Тут я тебе советую стараться вов-

сю, так как если попадешь на фронт, то эта подготовка сильно скажется. Особенно постарайся научиться пользоваться компасом и картой. Я, к своему стыду, в этом деле слаб, хотя и сдавал топографию 2 раза и оба раза на отлично. Потом много значит научиться переползать, маскироваться, применяться к местности...

Знаю, что ты сейчас думаешь о медицинской карьере, но советую обязательно попробовать устроиться если не в академию, то в военно-фельдшерское училище. Дело интересное, очень нужное и почетное.

Концерт вчера был вполне приличный, 2 заслуженных артиста Каз. ССР. Особенно понравился мне романс В. Фомина «Не говори» с цыганским уклоном. Рояль силён. Потом прилично исполнили дуэт из оперетты «Взаимная любовь». И, наконец, сценка «Два пьяных» в исполнении подмастерья худ. слова. Я запомнил её и привожу целиком. Если ты не бросил своей «артистической деятельности», то можешь использовать её в каком-нибудь халтурно-эстрадном концерте для старшеклассников (*идет текст сценки. – Авт.*). При удачном исполнении получается смешно...

Ну, всего хорошего. Пришла почта.

Крепко целую. Колька.

P.S.: Писем от вас нет уже 2 дня.

P. S. из XXI века

Разговор о медицинской карьере не случаен: наши дед и прадед по материнской линии – известные в Твери врачи. Одна из городских улиц в свое время носила их имя.

Но медиком Андрей не стал. Вместо военно-фельдшерского попал в начале 1943 г. во 2-е Томское артиллерийское училище. После ускоренного обучения – командир взвода 404-го артиллерийского полка 109-й стрелковой дивизии на Ленинградском фронте. Затем участвовал в боях за освобождение Эстонии, был ранен. Вернулся в строй в июне 1944 года – командир батареи, начальник разведки

дивизиона в 682-м арtpолку 235-й стрелковой дивизии на 1-м Прибалтийском фронте. Награжден четырьмя орденами Отечественной войны: два первой степени, два – второй. После войны окончил истфак Калининского пединститута, работал воспитателем в ремесленном училище, учителем в школе, деканом факультета, секретарем парткома в пединституте, заведующим облоно.

Выйдя на пенсию, много лет возглавлял областной Совет ветеранов. Избирался народным депутатом СССР.

Кроме боевых наград, отмечен орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», высшей наградой Тверской области – Крестом святого князя Михаила Тверского, многими медалями. Заслуженный учитель школы РСФСР.

Биографическая справка «Троицкий Андрей Яковлевич» с официальным портретом опубликована в разделе «Галерея ветеранов» книги «Солдаты XX века» (многотомное издание. Выпуск II. Москва, 2001).

В составе делегации Тверской области брат был на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга. Побывал в районе Пулкова, где в 43-м получил боевое крещение.

Перед поездкой тверские архивисты показали Андрею список делегации Тверской губернии на празднование 200-летия Санкт-Петербурга. Среди делегатов и Э. Ф. Ландезен. Такая вот переключка поколений: прадед – врач, общественный деятель, правнук – педагог, общественный деятель.

Подобная переключка и у нас с отцом. Он, оставив Московский университет, вольноопределяющимся ушел на Первую мировую войну. Недавно мы с огромным интересом и волнением читали его письма с фронта, сохраненные адресатом, Л. И. Соловьевой. Перед смертью она попросила свою племянницу передать эти письма Андрею.

Наша с отцом военная история похожа. Только война Вторая мировая, Великая Оте-

чественная. А наши письма военных лет сейчас передо мной, их сберегла наша мама.

Андрей Яковлевич скончался в декабре 2003 года, немного не дожив до своего восьмидесятилетия. Хоронил его весь город...

1942

Караганда, 12.1.42

Здравствуйте, мои родные! Можете меня поздравить с новым медицинским успехом: я сегодня малость играл на рояле. Другое дело, как я играл, но не в этом счастье. Важно то, что рука крепко держится сама по себе без всяких перевязей. Так что дел у меня теперь хоть отбавляй: заниматься с соседом арифметикой – это раз; писать вам, дьяволам, письма, хотя от вас уже целую неделю нет писем, – это два; делать гимнастику для пальцев и для всей руки – это три; читать – четыре и т. д. Во как!

Вчера получил, по-моему, с полумесячным опозданием, телеграмму о вашем переезде на новую квартиру. Завтра у почтальона узнаю точно, какого числа она отправлена, но вчерашнее письмо для перестраховки отправил на школу № 33.

С соседом и его приятелем дошли до действий с десятичными дробями, а по геометрии – до мер площадей. Вчера и сегодня они с ожесточением переводят га в ары, кв. м, потом наоборот и т. д. Стараются друг перед другом вовсю, но вместо соревнования дело пахнет конкуренцией с подначкой. Занимаюсь с удовольствием и времени не замечаю. А вчера один старый украинец организовал мне форменное испытание, предложив решить 3 арифм. задачи. После того, как я их решил, он признал, что я кое-что понимаю!

Так как писать мне больше нечего, то я привожу эти задачи. Любаша! Полезно их твоим ребятам порешать, да и Андрею Яковлевичу не мешало бы шевельнуть мозгой, причём, я думаю, что бабушка решит их быстрее Андрейки. (идет текст задач. – Авт.)...

Ну, пока, всего хорошего!
Крепко, крепко всех целую.
Николай.

Караганда, 29.1.42

Здравствуйте, мои родные! Пишу очень мелко, потому что с огромным трудом достал клочок бумаги, и его надо экономить. Ясно? Но это ничего, завтра наклеивается товарообмен с одной няней – тетрадку за табак.

Вчера получил письма от 18.1, Любашино и мамино, а сам отправил письмо и телеграмму Любаше (*поздравление с нашим общим днем рождения 1 февраля. – Авт.*).

Позвали на зарядку. Зарядился и продолжаю. Как видите, правой рукой пишу так же, как и до ранения. Вообще я уже совсем поправился, только повязку не снимают – маленькая дырочка еще есть... Очень интересно, куда выпишут, но сейчас никто ничего сказать не может.

Чернилом пишу потому, что мой сосед тоже задумал писать домой, и я ему отдал карандаш и половину бумажки.

А теперь о нашем концерте, который вчера наконец состоялся. Успех был полный, я даже не ожидал, что получится так хорошо. Правда, наш основной солист Колька Черник (исполнитель жанровых песенок, как его представил публике конферансье) от большого волнения спел сразу последний куплет «Тонечки», а потом с огромным нахальством исполнил остальные в совершенном беспорядке. Меня разобрал смех – хорошо, что за роялем можно было скрыться. Превзошел себя наш конферансье. На репетициях он держался очень связанно, а на эстраде – откуда что взялось – так удачно высказывался, что публика все ладоши отбила. «Моя красавица» исполнялась на бис 2 раза.

Не обошлось и без маленького происшествия. Наш чтец Кучеренко как-то сумел «заправиться», но свое стихотворение прочел

хорошо – у меня гора с плеч. Но вдруг, когда я ждал объявления конца концерта, конферансье объявил: «Частушки. Исполняет Кучеренко в сопровождении баяна». И так он исполнил эти частушки, что публика неистовствовала. Но потом так разошелся, что дело дошло до вещей почти неприличных – пришлось нам очень красноречивыми жестами заставить его уйти с эстрады. В общем все обошлось к обоюдному удовольствию актеров и зрителей...

Пришел Колька и говорит, что сегодня идем с нашим концертом во 2-й корпус, и, кроме того, появилась группа желающих организовать хор. Так что последние дни в госпитале мне скучать не придется! Может, еще один эстраденский отколем! (*«Откололи», и не один. И хор был, и оркестр, и солисты, и чтецы, и танцоры – всего 25 номеров. В репертуаре популярные довоенные песни советской эстрады, на некоторые мелодии – злободневные тексты собственного сочинения. – Авт.*)

Вчера по радио из Алма-Аты слушал очень интересный очерк А. Фадеева о Калининне, Солнечногорске, Старице. Там он пишет о первых объявлениях, появившихся сразу после занятия города нашими (*«Пролетарская правда» еще не выходила. – Авт.*), и среди них объявление о том, что Калининский пединститут просит зарегистрироваться преподавателей и студентов. Мне даже как-то так стало – кто его знает как – не напишешь. Теперь, как только достану бумаги, обязательно Владимиру Модестовичу напишу (*В. М. Брадис, профессор Калининского пединститута, автор широко известной «Таблицы логарифмов». Читал у нас на курсе высшую алгебру. – Авт.*)...

Вчера и третьего дня получил открытки из батальона выздоравливающих от одного паренька. Пишет он жутко неграмотно, но просто и трогательно. Послал ему письма, пришедшие из дома на этот адрес.

Ну, родные, всего хорошего!
Крепко-крепко вас всех целую.
Николай.

Караганда, 15.2.42

Здравствуйте, мои родные! А Колька ваш все еще в госпитале, но так как сие от него никак не зависит, он живет потихонечку и ждет комиссию.

Вчера выписали очень многих и в том числе нашего конферансье и одного из «главных драматических артистов». Колька Черник идет на комиссию завтра, так что настроение у всех «чемоданное», и никаких пьес ставить мы не будем. Может быть, сегодня сообразим без всякой подготовки прощальный концерт-экспромт, но все зависит от желания моих приятелей.

Я завтра тоже на комиссию не попаду, но на следующую думаю попасть обязательно. А впрочем, верно, очень редко угадаешь – думаешь так, а выходит иначе. Во всяком случае, я дам телеграмму сразу же после прохождения комиссии...

Вчера один калининский (некто Соколов) получил отпуск на 6 месяцев – он еще на костылях ходит – и вот он не знает, что делать: ехать в Калинин или здесь оставаться. Дело в том, что он ничего не знает о своей семье.

Я же никакого отпуска не получу, так как у меня опять две руки, и меня сразу можно послать куда угодно.

Вчера с удовольствием смотрел «Киноконцерт». Читаю сейчас «Черный консул» Константина Виноградова.

Соседу дал самостоятельную работу, и он вовсю пыхтит над задачами. От вас писем нет уже 2 дня, и сегодня я жду...

Братеня! Для тебя есть несколько новых песенок и очень хорошее стихотворение, но все это написано от руки и переслать нет никакой возможности. Сегодня пишу песенку на мотив «Синего платочка».

*Грязный солдатский платочек
Ганс посылает домой
И добавляет несколько строчек:
Дескать, дела ой-ой-ой!
Летим, бежим
Мы по просторам чужим,
Кружится лётчик, бьет пулеметчик,
С мужем простись ты своим.
Помнишь, при нашей отправки,
Гитлера речь самого:
«Сможешь ворваться в любую ты лавку,
И там награбить всего».
Вот и зима наступила,
Бьют нас и в гриву и в хвост.
Геббельс болтает – черт его знает,
Сам бы померзнул прохвост.
Порой ночной
Немцы объята тоской:
Хлеба б кусочек, водки б глоточек,
И поскорей бы домой!*

Автор этой песенки неизвестен, но, по моему, ничего придумано.

Сегодня озабочусь письменными принадлежностями к выписке, чтобы было на чем писать вам, дьяволам, письма.

Само собой разумеется, что мысли мои сейчас вместо концертов, спектаклей и прочей ерунды вертятся и крутятся вокруг того вопроса: куда пошлют после выписки? Раньше я думал, что в батальон выздоравливающих, а теперь не знаю, что и думать. Однако настроение бодрое и чувствую я себя отлично...

Ну, родные, всего хорошего!
Крепко, крепко вас всех целую.
Николай.

(Примерно через месяц комиссия решила: годен к нестроевой с переосвидетельствованием через полгода. В конце марта 1942 года я приехал к семье в Тайгу, вскоре начал работать учителем в 33-й школе. – Авт.)

1943–1944 годы

Переписка началась осенью 1943 года, когда Андрей прибыл на фронт, а мама с бабушкой – в Калинин.

Но раньше написана любопытная записочка, определяющая одну из основных тем многих последующих писем: картошка! Вот она: «Мама! Если поедешь, захвати с собой, по возможности, соли, рыбешки (валюта!) и газетку на курево. Сейчас малость позавтракали и собираемся на работу. Живем трое: София Ник., какая-то тетя из шк. № 34 и я... Спички тоже дело хорошее. В общем, Соня, развивай энергию и тогда с картошкой будем! Коля».

Записка с оказией отправлена из железнодорожного совхоза «Ижморский», где мы с мамой работали на уборке с группой учителей. Платить нам должны были картошкой, но мама не успела получить расчет, и начались многомесячные хлопоты с оформлением, пересылкой доверенности и превращением её в картошку, без которой нам было бы трудно прожить.

А теперь письма.

Действующая армия, 5.12.43

Здравствуй, дорогая мамуся!

Поздравляю тебя с праздником (*День Конституции СССР. – Авт.*) и желаю всего, всего хорошего.

У меня, конечно, все в порядке и, конечно, хорошо. Вчера не получил ни одного письма и посему ожидаю сегодня богатый урожай. Оспа моя не привилась. Ну, как видишь, новости хоть из пальца соси.

Так, значит, подействовала ты на своих пятиклассников строгостью, а я тебе советовал как раз наоборот, и, следовательно, в педагогике твой верх.

Мать, ты, наверное, никогда не слышала о таком принципе: «Не умеешь – научим, а не хочешь – заставим». Это очень мудрая и жизненная формула, по-моему.

Много пишут газеты о Суворовских училищах, в частности о нашем Калининском. Вот, действительно, будут офицеры! Я, конечно, надеюсь, что когда они окончат школу, я буду уже немного повыше теперешнего своего звания и с удовольствием с ними поработаю.

Ну, вот пока всё.

Крепко, крепко тебя и бабушку целую.

Будьте здоровы!

Твой сын Андрей.

P. S.: Вам убавили, зато в Ленинграде прибавили! (*Видно, хлебную норму. – Авт.*)

Тайга, 22.12.43

Здравствуй, дорогая мама!

На улице сильный буран, поэтому я только что пришел домой, отнес Яшку в ясли – у меня сегодня нет уроков, а Любе в такой буран да еще с портфелем такого большого сына не донести. Вот мы и топали всем семейством до ясель, а потом мама пошла на работу, Яшка к своей тете Лизе, а я домой. Яшка очень любит свою ясельную няню, и вчера, когда я пришел за ним, он на прощанье поцеловал её и помахал рукой...

Теперь самое интересное: 18.12 наш пред. МК объявил, что 19 ехать за углем в Анжерку в 5 утра. Несмотря на жестокий мороз на вокзале собралось 16 чел. А о 98-м (*номер поезда. – Авт.*) ни слуха ни духа. Разошлись по домам до 7 ч утра и я чуть было совсем не остался, но потом решил все-таки пойти, и через 5 минут после моего прихода прибежала А. В. и сообщила, что можно уехать с товарным, который уже отходит. Вся наша братия ринулась к поезду и на ходу набилась на 2 открытых площадки...

В Анжерке на вокзале поели какой-то горячей водички и пошли на шахту. Мороз спал, выглянуло солнышко, идти было очень хорошо, и Романа Кондратовна (*Р. К. Квартинская – завуч школы. – Авт.*) всю дорогу восхищалась природой.

В раскомандировке погрелись, получили кайла, лопаты и пошли на работу. Ту кучу, которую и ты нагребала, мы раскайлили и очистили от снега за пару часов, затем до 5 вечера пришлось ждать платформу и грузить её до 9 ч. вечера в темноте... Нагрузили доверху – тонн 17–18. На станцию пришли часов в 11 и в 2.30 ночи приступом, без всяких билетов взяли поезд № 97. Я попал на площадку между вагонами, как мы с тобой из Ижморки садились. Доехали благополучно, и вообще я поездкой очень доволен, так как на днях можно будет получить около тонны угля, что очень приятно...

Ну, пока, всего хорошего!

Крепко целуем.

Коля, Люба, Яша.

Тайга, 13.1.44

Здравствуй, дорогая мама!

Что-то до сих пор нет от тебя письма с описанием встречи Нового года. Как-то там бабушки 1944 г. встретили?

Я писал тебе дня 2 назад, и новостей особенных нет. Однако поболтать надо.

Сейчас часов 10, Яшка только что улегся, поев картошки с молоком и маслом и выпив почти целый стакан молока. Научился твой внук пить из кружки и теперь пьет молоко с удовольствием...

Вчера в нашей школе была делегация Сталинской области. Состоялся митинг, все было очень хорошо. Особенно понравилось всем приветствие детсада № 13. Ребятишки все одеты одинаково, с красными бантами. Преподнесли пакет, а потом самый маленький мальчишка положил на стол свою целлулоидную куклу-голышку. Подарков собрали много, и теперь все это специальным эшелонном пойдет в Сталино...

Ну, всего хорошего!

Целуем.

Коля, Люба, Яша.

Утро 14.1.44. Ура! Нашел сейчас в перчат-

ке талончик на 200 г хлеба, который вчера потерял!..

Целую.

Коля.

Действующая армия, 10.2.44

Здравствуй, дорогая мама!

Как видишь, когда есть возможность, пишу тебе ежедневно. Вчера получил от тебя письмо, а сегодня думаю получить сразу много писем.

У меня все в полном порядке, только вот Непримеров вчера прихворнул малость. Но сегодня с помощью спирта я восстановил его здоровье полностью.

Лиду 8.2.44 ранило в ногу. Ранение несерьезное, но больше она сюда, конечно, не вернется. Немного жалко, ну да ничего – война. Шла она, между прочим, ко мне, несла платочки и подворотнички.

Сейчас сижу у костра и в ожидании команды решил заняться писанием...

Твое желание повидать Яшуху и все их теплое семейство полностью разделяю и понимаю...

Ну, пожалуй, и всё!

Крепко, крепко тебя и бабушку целую!

Будьте здоровы!

Твой сын Андрей.

Тайга, 6.3.44

Здравствуй, дорогая мама!

Пишу карандашом, сидя в пустой комнате, так как пришли наконец маляры, и всё наше движимое и недвижимое имущество переехало в кладовку...

Я всё жду телеграммы о том, как и куда Андрейка ранен, и все мы очень беспокоимся, что и как, как он себя чувствует. Завтра ровно год, как мы его на фронт провожали...

Теперь сенсация: Коган, уезжая на родину, захватил с собой в вагон мучки, сахару, шоколада и т. д., но доехал только до Омска, а там его сцапали к великому удовольствию всех

наших учителей. Очевидно, лучшей родиной ему теперь Сиблаг будет...

В воскресенье был на рынке, купил Яшке 200 г масла за 90 р. Было и по 400 р., но тётка не стала 200 г вешать, продавала всё сразу (*две наших учительских зарплаты – 1000 р. – Авт.*)...

Третьего дня получил письмо от Любиной двоюродной сестры, которая пишет, что её мама и дядя угнаны на немецкую каторгу (*Любины мать и отчим – Пелагея Григорьевна и Афанасий Иванович Сикорские вернулись в конце войны в родную деревню на Украине. На руке у мамы была татуировка – её лагерный номер. В начале 50-х Любины родители переехали к нам в Кемерово. – Авт.*).

Любе этого письма не показывал, так как ей сейчас и так волнений хватает. Не знаю, как и сказать ей. И с завучеством волнуется, и дома приходится всё как-то комбинировать в ожидании картошки. И достаётся ей здорово (*привезти картошку удалось только 21.3. Это была большая радость. – Авт.*)

Крепко целую.

Коля.

Не дождусь весточки от Андрейки – прошло бы только всё благополучно (*Андрей был ранен в руку и ногу, лечился в госпитале в уральском городе Лысьва, в Калининне, вернулся в строй в июне 1944 года. – Авт.*).

Тайга, 24.4.44

Здорово, дорогой братеня!

Вчера получил твоё письмо от 12.4 с фотографией. Рассмотрев её как следует, мы пришли к выводу о том, что: 1) Ты здорово возмужал (т. е. мальчик немножко вырос). 2) Порядочно похудел и побледнел – воздух госпиталя и прогулки в операционную, разумеется, хуже свежего воздуха и здоровых конечностей.

В общем же фотография очень хорошая, а насчет худобы и бледности есть предложение навестить в родном городе то, что было

упущено. Мама, очевидно, это дело наладит как надо.

У нас всё по-прежнему в порядке и никаких особых новостей нет, а так, по мелочи...

В вопросах кулинарии я творю прямо чудеса: в субботу, например, после долгих творческих исканий насчет меню я сварил такой обед: 1) Картофель отварной. 2) Картофель отварной. 3) Картофель отварной. И ели мы этот обед с маслом, луком и с удовольствием. Дело в том, что супец поднадоел.

Ну, а сегодня Люба хотела меня перещеголять, да не вышло: на третье порошу не хватило и вышло только – 1) Картошка-пюре. 2) Картошка-пюре. Но зато у нас был ещё соус: рассол из-под капусты...

А вчера произошло потрясающее событие на хоз. фронте. Одна из куриц (*всего их было две. – Авт.*) снесла не яйцо, а яйчище – с двумя желтками... Я с ним носился, пожалуй, больше, чем сама курица...

По случаю приближения праздника на улице был снег и дождь, а сейчас тайгинцы расхлебывают последствия в виде грязи. Нам с Любой это особенно накладно, так как обувь наша оставляет желать лучшего. Делаем так: в школу идем в совсем рваной паре, а там надеваем несколько менее рваную...

Ну, вот, вроде, и все новости.

Крепко целую от имени всего сибирского семейства.

Колька.

Тайга, 8.6.44

Здравствуйтесь, дорогие калининцы!

...Можете меня поздравить с благополучной доставкой 9 т продуктов в Петухово (*25.5.44 меня назначили начальником пионерлагеря, а Любу библиотекарем. – Авт.*). Сам получил и сопровождал вагон продуктов, и волнений было много, зато теперь – гора с плеч. Знаю, что лагерь на весь 1-й сезон обеспечен основными продуктами, и знаю, что никто ничего не украл. Однако другой раз

пусть заготовитель везет – очень волнительно, когда, например, в открытых ящиках выгрузили американский шпик такими легконосимыми пластами, а каждый пласт кг 10!

Ну, а вас можно поздравить с открытием второго фронта. Когда мне Люба вчера эту новость сообщила, я очень обрадовался и как-то легко на душе стало...

Ну, родные, кончаю и бегу в ЛинОРС насчет ложек, спичек, чаю и прочей мелочи.

Целую.

Коля.

Тайга, 20.9.44

Здравствуйтесь, дорогие мама и бабушка! Пишу, сидя в гор. парткабинете, за своим рабочим столом. С сегодняшнего дня я инструктор ГК ВКП(б) в отделе пропаганды и агитации.

В течение последних 5 дней события происходили с чрезвычайной быстротой. 15 прошёл мед. комиссию, признан годным в строй, а 19 должен был ехать в училище, но ГК счёл более целесообразным использовать меня на работе в Тайге, и вот я на новом месте.

Дома мы всерьез приготовились к моему отъезду: вывезли уголь, я привёз из лагеря картошки, шерсти Любе на шаль и т. д. Люба сварила петуха, напекла пирогов, мешок приготовила.

В школе 18.9.44 был прощальный вечер, а 19 выяснилось, что я остаюсь в Тайге. В общем, скучать не приходится. Жизнь течет бурно и вертит человека иной раз в совершенно неожиданном направлении. Ладно хоть я телеграммы вам не дал, а то был бы переполох...

Завтра в новой должности иду на подсобное хозяйство, а дома еще 6 соток осталось выкопать. Как-то надо выкручиваться, а то дело к заморозкам и дождям приближается...

Ну, пока кончаю, надо что-то насчет картошки предпринимать.

Целую.

Коля.

Действующая армия, 27.10.44

Здорово, дорогие предки!

Вчера писал вам, а сегодня опять есть новости. Помылся в бане, надел чистое теплое бельё и новенькую телогрейку. Если ещё добавить к этому, что мои передние конечности облачены в кожаные перчатки на меху, а задние в байковые портянки и крепкие сапоги, то можно сделать вывод, что ваш маленький сынок (рост около двух метров, плюс усатая фотография) обеспечен всем, что нужно, и хотел плевать на всякие климатические условия.

Почту еще не знаю, принесли или нет, и думаю, что сегодня будет весточка от вас.

Только что пообедал и с удовольствием закурил хорошего табачку, которого, кстати сказать, мне хватает, ибо один из моих помощников не курит.

Ну, вот и всё.

Будьте здоровы! Крепко, крепко вас целую!

Ваш сын и внук Андрей Яковлевич Троицкий.

с. Святославка, 20.11.44

Здравствуйтесь, дорогие мама и бабушка!

Заехал я аж за 50 км от железной дороги, в такой медвежий угол, где старики электричества не видели. Однако живу хорошо, работаю успешно и испытываю от этой работы удовлетворение.

Живут здесь люди крепко, всего хватает, полно у каждого и мяса, и сала, а о картофеле и молоке и говорить не стоит. В большинстве колхозов хлеба хватает – пекут хозяйки пшеничный хлеб, режут его к столу столько, сколько хочешь, и никаких ограничений не знают. Ну, а там, где хлеба мало, научились всякие картофельные штуки делать, и если учесть, что всё это в масле купается, получается неплохо.

Я приехал сюда шесть дней назад в качестве уполномоченного Ижморского райкома

ВКП(б) по завершению хлебосдачи и сбору картофеля сверх плана в победный фонд Красной Армии (*перед поездкой мне выдали в Тайгинском леспромхозе спецовку лесоруба: валенки, телогрейку из белого суровья и такие же штаны на вате. Хорошее дополнение к солдатской шинели и шапке. – Авт.*)

Устроили меня в один колхоз на квартиру, где я расположился с полным комфортом: кровать, обильная и вкусная еда, тепло – что ещё человеку надо, когда он целый день бежит, а на квартиру приходит только поесть и спать.

Обошел и объехал все колхозы здешнего сельсовета – 5 штук, и сегодня вечером провожу собрание в последнем колхозе. Принимают хорошо, с людьми я разговаривать умею, и результаты неплохие.

Главное в том, что каждая здешняя женщина понимает необходимость добить немца во что бы то ни стало и прямо говорят, что последнее отдать надо, а врага добить. Ну, однако, последнего им отдавать не приходится, так как и лишнего хватает.

Надо отметить, что в смысле денег здесь не то, что раньше – на базаре всё дешево...

Так что в деревне люди живут хорошо, крепко...

Ну, всего хорошего! Крепко вас целую!

Ваш Коля.

P. S.: Вы мне по этому адресу не пишете, так как я дело тут кончаю и домой в ближайшее время собираюсь «на почтовых».

Тайга, 3.12.44

Здравствуйтесь, дорогие мама и бабушка!

...Вчера получил от Вас телеграмму с сообщением о третьей правительственной награде Андрейки. Прямо удивительно быстро следуют одно за другим такие приятные сообщения! Видно, здорово воюет наш Андрейка. А вот в письмах он пишет, что ничего особенного не случилось, что воюет по-маленьку, и только иной раз очень скромно,

между делом замечает, что отбили контратаку, малость постреляли и т. д. Теперь только был бы наш усатый лейтенант, трижды орденносец, здоров и благополучен, остальное приложится...

Ну, родные, всего хорошего. Крепко вас целую. Будьте здоровы!

Коля.

Действующая армия, 31.12.44

Добрый день, София Эдуардовна!

Во-первых, прошу извинить за то, что сразу не смог ответить на два Ваших письма. Причиной было то, что я в то время не знал истинного положения Андрея. Он был эвакуирован из МСБ в госпиталь сначала за 20 км, затем ещё дальше. Я посылал человека узнать о его состоянии, а он уже был отправлен в другое место.

Сегодня получил от него письмо с датой 24.12, где он пишет, что здоровье хотя и лучше, но еще не совсем здоров.

София Эдуардовна! Сейчас Андрей находится в хорошем госпитале, там замечательные врачи, и, думаю, он быстро поправится, чего, конечно, я от всей души желаю.

Я забочусь теперь о том, что, наверное, Андрей не попадет ко мне, а в лице Андрея я потеряю хорошего командира, хорошего офицера.

Да, София Эдуардовна, поздравьте Андрея с новым званием, которое он недавно получил, и, наверное, еще сам не знает.

Желаю Вам хорошего здоровья и хороших вестей от Андрея.

С приветом,

Д. Гаврилов.

1945

Тайга, 14.2.45

Здравствуйтесь, дорогие мама и бабушка!

Третьего дня получил телеграмму с адресом Андрейки и сообщением об отправке посылки, и всё сибирское семейство возра-

довалось... Дяде Андрею сразу же написали коллективное письмо, в котором дружно просили его поскорее поправляться и получить отпуск...

У нас всё в порядке, только Яков Ник. вчера изволили здорово прихворнуть. Сегодня температура спала, и парень повеселел. Был врач и на 2 дня освободил Любу от работы...

Вчера по Любиному ордеру получил 3 м бязи и полотенце. К бязи присматриваюсь с точки зрения подкладки к моему еще не заказанному (жду очереди) костюму, но, с другой стороны, надо бы белье сшить. Вывод: владение богатством в виде 3 м бязи лишает человека безмятежного существования и заставляет думать, как его лучше использовать. Получили мыло, отпраздновали это дело походом в баню и стиркой.

...Последние дни слушали, затаив дыхание, сообщения о результатах Крымской конференции, о разгроме немцев в Будапеште. Здорово!..

Всего хорошего, дорогие. Крепко вас целую! Ваш Коля.

(Это письмо маму в Калинин не застало: 17.2.45 она, добившись разрешения, уехала к Андрею в прифронтовой госпиталь возле г. Двинска (Даугавпилс). Оттуда почти каждый день писала бабушке о состоянии Андрея. А оно, после двух сложнейших операций по поводу перитонита, было очень тяжелым. Голову с подушки поднять не мог. Заканчивались письма словами: «Будем надеяться и молиться!». Заметное улучшение наступило только в конце апреля. Спасли брата военные медики и мама. – Авт.)

Двинск, 1.5.45

С праздником, большим и великим, мамочка моя!..

Праздновать начали вчера: пели, и так хорошо! А Андрейкин голос, спаси его Господь, громче всех!

Утром был прекрасный завтрак, а сейчас прихожу с кухни в палату, а Андрейка... ушел на танцы. Не сон ли это? Господи, только бы дальше так было!

Мамочка! Домой нельзя ехать, пока не затынется свищ!

В торговле дали рейсовую, в военторге отоварили, получила чулки и получу, наверное, туфли.

Мамуся моя! Будем терпеливы и благодарны судьбе. Господь с тобой!

Соня.

Тайга, 3.5.45

Здравствуй, дорогая бабушка!

Пишу, вернувшись из бесполезной поездки на свое «подшефное» подсобное х-во – назначили меня уполномоченным на время сева. Хорошо, что близко – утром уехал, а сейчас около часу дня, а я уже дома.

Весть о взятии Берлина слушал первый раз, собираясь на поезд, а потом ещё раз – в сельсовете. Поздравляю тебя, бабушка, с этой великой победой – теперь и до конца – рукой подать. Четвертую годовщину Отечественной войны будем отмечать, пожалуй, уже после войны.

Первомайские дни мы провели очень скромно, дома, но хорошо. Была и водка, Любаша испекла пирогов, сделала крем, вареники и целый ряд других вкусных вещей. А возможности для кулинарного творчества были, так как мы получили все пайки.

30.4 я ходил с докладом на лесоучасток за 8 км и наслаждался прекрасной погодой, которая, кстати, стояла все праздники на удивление всем тайгинским старожилам.

Вчера, пока Люба готовила, мы сходили с сыном на картофельный участок и в кустах на горке нарвали большой букет «кондыков», подснежников и еще каких-то желтых и синих цветочков.

Вечером, поспав после обеда, я сходил за жердями для огорода, а Люба с Яшей гуляла,

причем сын носился, как молодой телёнок, и так вымазался, что мать его еле-еле отмыла.

Писем нет ни от тебя, ни от наших уже несколько дней. Беспокоит меня, получили ли они 900 р., которые я перевел еще 19.4.45, так как ответа на все мои телеграммы нет.

Ну, кончаю и бегу на работу. Всего хорошего, дорогая бабушенция.

Говорят, что Гитлер и Геббельс покончили с собой. Хоть и жалковато, что не попались они в наши руки, поздравляю!

Крепко тебя целую!

Твой Коля.

Тайга, 9.5.45

Попробуйте написать письмо в мирной обстановке, ПОСЛЕ войны, в день Победы. Непривычно и затруднительно. Тем более, никак не подберешь слов, чтобы описать все чувства и переживания в связи с сегодняшними событиями.

В общем, завтра я впервые пойду на работу в условиях мирного времени. Ведь до сих пор я в мирное время никогда не работал.

Утром, как только мы услышали сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии, Люба попыталась растолковать смысл этого события Якову Николаевичу. Не знаю, как он это воспринял, но в общегородском митинге он принимал горячее участие и на вопрос, что сегодня случилось, отвечает: «Победа!»

Пишу, сидя на дежурстве, куда попал с учительского вечера во 2-й школе. И дома, и на вечере успел немножко выпить и сейчас, при полной ясности мысли, по одной половине пройти не могу. Дежурство двухчасовое, и после него пойду за Любой в школу.

Утром сегодня я был занят по горло, а Люба, пользуясь этим случаем, целовалась на улице со стариком-машинистом Федоровым. Вообще на улице сегодня интересно, все кричат. Кто смеется, кто плачет, большинство навеселе.

Вспомнил сегодня начало войны, свои фронтовые переживания и впечатления. Надо сказать, что всего значения произошедшего сегодня я не осознал ещё. Всё это должно маленько утрястись, а потом и описать можно будет.

События развиваются настолько стремительно, что завтра, например, мне придется в третий раз переделывать статью в газету о задачах агитаторов, которую я писал в конце апреля. К маю её поместить не удалось, так как печатались материалы о взятии Берлина, приказ т. Сталина, о займе. Вчера я до ночи сидел, переделывая статью, а сегодня утром она уже стала историей, опять надо переделывать.

Ну, родные, всего хорошего. Крепко вас всех целую, поздравляю с великим праздником торжества нашего правого дела!

Ваш Коля.

P. S. из XXI века

Это письмо – последняя страничка семейной хроники военных лет. С тех пор много прожито и пережито, даже общественный строй сменился. Но греет душу то, что при всех переменах и потрясениях в семьях и между семьями наших детей и внуков сохранилось главное: любовь, взаимное уважение, забота и поддержка. Всё то, что помогало нам, старшему поколению, выдержать суровые военные испытания, а молодым сегодня – отвечать на вызовы времени, жить достойно. И нам, старикам, рядом с ними тепло.

Конечно, мы что-то потеряли, отказавшись от писем в повседневной жизни. Но ведь важно не то, какими техническими средствами связи мы пользуемся, а то, чтобы эта связь, это общение между родными и близкими были постоянными, живыми и действенными, чтобы добрые семейные традиции сохранялись и продолжались.

Москва, июль 2008 г.

Федор Ягунов

Память сердца

В НАШЕМ СТАРОМ, ДОБРОМ УНИВЕРМАГЕ...

В конце смены от вибрации разлетелось еще одно стекло в огромном, от пола до потолка, окне. Окно заделали фанерой, но все равно из него тянуло холодом. Эмульсия, охлаждавшая резцы, замерзала сосульками. Плакала Нина Егорова, моя сменщица. И не столько от того, что мерзли руки, сколько от жалости к этому большому, когда-то белому залу, где она мечтала после школы работать продавщицей в отделе игрушек. Школу Нина не успела закончить: началась война. И пришлось ей работать не за прилавком, а за токарным станком. Изделия, которые выпускал наш цех, совсем не были похожи на детские игрушки.

Уже в наши дни новосибирский радиожурналист и поэт Александр Метелица, мальчишкой работавший здесь электриком, напишет об этом так:

*Теперь это давние дальние дали,
Эпоха огромных тревог и забот.
Утрами нам мамы носы вытирали,
Потом деловито мы шли на завод.*

*Включали станки пацаны и девчонки,
Как дробь пулеметная – стрекот резца.
А где-то писались уже «похоронки»,
Чтоб в наши попасть адреса и сердца...*

Кемерово довоенной поры представляло собой деревянный, с огородами и коровьим мычанием по утрам районный полудеревню-полугородишко. И только в тридцатые годы, в последнее перед войной десятилетие, он стал приобретать отдельные городские черты. На северо-западной его стороне густо дымили трубы коксохима, азотно-тукового завода. Редкие многоэтажки – в три, в четыре этажа, отдельными островками возвышались среди черноты тесовых крыш. Предметом гордости кемеровчан наряду с подвесной канатной дорогой через Томь стали звуковой кинотеатр «Москва» и белый двухэтажный магазин с непривычным еще названием УНИВЕРМАГ (до этого говорили – «многолавка»).

Когда страна должна была спасти свою промышленность, чрезмерно сосредоточенную в западных областях, когда хлынули на восток эшелоны с заводским оборудованием, беженцами, городу, совершенно не готовому принять этот вал, пришлось совершить подвиг самоотвержения ради спасения страны.

Эвакуированный осенью 1941 года с Украины Харьковский электромеханический завод, помимо универмага, был размещен в гараже автохозяйства, в трамвайном парке, в деревянном клубе КТС. Как могли, уплотняли и имеющийся жилой фонд. Семью моего заводского приятеля Виктора Рыбикова, вывезенную по «дороге жизни» из Ленинграда,

● Эта фотография в годы войны была на Доске почета. Николай Иванович Дзядель, ст. мастер цеха № 3 завода № 652

поселили в одной половинке обычной, надвое поделенной фанерной перегородкой комнаты в доме с аптекой в Соцгороде.

Из всех не столь уж многих в городе магазинов оставили только хлебные. Хлеб был по карточкам, но очереди за ним стали еще больше. Из окна нашего 3-го цеха, никогда не гасившего своих огней, было видно, как на другой стороне улицы Кирова, на высоком крыльце деревянного хлебного магазина, еще затемно выстраивались женщины, дети, инвалиды.

Хлеб был главной ценностью. Его можно было продать, и не обязательно целую буханку, продать можно было пайку. За хлеб

можно было выменять хороший костюм, хромовые сапоги. С наплывом эвакуированных на барахолке, что была на том же месте, где теперь крытый рынок, появилось много всяких вещей, но, Бог мой, какие там сделались цены!

Из Харькова под бомбежками было вывезено только заводское оборудование и самые-самые необходимые специалисты. Рабочих набирали здесь. Из тех, кто не дорос еще до призыва, и из женщин-домохозяек. Хлеб, вернее, рабочая карточка, были главным стимулом, побуждавшим школьников оставлять свои парты, а женщин – своих малолетних детей. Благо, что заводов в городе становилось все больше. Кемеровская ГРЭС работала на пределе своей мощности. Три ее трубы ежедневно выбрасывали на город сотни тонн сажи. Снег, едва успев выпасть, становился черным. Хозяйки не могли вывесить на просушку белье.

Когда в начале 42-го из восьмого класса с направлением из отдела кадров я пришел на 2-й этаж универмага, производство электромоторов для танков было уже налажено, хотя выпускались они пока мелкими партиями. Теперь увеличение выпуска моторов, а значит, и танков на уральских заводах, а следовательно, и погода на фронте зависели и от того, сумеет ли этот зеленый народ в кратчайший срок научиться делать свою работу лучше, быстрее и давать продукцию в количестве, необходимом фронту.

Меня поставили учеником к Ане Раковой, девушке постарше меня, работавшей в цехе уже месяца три и считавшейся опытным токарем. На стареньком станке немецкого производства марки «Питтлер» она вытачивала какие-то зажимные кольца. «Питтлера» я сразу же мысленно окрестил Гитлером и не ждал от него ничего для себя хорошего. Так оно и вышло. Через пять дней Аня заболела, и меня по принципу «хочешь научиться плавать – прыгай

в воду» поставили на смену. Я, внутренне обмирая от страха, крутил ручки, подводил к бешено вращающейся заготовке резцы, сверла, пытался делать эти самые зажимные кольца коллектора мотора МВ-12, который, как я уже знал, должен был очищать от пороховых газов воздух в танке. «Питтлер» ломал мои резцы, сверла, и надо было только удивляться терпению мастера Николая Ивановича Дзяделя, который фактически не отходил от моего станка. Постепенно дело пошло на лад.

Маша Давыдова (Ванеева), что работала на соседнем станке, в отличие от большинства пацанов и девчонок, успела перед войной окончить десятилетку. Она пришла в цех в 41-м.

– Еще только устанавливали станки, долбили мозаичный универмаговский пол и намертво бетонировали в нем тяжелые станины. Я помогала, чего-то подносила, чего-то уносила, была подсобницей.

Теперь Маша опытный токарь, обрабатывает чугунные отливки – крышки корпусов мотора. «Как дробь пулеметная стрекот станка», оглушительно выстукивает резец, срезая излишки металла с ножек крышки. При обработке чугуна резцы не охлаждают водной эмульсией, чугунная пыль пачкает руки, лицо. Все девушки держат в тумбочках при станке крохотные обломки зеркальца, чтобы время от времени прихорошиться.

● Коллектив цеха № 3 в 1943 году. Выезд на картошку

Саша Метелица, будущий поэт, совсем еще пацаном эвакуированный из Харькова вместе с заводом и родителями, с зубилом и молотком в руках долбил в бетоне пола канавки для прокладки кабеля к станкам.

– А я ведь до войны на скрипке учился играть, – с сожалением говорил он потом, вспоминая свои разбитые в кровь пальцы.

До войны... Мы хотели быть взрослыми и не знали, что это случится так, как случилось, то есть совсем скоро. Кто-то из тех, кто постарше, погибнет в том же 41-м году. У всех остальных жизнь пойдет не так, как они собирались ее строить.

Впрочем, наиболее целеустремленные из той, военных лет молодежи, пусть и с опозданием, сумели добиться поставленной цели. Маша Розенко, контролер ОТК, носила с собой на работу учебник. После войны поступила в Новосибирский мединститут, стала врачом. Известный в городе доктор Подгорбунский увидел в ней талант хирурга. Пытался отстоять свою ученицу, когда гордздрав решил выдвинуть ее на руководящую работу. Мария Кузьминична многие годы успешно возглавляла поликлинику Заводского района, но и сейчас, на пенсии, жалеет о своей несостоявшейся карьере врача-хирурга.

Никаких фотографий цеха времен войны у меня нет. Да их и не могло быть. Время было суровое. «Кузбассэлектромотором» завод стал называться потом. В войну это был Государственный Союзный завод № 652 со всеми вытекающими условиями его особого режима.

И все-таки у меня есть снимок, которым дорожу. На лесной полянке снята большая часть нашего коллектива. Но это не пикник, в войну не было ни праздников, ни выходных. Это – выезд в колхоз, на картошку. Мне не повезло, я был на смене. Зато есть там обе моих сменщицы. Во втором ряду вто-

рая слева – совсем юная красавица Нина, та, что плакала, когда от тряски разлетелось окно. Впрочем, девушки все были молоды и красивы. В этом же ряду четвертая – Аня Ракова, моя «учительница». Между ними – улыбающийся во весь рот Сережа Червов, токарь с самого большого в цехе станка, точившего самые крупные детали – корпуса к двигателям МБ-20. В третьем ряду, повыше Сережи, при галстукке – начальник цеха Арон Раев, всегда суровый и неприступный. Рассказывали, однако, что там, на выезде, он лучше всех работал, вместе со всеми плясал и пел песни. Впереди всей группы картинно полулежат Иосиф Эскин и Миша Семьянов, фронтовик, списанный из армии по ранению.

Потом их всех, кто есть на этом снимке и кого нет, назовут тружениками тыла. Они будто знали, что снимаются для истории, сумели навести красоту, девушки нарвали цветов.

В парке имени Жукова памятью о той, самой страшной войне стоят танки, пушки, самолеты. Лет пять назад здесь установили скульптурную композицию работы Алексея Хмелевского «Труженики тыла». Что поставили в парке имени полководца-победителя – закономерно. Ведь именно ему, Георгию Жукову, принадлежат слова: «Тыл – это половина победы. И даже больше...»

Памятник монументален, в его фигурах угадывается мужество, воля, несгибаемость. Может быть, это и правильно, что в памяти потомков они останутся такими – суровыми и героически недоступными. Но почему же, созерцая этот, безусловно, интересный памятник, моя душа не приходит в движение? Может, потому, что я знал их в лицо и видел их не такими, видел их обычными пацанами, пацанками, женщинами-солдатками, силою обстоятельств поставленными в условия, когда от них зависела судьба страны? Вот

разве третья фигура композиции, подросток с голубьями... Кого он мне напоминает? Может, братьев Адаевых – Женю и Мишку, неугомонных наших слесарят?

...Ночная смена перевалила на вторую половину, веки наливаются свинцом, неудержимо хочется спать. Зажав в тиски прямоугольные стальные брусочки – полюса будущего электромотора, Адаевы вручную крутят воротки, нарезают резьбу. А гора этих деталей возле станка Лины Чушель все растет. Успеют ли слесарята обработать их до конца смены, если воротки сами вываливаются из усталых рук? Но вот, смотришь, слесарята оставили свою нудную работу, сорвались с мест, затеяли такую возню, как бывало, в школе, вылетая из дверей класса после звонка! Заулыбались девчонки, сонливость как рукой сняло. А наш все понимающий мастер нашел заделье и ушел в другой конец цеха. Утром Маша Розенко, контролер ОТК, стучит молотком, ставит на деталях свое клеймо. Корпуса, уже с привинченными внутри полюсами, уносят на обмоточный участок. Женщины-обмотчицы, что придут в цех утром, уложат в них километры разноцветных проводов. А к вечеру военпред, офицер с погонами майора, будет подписывать бумаги, принимая готовые моторы.

Жени и Миши Адаевых, наших неугомонных слесарят, уже нет в живых. Нет и Михаила Семьянова, и Иосифа Эскина, и Ани Раковой, и Сережи Червова...

Лина Чушель после войны вернулась в Харьков. У нее хорошая семья, внуки. Пишет, что была в Кемерове: «Кругом все обошла, города не узнала. Ходила в универмаг, где мы работали, и на стадион, куда в перерыве бегали кататься на коньках. Жить было очень тяжело, снимали угол у хозяйки. Молодость не была веселой, но духом не падали. Я занималась бегом, участвовала в спартакиадах, а также ходила на курсы снайперов. Но

на фронт меня не взяли, так как мой отец был из поляков...»

Перебираю старые письма... Маша Яблокова – добрейшей души человек, какая бы неприятность у кого ни случилась, уж она найдет слова утешения, и не оставит его, пока не почувствует, что у человека немного полегчало на душе. Она живет теперь аж в Карпатах, в Западной Украине. У нее другая фамилия – Рябкова, другие заботы. Но в письме, полученном от нее в декабре 1999-го, она сокрушается, что не может приехать на день рождения Николая Ивановича: «...ему, наверно, будет девяносто!».

Я тогда, поздравляя Николая Ивановича Дзяделя, в прямом смысле «от имени и по поручению» сказал ему: «Ваша хата никогда не была с краю. Вы всегда отвечали за все. В том числе и за наше поколение, которое входило в жизнь в сороковые-роковые. Вы были для нас умным наставником, примером для подражания и добрым старшим другом на всю оставшуюся жизнь».

Николай Иванович, дожив до девяноста, умрет в двухтысячном году. И проводить его из той, военного времени, команды придут лишь двое – Маша Розенко и я...

Перебираю старые письма... Мария Филяева, сверловщица, а к концу войны – сменный мастер, пишет из Калининграда: «Получила твое письмо с сообщением о смерти Николая Ивановича Дзяделя. Жаль, очень жаль. Порядочный, честный, умный наш наставник. У меня пронеслось в голове все-все... По особому распоряжению ГКО его вместе с другими мастерами ночью на маленьком самолетике вывезли через фронт из блокадного Ленинграда. Помню, как он прибыл в цех, худой, изможденный, в синей сатиновой косоворотке. Так и проработал в ней все годы. Когда он только успевал ее стирать?» Далее в письме Маша Филяева (теперь она Гусева) переживает за внука,

курсанта мореходки: «Живем в ожидании от него вестей. Он находится в кругосветном плавании на паруснике «Крузенштерн». А у нас душа болит, ведь парусник небольшой, а там – три океана...»

Жизнь рассеяла по стране бывших токарей, сверловщиц, фрезеровщиков, слесарей... Вот уж и внуки учатся летать. С распадом СССР многие, того не желая, оказались за границей. Но Кемерово для них, как первая любовь. В послевоенные годы все, кто мог, хотя бы по разу побывали здесь. И, конечно же, каждый зашел в наш старый, добрый, но совершенно неузнаваемый универмаг.

Признаться, и я не часто заходил сюда. Как большинство пенсионерского нашего народа, в магазины я хожу, чтобы купить самое необходимое. А мое «самое необходимое» продается в магазинах попроще. И все-таки, изредка бывая здесь, я с интересом отмечал происходящие перемены. Начать с того, что здание было надстроено и расширено. Появилась роскошная мраморная лестница. Теперь не два, а четыре торговых этажа. Залы замкнуты в удобные для посетителей квадраты. А в залах...

Как тут не вспомнить Париж, в котором довелось побывать в ходе круиза вокруг Европы в семидесятых годах прошлого века! Крылатая фраза «Увидеть Париж и умереть!» не показалась мне излишне восторженной. Париж – город удивительной притягательности! Но здесь я хочу привести лишь несколько строк из моего путевого дневника.

«..Побывали в парижских магазинах. Что касается меня, прошедшего не одну политическую комиссию при райкоме, решавшую пустить меня за рубеж или не пускать, я сумел сохранить, как мне кажется, достоинство советского человека при виде их буржуазного изобилия. Но каково было смотреть на женщин из нашей группы, на мою жену! Они немели от одного только вида витрин,

полных самых обольстительных товаров. А как все оформлено, как подсвечено, какая потрясающая приветливость продавщиц!» Кто помнит, как выглядели полки наших магазинов той поры, поймет меня.

Нынче на дворе другие времена. Нынче нет нужды ехать за покупками за границу.

«В ЦУМе есть все», – утверждает генеральный директор ОАО «Кемеровский ЦУМ» И. Л. Сельская. Эти ее слова я прочел в роскошном рекламном журнале «Дорогое удовольствие». Думал, журнал из Парижа. Оказалось, он издается в Кемерове.

С Ириной Леонтьевной Сельской познакомился позднее. Был приятно удивлен, встретив в нашей торговой сфере специалиста столь высокого класса. Давно уже – кемеровчанка, замужем, мать троих сыновей. Окончила наш Кемеровский торгово-экономический университет. Работала продавщицей и продолжала учиться. Поступила в Академию народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, получила квалификацию «Мастер делового администрирования». Мало того, поехала в Швейцарию, защитилась в тамошней Школе бизнеса, подтвердила степень магистра администрирования бизнеса. Знакомство с Ириной Леонтьевной было коротким, но, как мне показалось, она не из тех руководящих дам, излучающих величие того места, на которое поставлена. Приятной внешности, молодо выглядящая, хрупкая, быстрая. Назвать ее по-теперешнему работодательницей язык не поворачивается. Работодатель в моем представлении – это некая функция, не имеющая души: я тебе плачу – ты работаешь. Ты мне не угодил – я выставлю тебя за дверь. Ирина Сельская считает по-другому: «Обученный персонал – это основной капитал компании». А капитал, как известно, транжируют только недалекие люди.

Я ищу параллели с тем, советского образца, коллективом, с которым начинал трудовую жизнь в далекие сороковые, дух которого, как я полагаю, и сегодня витает в этих стенах.

В довоенной школе не было производственного обучения. На заводы приходила молодежь, не имеющая никакого понятия о заводских профессиях. Наспех, в цехе, усваивали какие-то приемы обращения со станками. Потом, в процессе производства, постигали основы профессии, становились частью рабочего коллектива, принявшего на себя невероятную нагрузку, и справились с ней. С одной лишь обязательной оговоркой: справились, разделив ее со всем народом страны.

Руководство цеха, руководство завода могло бы, наверное, сказать о значимости возвращенного коллектива теми же словами: обученный персонал стал основным капиталом возрожденного завода. Потому и стремились всеми силами сохранить его. Время от времени то один, то другой токарь, слесарь, фрезеровщик приходил утром в кабинет Раева и клал на стол начальника цеха полученную вчера повестку из военкомата. Это означало лишь одно: вырос паренек, пришло его время с оружием в руках защищать Родину. Раев, приняв повестку, говорил всегда одну и ту же фразу: «Иди, работай». Иные парни обижались, пробовали настаивать. Но действовала дисциплина военного времени. Теперь я понимаю высшую справедливость принципа, которому было подчинено все: прежде думай о Родине, потом о себе. Какой из тебя получится воин – еще неизвестно, но то, что ты квалифицированный рабочий – реальность, значит, твой долг способствовать победе своим трудом.

«Обученный персонал – основной капитал компании», – утверждает Ирина Сельская. И это не пустые слова, обучение здесь –

процесс непрерывный. Только так можно не отстать от времени. Высший персонал компании обучается в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Среднее звено окончило либо обучается в профессиональных вузах. И все они в обязательном порядке передают свои знания младшему персоналу. В каждом отделе дважды в месяц проводятся семинары, где рассматриваются тонкости обращения с покупателем, знакомятся со вновь поступившими товарами. Делается это со всей возможной наглядностью. Берется конкретная вещь, анализируются ее качества, обсуждается, как ее показать, как заинтересовать покупателя, как продать.

Требовательность к персоналу не исключает заботы о нем. Естественно, что всякий здесь работающий пользуется полным пакетом социальных услуг. Кроме того, например, питание в собственной столовой предоставляется с пятидесятипроцентной скидкой. В экстремальных ситуациях оказывается индивидуальная действенная помощь. Несмотря на кризис, в ЦУМе не был сокращен ни один человек. Выйдя на пенсию, ветераны получают от компании по 600 рублей добавки к пенсии ежемесячно.

В ЦУМе есть все. Даже свой гастроном. Причем часть популярных продовольственных товаров – собственного производства цумовского общепита. Управляющая делами ЦУМа Лидия Ивановна Грибкова, что знакомит меня с универмагом, подчеркивает:

– Мы предлагаем покупателям только качественные товары. Если это одежда, то самая модная, если продукты, то качество их проверено в лабораториях. Готовые блюда в нашем общепите – суп и чай – приготовлены не на водопроводной, а на бутилированной воде. У нас не бывает рекламаций. Зато полно благодарственных отзывов наших клиентов.

Это действительно так, я читал эти отзывы, и, признаться, мне было приятно, что нынешние хозяева Дома, который когда-то послужил стартовой площадкой для многих еще неоперившихся молодых людей начала сороковых годов, – люди настоящие, умеющие ценить свой и чужой труд.

В Кемерове сегодня множество магазинов и магазинчиков. Есть суперсовременные громады, есть небольшие, со своей специализацией. Но такой компактный, с таким широким ассортиментом, с такой культурой обслуживания – один. Тот, что в Центре. Это самое старое в городе торговое здание, имеющее свою замечательную историю. В трудное для страны военное лихолетье это здание сыграло неоценимую роль, предоставив свою крышу под самое необходимое тогда – военное производство. И жаль, что эта сторона истории магазина фактически неизвестна большинству нынешних кемеровчан.

Я размышлял, что среди мероприятий по программе подготовки к 65-летней годовщине нашей Великой Победы будет и такое: в один прекрасный день посетители ЦУМа станут свидетелями неброского, но примечательного события. На площадке лестницы – не той, мраморной, которой пользуется большинство клиентов, а старой, довоенной, в обстановке, приличествующей случаю торжественности, будет открыта мемориальная доска. На ней будут выбиты такие слова:

«Здесь, на втором этаже Кемеровского универмага, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) работал цех № 3 завода «Кузбассэлектромотор», выпускавший электродвигатели для танков Т-34 и КВ».

Руководство ОАО «Кемеровский ЦУМ» приняло эту идею с пониманием. На площадке старой лестницы в стенах уже выбиты ниши для будущих ЗНАКОВ ПАМЯТИ.

Товарищи по камере

В замечательной сказке Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» царь говорит Федоту: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...» Нечто подобное стрелцу, получившему такой приказ, должен был испытывать и человек, назначенный директором студии телевидения за месяц до начала пробных передач. Надо было набирать специалистов. Что таких специалистов не было, Павел Данилович Лазько знал. Хуже было, что не знал он, какими качествами, какими талантами должны были обладать будущие его работники.

Один из первых двух телевизионных операторов, работавших на пробных передачах, Юрий Иванович Командиров рассказывал мне: «До армии я увлекался радиолюбительством. После армии устроился в ДОСААФ. В марте 1958 года меня зовут к телефону: «С вами говорит директор студии телевидения Лазько. Нам нужны телевизионные операторы. Я приглашаю вас». – «А что это такое – телевизионный оператор?» – спрашиваю. «Да я и сам еще не знаю. Но... разберёмся».

Профессия телевизионного оператора родилась вместе с развитием техники, с появлением самого телевидения. В 50-е годы, в период широкого, и я бы даже сказал, обвального распространения по стране телевидения потребовалось огромное количество новых специалистов – телережиссёров, операторов, техников-электронщиков. Тех, кто успел приобрести кое-какой опыт работы в новом средстве массовой информации, только что открывшиеся студии переманивали друг у друга правдами и неправдами. Не осталась в стороне от такой охоты за специалистами и Кемеровская студия. Однако надо отдать должное кемеровским телевизионным начальникам, основной кадровый костяк был набран на месте. Юрий

Командиров, Виктор Воронов – бывший кинемеханик, Александр Сеницын – флотский радист, Валерий Дунаев – звукооператор с областного радио, Владимир Чапайкин – начинающий газетчик из Тувы, Борис Черногубов – фотолюбитель... Были здесь и молодые, только что оставившие школу, как Вадим Литвинов, Виктор Пятикопеечный, были и люди, имевшие уже жизненный опыт, как Юрий Аникин, успевший поработать на первой в Сибири Томской студии телевидения, как Адольф Бялоус из Читы. Объединяло их, пожалуй, только одно – зуд творчества, жажда прикоснуться к новому, неизведанному. Это свойство роднило их, позволило в дальнейшем сплотиться в один монолитный творческий, сугубо мужской коллектив.

Заметим, кстати, если дикторами ТВ изначально мыслились только женщины – разумеется, молодые и обаятельные, то и в операторы брали только мужчин. Да и какая женщина могла бы управиться с ней, с кормилицей, если вес её вместе со штативом составлял 150 килограммов? Это только здоровяк борцовского вида Адольф Бялоус мог наклонить камеру всем её весом так, чтобы взять нужный ему план в немыслимом ракурсе.

За прошедшие полвека в операторской группе Кемеровского ТВ перебивало не менее сорока человек, и не было среди них ни одной женщины. Хотя с камерой сейчас справится и подросток, но так сложилась традиция.

● **Товарищи по камере. Первый ряд: В. А. Дунаев, А. В. Сеницын, Н. Д. Щетинкин, А. М. Бялоус, Ю. П. Аникин, В. Грязнов. Второй ряд: В. Ф. Чапайкин, А. Г. Белов, В. И. Пятикопеечный, А. Н. Зиновьев**

Давайте мысленно перенесёмся в 60–70-е годы и глубокой ночью войдем в большой, трехсотметровый студийный павильон. Вы думаете, нас встретит там темнота и безмолвие? Отнюдь! В полный накал сияют осветительные приборы. В одной из декорационных выгородок актёры играют очередную сцену. Третью ночь идёт съёмка телевизионного спектакля по последней пьесе чешского писателя Карела Чапека «Мать». Режиссёр Николай Ставцев, художник Рудольф Желиховский, телеоператоры Синицын, Бялоус, Дунаев.

Почему же ночью? А потому что студия одна. Днём и вечером в ней идут репетиции, передачи. Да и актёры днём и вечером заняты в театре. Более подходящего времени, чем ночь, не сыщешь.

Кое-кто из актёров, не занятых в сцене, дремлет, прикорнув на стуле в неосвещенной до поры декорации. У режиссёра, у операторов, у всей съёмочной бригады, если не считать Толю-кабельмейстера, такой возможности нет. Но и Толина сонливость обманчива. Он хотя и застыл в неподвижной полудрёме, словно лошадь, привыкшая спать стоя, бдительности не теряет. Работа его проста, но в общей слаженности действий бригады важна. Оператор, маневрируя камерой, не должен почувствовать тяжести волочащегося за ней толстого кабеля. Толя и обязан подтягивать его, заранее угадывая намерения своего оператора.

Человека, впервые попавшего на телевизионную съёмку, поражает обычно то, что павильон может быть полон народу, полон движения, но всё делается бесшумно, как в немом кино. Бесшумно передвигаются камеры, микрофонные журавли, включаются и выключаются прожектора, переносятся кабели. Здесь что важно? Участники тем успешнее справятся со своей задачей, чем лучше они научились понимать друг дру-

га. Микрофон включен, переговариваться нельзя: только жест, только взгляд. Операторы, микрофончики, помрежи – все в наушниках. Связь с режиссёром – в одну сторону. Ты его слышишь, но ответить можешь только действием. Сейчас, в процессе съёмки, оператор – первое лицо. Он глаза и руки режиссёра.

В отличие от кино, особенностью телевидения является сиюминутный монтаж. Работают сразу три, а то и четыре камеры. Операторы, согласно намеченному плану, передвигают их, меняют оптику, готовят «картинки» – каждый свою. Режиссёр поочередным включением камер посылает в эфир то общий план сцены, то укрупняет отдельного исполнителя, а то – деталь, скажем, дрожащую руку с папиросой, подчеркивая напряженность диалога героев.

Потом участник съёмки телевизионного спектакля «Мать» Валерий Дунаев скажет: «К концу третьей ночи мы валились с ног». Правда, вслед за этим тут же добавит, счастливо улыбаясь: «Но, господи! Какой восторг потом всё это видеть в эфире!»

Возможно, это прозвучит банально, но чтобы подчеркнуть ярко выраженную слаженность работы съёмочной бригады, мне приходит в голову лишь сравнение с маленьким, но сыгранным оркестром.

В силу исторических обстоятельств развития телевидения в огромной нашей стране (передачи Центрального телевидения первоначально могли смотреть лишь жители стокилометровой округи Москвы), местные студии развивались и работали совершенно самостоятельно. Молодым творческим коллективам приходилось решать множество задач, связанных с необходимостью удовлетворять информационные и эстетические потребности всех возрастных и всех социальных групп населения города и области.

И это им удавалось.

Тогда было принято ценить и прославлять труд простого человека – рабочего, бригадира, тракториста, доярки. Телезрители региона благодаря местным передачам знали, чем богат их край, как работают шахты, заводы, что выпускает местная промышленность. Знали, чем знаменит их город, район.

И не только это. Не проходило недели, чтобы на домашних экранах не показали спектакль одного из местных театров, концерт заезжей знаменитости. Не были редкостью выступления самодеятельных артистов из любого уголка области. Народ знал в лицо своих талантливых земляков. И это удовлетворяло не только эстетическую потребность зрителей, но и, если хотите, имело немалое социальное значение.

Устанавливался некий баланс столичных и местных творческих сил. Происходило взаимопроникновение культур. Телевидение служило объединению многонационального населения страны.

Работая на самых разных передачах – от информационных выпусков до оперы, телеоператоры росли быстро. Это была профессиональная школа, где все чувствовали себя творцами.

Если сравнить телевизионную технику сегодняшнего дня с той, на которой работали первопроходцы, будет небо и земля, иначе не скажешь. Всего лишь один пример. Сегодня трансфокатор – так называют объектив, позволяющий плавно менять крупность показываемого объекта от общего плана до крупного и наоборот, – настолько привычен, что даже трудно представить, как обходились без него.

В распоряжении сегодняшнего режиссёра пульт, на котором куча всяких чудес. Иногда спецэффекты даже раздражают, если тот, кто пользуется ими, теряет чувство меры.

Тогда же излишняя статичность телевизионной «картинки» побуждала режиссёров, телеоператоров придумывать всякие самоделки. Популярный герой нынешнего экрана Андрей Александрович Бахметьев позавидовал бы, увидев хитроумные приспособления провинциальных изобретателей. Благодаря их коллективному и вдохновенному творчеству, в арсенале технических возможностей нашей студии появлялись всякие «хромоскопы», «болоскопы», сварная рама, на которой под всякими углами можно было крепить зеркала, кюветы с водой, позволявшие получать много разных эффектов. Дунаев с Зиновьевым в 1988 году возили это чудо «очумелой мысли» на 2-й операторский семинар в Читу и, надо сказать, произвели впечатление на своих коллег от Урала до Сахалина.

Когда в 80-х работали над серией передач «Молодецкие игры», а они проводились в сельских районах, иногда, что называется, в чистом поле, сталкивались с неразрешимой, казалось, проблемой. Объектов съёмки много, а камер на передвижной станции четыре. Как ни комбинируй, охватить все съёмочные площадки не получалось. Тогда ведущий оператор на «Играх» В. Дунаев предложил особой конструкции... санки. По его чертежу их изготовили в Мариинске. На заснеженном берегу реки Яя, вблизи райцентра, на санки установили одну из камер. Появилась возможность сравнительно легко передвигаться от объекта к объекту.

Рассказывали, что, увидев программу в эфире, К. Кошелева, один из опытейших наших режиссёров, удивилась: «Не могу понять, откуда у них взялись семь камер?»

В крупных программных телевизионных центрах существует специализация. Одни работают над постановочными передачами, другие – на репортажах со спортивных ме-

роприятий... Местные телестудии в силу малочисленности своего кадрового состава – и операторов в том числе – вынуждены работать, что называется, во всех жанрах. Такая универсальность являлась одновременно и недостатком, и преимуществом.

Когда в Москве или других крупных городах проводились международные массовые мероприятия, в первую очередь возникала дополнительная потребность в телеоператорах. И московские организаторы предпочитали обращаться за помощью к местным студиям. наших операторов там знали и никогда не обходили. Они участвовали в проведении двух международных турниров по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия» (1978 и 1981 годы), Кубка СССР по художественной гимнастике в Томске (1974 год), на XXII Олимпийских играх в Москве (1980 год), на международных соревнованиях «Дружба-84»... Всего не перечислишь. Так, на Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года поехали сразу шестеро: Ю. Аникин, А. Синицын, В. Дунаев, В. Чапайкин, Н. Щетинкин и А. Зиновьев – половина всего списочного состава телеоператоров Кемеровской студии и её Новокузнецкого филиала.

И это устраивало всех: наши ребята приобретали бесценный опыт работы над задачами международного уровня, москвичи в их лице находили достаточно подготовленных работников в нужном им виде искусства или спорта.

Владимир Чапайкин, работавший на Всемирном фестивале, рассказывает:

– В Москву мы приехали в специально пошитых костюмах. При знакомстве, на перекличке, надо было назвать партийность, образование и творческую категорию. Все наши ребята были с высшим образованием, и все, кроме Саши Зиновьева, имели высшую телеоператорскую категорию,

присваиваемую Москвой. Председатель Гостелерадио С. Лапин заявил: «Вы – наш золотой фонд!»

Между прочим, своё высшее образование наши операторы получили все сразу и так же дружно, как работали. В этом им помог весьма кстати открывшийся в Кемерове институт культуры (теперь академия культуры и искусств), где В. А. Цукров, бывший наш работник, кандидат наук, организовал кафедру кинофотомастерства.

В 1986 году в Красноярске проходила зимняя Спартакиада народов СССР. Туда вызвали нашу передвижку (ПТС) и группу операторов. Поехали Дунаев, Зиновьев, Беллов, Бондарев. Вернувшись домой, с удовольствием рассказывали о перипетиях интересной работы:

– Прыжки с трамплина... За режиссёрским пультом Раиса Панина, лучший спортивный режиссёр Союза. Перед началом работы смотрим: Саша Зиновьев куда-то смотался. Притащил разлапистую ветку. Привязал её к колу, кол воткнул в снег перед своей телекамерой. Дал «картинку» на пульт режиссёра. Раиса увидела, аж руками всплеснула: «Это же – валютный план!» В кадре – на первом плане присыпанная снежком еловая ветка, на втором, на фоне гор, два лыжных трамплина. Красота, сибирская экзотика!

Экзотикой на Кемеровской студии одно время был грузин Цезарь Бердзинадзе. О нём тоже при случае любили вспоминать операторы. Как он попал в Кемерово, уже забылось. Но однажды молодой жгучий брюнет пришел на студию, попросился в операторскую группу. А в те годы претендента на должность оператора выбирал не директор, не кадровик. Его отправили к операторам, за ними было решающее слово. Почти совсем не говоривший по-русски, ничего не умевший, он имел мало шансов быть приня-

тым. К удивлению директора Д. И. Култаева, операторы сказали: надо брать. Всё решил характер представителя кавказской национальности. Операторы рассудили так: то, что ничего не умеет, не беда – научим. Главное, что есть у него огонь, темперамент, остальное нарастёт.

Четыре года проработал Цезарь на Кемеровской студии. Потом уехал в Тбилиси. Без проблем устроился на республиканскую студию телевидения. Этому ему показалось мало. Поехал в Москву. Наши ребята видели его потом в составе самой сильной на ЦТ операторской бригады Славы Ефимова, работавшей в главной редакции литературно-драматических программ.

Мне как телевизионному режиссёру нравилось работать с Валерием Дунаевым, талантливым оператором, интересно мыслящим человеком. Мы и сегодня с ним дружим. Мне довелось посмотреть его записи, похожие на заповеди.

– Операторский коллектив: обязательность, командность.

– Прямой эфир – верх концентрации и самоотдачи. Смена ситуаций – в долю секунды. И столько же тебе дано на выбор кадра.

– Физические силы, выносливость, выдержка – по несколько часов на ногах, на жаре или морозе.

И тут же:

– Тактичность, образованность, вкус. Контакт с гостем студии. Каков ты, таково и его настроение, таков тонус самой передачи.

– Можно показать событие протокольно – всё будет ясно и понятно. А можно сделать шоу, праздник для телезрителя.

Учась в институте культуры, Дунаев поставил два телевизионных спектакля. Мог бы претендовать на должность режиссёра. Но кто сказал, что работа оператора менее творческая? Кто не позавидует ему, зная, что

по роду профессии он имеет возможность ежедневно общаться, дышать одним воздухом со столькими значительными, яркими, выдающимися людьми! Народные артисты, известные политики, космонавты...

Дунаев всю жизнь боялся превратиться в камермэна, то есть человека при камере.

А Володя Чапайкин? Работал в газете, мог бы стать известным журналистом. Музыкант. Фотомастер. Но не мог найти для этой публикации своего фотопортрета. Всю жизнь снимал других.

Таковы же были и их добрые товарищи. Были... Большинства первопроходцев, положивших начало новой профессии – телевизионного оператора, уже нет в живых. Мне не хочется заканчивать своё воспоминание на столь печальной ноте.

Расстанемся с ними в их весёлую минуту.

Наши операторы любили быструю езду, чтобы ветер в лицо! И потому иные из них были заядлыми мотолюбителями. В летние дни свободные от репетиций и передач ребята, оседлав свои мотоциклы и мотороллеры, могли махнуть куда-нибудь «на природу». Живописных мест в наших местах – что вверх по Томи, что вниз – предостаточно. Разбивали лагерь, заготавливали дрова, ловили рыбу. Но за «накрытую поляну» садиться не спешили. Телевидение работало тогда уже ежедневно, однако видеозаписи еще не было, а живой эфир заканчивался близко к полуночи. Те, кто сегодня работал на программе, могли подъехать только часам к двенадцати. Уха была готова, её аромат способен был свести с ума. Но... мужская дружба – превыше всего.

Зато, когда вокруг «поляны» замыкался наконец товарищеский круг, до рассвета не смолкала беседа у костра. Говорили и спорили больше о работе, об экранных удачах и неудачах, словом, о том, чем жили и чем были счастливы.

- Дом строится. У камеры В. Дунаев
- 1969 год. Космонавт Борис Волынов, наш земляк-прокопчанин, на Кемеровской студии телевидения

Юрий ЗЮЗЬКОВ,
почетный архитектор России

ЛЮБИМОЙ ПЛОЩАДИ ЧЕРТЫ

Формирование города – его левобережной части – началось с реализации проекта сад-город по плану П. А. Парамонова. Но застройка небольшими кварталами с деревянными жилыми домами и огородными участками в начале 30-х годов была заменена застройкой более крупными кварталами и бараками; затем появились кварталы социалистического города уже по проекту Э. Мая. Это случилось в послевоенное время, в 1947–1948 годах. Одноэтажный городсад в своем первом генеральном плане имел уже структуру, характерную для современного города. Основные магистрали сохранены, мелкие неблагоустроенные улицы исчезали, а крупные направления разрабатывались и застраивались несколько десятилетий.

Самое удобное место на живописном изгибе реки Томи ниже впадения в нее притока Искитимки – Притомский участок, стало застраиваться в 20-х годах прошлого века вслед за пуском коксохимического завода. От завода начинается счет первых домов Советская улица, до сих пор не потерявшая значения главной улицы Центрального района и города. На Советской улице, позднее Советском проспекте, формировались главные культурные центры – клубы, театры, административные учреждения. К Советскому проспекту примыкал один из первых клубов города – клуб Нижней Колонии; он был снесен вместе с окружающими домами при строительстве Кемеровской ГРЭС в 30-х годах. Вблизи Советской улицы в 1927 году были построены Дворец труда и первая окружная больница (ныне горбольница

№ 3). Невдалеке, ближе к Томи, от Советской улицы построен первый банк, в честь которого улочка рядом была названа Банковской; позднее она переименована в улицу Кирова. У Дома кино «Москва» до 50-х годов действовала городская почта с телефонной станцией в двухэтажном деревянном здании. К улице Кирова примыкает городская сад – гордость индустриального города.

Вблизи Советской улицы построен новый универмаг – крупнейший в городе. Советская улица впервые в городе была замощена «каменным тычком», по ней впервые была проложена трамвайная линия. По Советскому проспекту строились первые жилые дома социалистического города в послевоенный период, второй крупнейший кинотеатр – ныне музыкальный театр имени Боброва, драмтеатр, главпочтамт, административное здание комбината «Кузбассуголь», административные здания областного центра: областной совет профсоюзов, обком КПСС – ныне областная администрация, Кемеровогорпроект Главкузбассстроя.

На возведении зданий Советского проспекта пробовали свою руку известные архитекторы Кемерово, Новосибирска, Москвы и Ленинграда.

Но настоящим шедевром в центре города является Притомский участок с его небольшой уютной и поэтичной площадью Пушкина. Формирование этого участка началось с разработки генеральной схемы планировки города, осуществленной в 1935–1936 годах бригадой Новосибирского Горстройпроект-

та под руководством инженера-архитектора И. И. Соколова-Добрева.

Родившиеся в России черты нового стиля – конструктивизма – в 20–30-х годах XX века дали новые образцы архитектуры в городах Сибири. Работа в этом стилевом направлении велась в Кузбассе, особенно в городе Кемерово. Но ко времени разработки генеральной схемы планировки города ценностные критерии по созданию новой среды коммунального обитания начали приобретать черты неоклассицизма, возникшего в начале XX века.

Выдающимся московским классиком нового стиля был Иван Жолтовский. Упадок модерна как стиля русской усадьбы совпал с усилением неоклассицизма в московских особняках. Что же касается жилой среды для Москвы, Петербурга и городов России, то довольно скоро в архитектуре как модерна, так и конструктивизма стилевые характеристики начали вытесняться этим по-новому подаваемым классицизмом, характерным для России в конце XVIII – начале XIX века.

В середине 30-х годов город Кемерово был еще провинциальным городом Западно-Сибирского края наряду с Ленинском, Анжеро-Судженском, Новокузнецком, Белово. При реализации генеральной схемы Новосибирского Горстройпроекта в 30-х годах уже появляются первые жилые дома неоклассического стиля на будущей площади Пушкина, с которых и началось ее формирование. Площадь Пушкина до начала 60-х годов играла роль главной площади города.

Автором проекта застройки Притомского участка был главный архитектор Кемпроекта Владимир Робертович Цабель. Застройка началась во второй половине 30-х годов. В. Р. Цабель – прекрасно образованный, опытный в архитектурном проектировании, мягкий, вежливый, тактичный – умело направлял энергию молодых архитекторов и проектировщиков Кемпроекта. Руководителем Кемеровской организации Союза архитекторов СССР был Анатолий Георгиевич Андронов. Он был пер-

вым председателем Кемеровской организации Союза архитекторов СССР, созданной в 1936 году, начальником строительного отдела и одновременно заместителем директора Кемпроекта по производственным вопросам. Строго следил А. Г. Андронов за передовыми направлениями в архитектуре, за профессиональной культурой работников Кемпроекта.

В середине 30-х годов в Кемпроект прибыло несколько молодых выпускников архитектурных вузов из Харькова, Новосибирска, Москвы, Ленинграда. Выпускники вузов, техникумов в те годы легко отрывались от своих альма-матер и ехали в далекую провинцию. Их хорошо принимали, им доверяли, и они как равные с местными архитекторами участвовали в проектно-монтажном процессе.

Вот что вспоминает Л. И. Донбай, прибывший в город Кемерово в июле 1934 года вместе со своим другом А. А. Полянским из города Харькова после окончания архитектурного факультета Харьковского строительного института:

– Когда я приступил к работе в Кемпроекте, в стадии рабочего проектирования находилось несколько объектов (жилых домов), которые сейчас являются основой застройки центра города. Архитектор Игорь Белоусович заканчивал проект жилого дома, что ныне стоит рядом с гостиницей «Томь». В то время мы увлекались уже всевозможным декором и убранством (*неоклассическим*. – Авт.), и поэтому этот дом показался мне в проекте несколько простоватым. Потом дом выстроили, и он считался одним из лучших жилых домов в городе по внешнему виду и по комфортабельной планировке квартир (*Л. Донбай. Кемпроект. Строим Кузбасс. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. С. 81–83*).

Два угловых жилых дома – по ул. Орджоникидзе, 1 (Притомская набережная, 13) и симметричного ему дома по улице Орджоникидзе, 5, выходящего вторым фасадом на улицу Арочную, – проектировал техник-архитектор из Москвы Н. Н. Текутов. Донбай пишет: «Он

приехал вместе с женой – оба красивые, молодые, веселые – приятная пара. Текутов был талантливым архитектором, это видно и по его проекту жилого дома. Здесь наблюдается тонкая проработка архитектурных деталей, проявление хорошего вкуса» (Там же. С. 82).

Петр Кушнарев, как и Л. Донбай и А. Полянский, прибыл в Кемерово после окончания архитектурного факультета Харьковского строительного института. Он проектировал жилой дом по улице Орджоникидзе, 3. Это дом с магазином в первом этаже. Пройдите вдоль его главного фасада, полюбуйте его деталями, пропорциями отдельных элементов. За семьдесят с лишним лет немного изменилось в его облике.

Наличие высоких парапетов-аттиков над крышей домов вдоль фасадных карнизов, выходящих на площадь, – это наследие конструктивизма, от которого не могли быстро отказаться молодые архитекторы. Деталей же неоклассицизма больше (сандрики над окнами, лопатки одиноких и спаренных колонн, арочные перемычки с наличниками и замковыми камнями, карнизы с сухариками, пояски и другие детали). Некоторую новизну и живость домам придают круглые слуховые окна в высоком парапете-аттике центральной западающей части фасада. По существу стилевое решение эклектично, но какая грамотная эклектика (!), как хорошо продумано, вписано в наш сибирский климат. Вместе с современным грамотным цветовым решением дом этот оставляет впечатление праздничной нарядности, выделяясь на фоне более скромных по решению фасадов домов № 1 и 5.

Построенные друг за другом в 1935–1939 годах, эти дома были первым шагом в формировании будущей площади. По оси улицы Орджоникидзе уже стояла гостиница «Томь» – ее первые два здания, что сейчас во дворе проектного института «Кузбассгипрошахт». Но уже тогда площадь становится главной площадью города.

Сразу после Великой Отечественной войны начинают проектировать и строить ряд зда-

ний западной стороны площади. Первым из мастеров архитектуры, принявшихся за проектирование площади в это время, был Леонид Касьянович Моисеенко. Участник войны, успевший получить высшее архитектурное образование в довоенное время (1940 год), он после ранения под Сталинградом оказался в кемеровском эвакогоспитале и, оправившись от тяжелого ранения, остался здесь работать. Первым его проектом было административное здание УВД на углу Советской улицы и улицы Орджоникидзе (ныне здание городской администрации). Потом Моисеенко разрабатывал жилые дома на площади Пушкина: дом с аркой и магазином «Мелодия» (сейчас это помещение занимает трактир «Жили-были») и жилой дом с булочной на первом этаже, угловой, выходящий вторым фасадом на улицу Островского (сейчас на первом этаже размещается бутик итальянской мебели).

Моисеенко был в это время директором Облпроекта и его творческим руководителем. Квалифицированных проектировщиков не хватало. Мастерская при главном архитекторе города не справлялась с выросшим объемом послевоенного проектирования. Главным архитектором и начальником мастерской был в это время Владимир Иванович Кривцов, и все работы по проектированию проходили через управление главного архитектора (УГА). Вновь организованный Облпроект свел обязанности главного архитектора к разрешительным функциям (отвод земельного участка, рассмотрение и утверждение фасадов благоустройства, регулирование развития инженерных сетей города). Градостроительный совет при главном архитекторе города рассматривал творческие вопросы.

Обычно автор разработки проекта готовил для Совета иллюстративный материал, который включал как решение фасадов, так и размещение объектов проектирования на отведенной площадке. Совет рассматривал, обсуждал и утверждал, давал автору проекта рекомендации по доработке или переработке.

Л. К. Моисеенко, будучи первым руководителем Облпроекта, приложил усилия, чтобы площадь имела неоклассическую трактовку. Случайно ли, интуитивно ли, по велению ли судьбы, а может быть, и по божьему промыслу рука зодчего вывела для продолжения улицы прочную трехчастную арку, почти такую же, через какую Пушкин с друзьями-лицеистами много раз проходил в Царскосельском лицее. Только в Царском селе под сводами арки никто бы не подумал проложить теплотрассу, а у нас арка украшена таким индустриальным «чудом».

До 1949 года площадь не имела своего названия. Вся застройка называлась Притомским участком. Но в канун 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина исполнительный комитет Кемеровского облсовета решением от 25 мая 1949 года принимает предложение областной комиссии по проведению юбилея о присвоении площади у Притомского участка имени А. С. Пушкина. Следует заметить, что в это время строящиеся дома западного фланга площади были еще огорожены забором, за которым отделялись фасады этих домов, а некоторые едва были видны из-за ограды, так как строились.

Если снова вернуться во времена Пушкина в Петербург, то нетрудно заметить, что в то время в России, в Петербурге и в Москве, в архитектуре господствовал классицизм. В послевоенной архитектуре 40-х – начала 50-х годов XX века наблюдался новый всплеск классицизма, вызванный торжеством победы в Великой Отечественной войне. Напомним, что еще в 30-х годах XX века неоклассицизм был основным стилевым архитектурным направлением не только в России, но и во многих союзных республиках СССР. Великая победа только усилила этот процесс.

Присмотревшись к длинному, изломанному в плане дому, фланкирующему площадь с западной и юго-западной стороны, можно заметить, что стильные детали фасадов несколько отличаются друг от друга. Дом составлен из четырех частей, имеющих разный

характер и разных авторов. Изломанный дом с аркой и угловой дом с мебельным бутиком – это авторская проработка Леонида Касьяновича Моисеенко. С южных торцов есть пристройки с авторской проработкой Петра Кушнарева (предположительно). Разная трактовка деталей не нарушает неоклассического образа дома в целом, и разбивка фасадов на мелкие детали соответствует трактовке членений площади и пешеходной части бульвара по улице Орджоникидзе.

Здание жилого дома с аптекой и магазином спортивной одежды архитектора Л. И. Донбая и двухэтажный детский сад (ныне учебное здание гимназии № 1) не только не нарушают ансамбль площади, но делают подход к ней более торжественным. Это достигается также более мелкими деталями многоколонного портика здания школы, ажурной его оградой, решеткой ограждения бульвара и иными деталями благоустройства.

Прекрасно, что в Кемерове есть такой район, такая площадь, где можно отдохнуть душой, где стихи слетают с уст, а простые слова обретают высокий смысл. Надо сохранить этот заповедный уголок, он наполнен вдохновением, мелодией пушкинских стихов. Поэт смотрит в сторону Томи, но на пути его взгляда стены крупного здания Кузбассгипрошахта – самой поздней постройки площади. Памятник установлен в 1954 году, здания тогда еще не было. На его месте был сквер. Только к концу 50-х годов Сибгипрошахт, размещавшийся в Новосибирске, решил, что иметь свой филиал в Кемерове дешевле, чем бесконечно ездить в командировки; шахты и разрезы были только в Кемеровской области. Силами Сибгипрошахта запроектировано здание филиала в Кемерове и постепенно создан проектный институт. Главный архитектор проекта здания Сергей Симонов из Новосибирска. В 1958 году здание начали проектировать. В 1961 году его сдали в эксплуатацию. Так завершилось формирование самой любимой площади города.

Хочется еще остановиться на личности автора памятника Пушкину. Матвей Генрихович Манизер – профессиональный скульптор. Знаком со скульптурой с детства – его отец преподавал рисунок в училище Штиглица в Петербурге. С восьми лет мальчик начал заниматься рисунком и лепкой в той же школе Штиглица под руководством известного скульптора академика М. А. Чижова. А за год до поступления в Академию художеств Матвей Манизер учится рисунку в личной мастерской профессора академии В. Е. Савинского. Уже поступив в Академию художеств, вечерами посещал Школу Общества поощрения художеств, где занимался в классе скульптуры.

Матвей Манизер, учась в Академии художеств, увлекался музыкой, профессионально играя на виолончели. Параллельно окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1914 год). Будучи уже скульптором и математиком, он в 1919 году в целях завершения музыкального образования поступил на старший курс консерватории и, окончив ее, два года выступал в профессиональных оркестрах в Павловске, Кронштадте, Петрозаводске, Пскове и других городах.

Математик, скульптор и музыкант – Матвей Манизер свое истинное призвание видел в скульптуре, которой занимался полвека. Он глубоко поверил в дело революции и полностью посвятил ему свое творчество.

В 1918 году, став членом Президиума Союза деятелей искусств, он встречается с Горьким, личность которого его поразила.

М. Г. Манизер создает скульптурный портрет А. М. Горького, с которого начинается его увлечение портретной скульптурой. Далее – образ В. И. Ленина. Ему он посвящает несколько работ, в том числе серию медалей, названную Ленинианой. Двенадцать медалей, отлитых в бронзе, по 500 штук каждая. Он создает памятник В. И. Ленину в Ульяновске (открыт в 1940 году), за что ему присуждена Государственная премия СССР в 1941 году. За скульптурную статую Зои Космоде-

мянской (1942 год) М. Г. Манизер также становится лауреатом Государственной премии СССР. За памятник И. П. Павлову в Рязани (открыт в 1949 году) он снова удостоен Государственной премии СССР.

Скульптора увлекает в загадочный мир великих личностей, и он создает незабываемые образы: Мичурина – для города Мичуринска, Кирова – в Петрозаводске, трижды Героя Советского Союза Покрышкина – в Новосибирске, Добролюбова, Щербакова, Дзержинского, Репина, генералов Советской Армии Илюшина, Еременко. Его увлек образ Д. Д. Шостаковича, и он создает его скульптурный портрет. Затем портреты Майи Плисецкой, Дмитрия Донского на Куликовом поле и другие произведения.

По-настоящему его захватил образ А. С. Пушкина. Он создает серию скульптур поэта. Созданные им скульптуры А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя установлены в интерьерах Малого театра. Величиной «в натуру», они предназначались для интерьера театра, но были так хороши, что их решили тиражировать. Фигуру А. С. Пушкина Манизер отлил в 1948 году, к 150-летию юбилею со дня рождения великого поэта (1949 год). В это время в Кемерове сложилась и площадь Пушкина. Руководители города пытались заказать к этой дате скульптуру поэта. Но интерьерная скульптура в масштабе 1:1 не совсем подходила для площади.

Понимал это и скульптор. Но у него были готовые формы многократной бронзовой отливки, и были готовые отлитые скульптуры. Разрабатывать новую модель было дорого и долго. Переводить произведение в другой масштаб – равносильно разработке новой скульптуры.

В ноябре 1954 года, в канун 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, под торжественные звуки Гимна Советского Союза опадает на гранитные ступени голубое покрывало. Взору собравшихся почитателей великого поэта предстала фигура А. С. Пушкина.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ

*редакционная статья в газете «Кузбасс»
от 10 ноября 1954 года*

К середине морозного ясного дня 6 ноября в центре города Кемерово, на площади Пушкина, обрамленной высокими празднично нарядными зданиями, собрались многочисленные почитатели величайшего русского поэта. Здесь – представители коллективов предприятий, учреждений, учебных заведений, люди самых различных профессий и специальностей, безгранично любящие бессмертную пушкинскую музу.

В 13 часов 30 минут начинается митинг, посвященный открытию в Кемерово памятника Александру Сергеевичу Пушкину, заложенного в день 150-летия со дня его рождения.

Митинг открывает председатель Кемеровского горисполкома тов. Шунько. Он говорит:

– Могучий талант Александра Сергеевича Пушкина высоко ценит наш советский народ и народы всего мира. Имя Пушкина является гордостью великой русской нации, с его именем неразрывно связано развитие выдающейся русской литературы.

Пушкин был пламенным русским патриотом, выразителем передовых идей своего времени, певцом свободы. Голос его во всей своей могучей силе слышен и в наши дни. Мы и сейчас обращаемся к нему, как к нашему современнику.

В канун 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции разрешите мне открыть памятник любимому поэту нашего народа Александру Сергеевичу Пушкину.

Под торжественные звуки Гимна Советского Союза спадает на гранитные ступени голубое покрывало. Перед взорами присутствующих на высоком постаменте в знакомой позе фигура Пушкина. Наверное, вот так же чуть склонив голову вперед, в привычном жесте поднимая руку, живой поэт произнес свои строки:

*...Здравствуй, племя,
младое, незнакомое...*

За шесть месяцев до своей смерти он писал:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...*

Дорога славы, любви и уважения ведет в наше время к А. С. Пушкину.

Об этом говорит на митинге преподаватель литературы областной партийной школы тов. Кыков.

– Затаив дыхание, слушает чудесные сказки Пушкина ребенок, еще не умеющий читать. Наизусть заучивает его дивные сти-

хотворения, чтобы помнить их всю жизнь, школьник. С благоговением перелистывает страницы пушкинского тома убеленный седую старец. Пушкин особенно дорог как поэт глубоко национальный, как горячий патриот в самом высоком смысле слова, как обличитель и враг самодержавия и крепостничества.

В 20-х годах прошлого столетия Пушкин выступал как поэтический вождь декабристов, открывших новую эру революционного освободительного движения русского народа.

Пушкин дорог нам как родоначальник русской реалистической литературы. Его творчество дало множество тем, образцов и приемов отображения действительности, которые получили дальнейшее развитие во всей русской литературе XIX и начала XX века. Пушкин – первый из русских писателей прислушался к народной речи и указал единственно правильный путь формирования и развития русского литературного языка, богатейшего языка на земле.

Пусть же этот памятник, на открытии которого мы присутствуем, будет служить символом безграничной любви и уважения трудящихся г. Кемерово к величайшему сыну русского народа.

– Звонкой и широкой песней Пушкин посылал свой голос в отдаленное будущее, – говорит ученица 10-го класса школы № 41 Лида Малючкова. – И мы, советские люди, можем с полным правом ответить: Здравствуй, Пушкин, родной и близкий!

– Мы любим Пушкина так же, как он любил народ, – сказал на митинге токарь-наладчик завода «Кузбассэлектромотор» тов. Шипицын. – Площадь Пушкина в центре нашего города, памятник поэту – это выражение любви сибиряков к Пушкину.

Пушкин пришел туда, где при его жизни была глухая каторжная Сибирь. Старая Си-

бирь ожила, проснулась и молодеет с каждым днем. Жизнь в Сибири стала яркой, многогранной. Растут города, возникают новые улицы и площади, новые дворцы.

– Произведения Пушкина, – напоминает собравшимся главный инженер азотно-тукового завода тов. Целым, – читаются на всех языках многонационального Советского Союза, во всех странах земного шара.

Мы, советские люди, чтим Пушкина прежде всего как великого патриота России. Он прославил высокий подвиг русского народа.

На митинге А. Косарь прочитал свое стихотворение, посвященное Пушкину, эпиграфом к которому взяты слова из пушкинского послания в Сибирь: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье».

*Труд наших предков не пропал,
Прошла кандалные остроги
К свободе первая тропа
И в нашу светлую дорогу
Влилась навечно.*

*Так река
Рождается из ручейка.
И там, у первого истока
Ручья, что мощной стал рекой,
В тот век безжалостно жестокий
Средь чащи рабства вековой
Родились пушкинские строки,*

*Чтобы сердца к свободе звать
И никогда не умирать.*

Тов. Шунько объявляет митинг закрытым. Звучит Гимн Советского Союза.

К подножию памятника Пушкину делегации школ, предприятий и учреждений возлагают цветы, венки.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА

А. С. ПУШКИНУ

6 НОЯБРЯ 1954 ГОДА

Владимир МИХЕЕВ

Город, который всегда со мной

У представлений о родном городе свой масштаб памяти и своя система координат: расстояния – в годах, а точки привязки – центры душевного притяжения.

«В город» – так говорили в родительском доме о вылазке в центр. На месте того заискитимского дома – радужная игровая площадка в центре Пионерского бульвара, а когда-то отец высек меня за то, что с соседским Юркой, тоже дошкольником, отважился «посмотреть город». Что же считалось центром шестьдесят лет назад, когда приехавшие из деревни родители сняли угол в избе на улице Мичурина? Во всяком случае, туда (район сегодняшнего бассейна), к собравшейся рожать матери, машина «скорой» не дошла по причине весенней распутицы. Не дошли до «скорой» и отец с матерью: бездорожье вернуло домой вчерашнего фронтовика и труженицу тыла. Так и «восприняли» меня, как старших сестренек, дома, только не на деревенской печи.

– ... Не гонял бы ты, Ванек, коровенку в стадо. Эвон крыша-то колосится, – приступает к отцу сосед, сворачивая самокрутку. Отец ухмыляется: наша засыпушка и впрямь как нестриженная в уличном ряду.

– А чо, Вань, вятские вправду на крышах пасут?

– У нас крыши тесовые, крутые. Леса вокруг, – окает отец. – Тут увидел, как полынь выше труб машет, – поясняет он, доставая свою шоферскую беломорину для неспешной беседы на пороге сеней. А соседки уже сидят кружком на уличной лужайке, разостлав на траве фуфайки. За спиной у каждой

опора – дочь. Тянется за вязаньем нить разговора, и редкий вечер женщины не запоют вполголоса. Созвучная послевоенному пригороду вечерняя тоналность.

Весной, ближе к лету, еще не раздетая в верховьях Томь вспухала таежной водой. Заречные «плавали». Не разбирая улиц и огородов, сновал освоцовский катер, снимая с крыш домочадцев с узлами. В безмолвии пойменного разлива тонул заводской гудок, таяли в небе, так и не став облаками, белые клубы коксохима, и венецианским миражом виделся отраженный в высокой воде ажурный подвесной Искитимский мост. А где-то там, на 4-й Заречной, на утонувшей в цвете черемух крыше, извлекает выгоду из бедственного местоположения своего дома отец Вадьки Якимова.

Вспоминая о той поре, Валентин Егорыч, словно вновь оседывая конёк, оживляется:

– Кто как, а я весь год наводнения жду. Лог затопит – в огороде рыбачу; вода к завалинке подбирается, – подполье чищу, два мешка комбикорма подвешиваю. Вот поднялась вода, рыба на прикорм в подполье идет. Там и жирует. Чуть на убыль пошло – не зевай: опускаю решетки на подпольные оконца. Готово! Рыбы всякой – знай соли. Год не рыбачу, соль запасаю.

Егорыч хитро глядит, как посмеиваются вокруг и верят.

Память выстраивает в колонну личный состав нашей 33-й школы. Все как один при лопатах-штыковках. Миновав областную больницу, краем огородов следуем на пустырь за водонапорной

башней. Занятая нами высота главенствует над городом. А над Суховским увалом в весеннем мареве космическим видением подрастает ажурная телевышка.

На занятой нами высоте командует Андрей Михайлович Лепский. В темно-синих галифе и стального цвета френче стелящейся походкой пластуна движется учитель ботаники по фронту наших рядов, и каждый третий шаг его армейских хромачей отмечает штыковой удар лопаты. Вспарывая дернину пустыря, окапываемся. Лунки под тополиные прутьки должны быть полного профиля.

...Случись начинать на пустом месте, браться за неподъемное, вижу: в четких шеренгах на три шага дистанции светлоствольный тополиный парад Комсомольского парка. Мои самые высокие деревья несут над городом зеленый ветер.

...Вновь в городе весна воды и света. Улицановостройка: деревянные мостки через оползающие траншеи, щебенка будущих мостовых – всё ведет к удивительно светлому, с иголочки кинотеатру. Но кто из тех, кто брал приступом «Космос», помнит о грязи и сапогах? До сих пор сочетание «кинотеатр «Космос» отзывается в памяти музыкальным фейерверком кинопремьеры «Человек-амфибия».

Годы идут, и жажду преобразований сменяет умиление при виде последних домиков на Пролетарской.

У Кемерова свой ритм. Даже приезжих подкупает парадная сдержанность Советского проспекта, его открытый, светлый, приветливый характер. Под стать и петербургская соразмерность главной площади. За ней, спускаясь сквером филармонии к плавательному бассейну, ловлю себя на том, что некогда на этом же уклоне под шагами пружинили плахи на чурбаках. Тот деревянный тротуар под окнами бревенчатых изб и кружевных особняков тянулся из Щегловска. Свой век тротуар доскрипывал под ногами студентов пединститута. Его учебный корпус вырос в начале 60-х на огородах за кряжистыми пятистенками,

став красной линией Советского проспекта. А вот фасад главного университетского корпуса по улице Красной красуется на месте высокого, глухого, забранного колючкой тесового забора тюрьмы.

Название улиц – вехи перемен. Асфальт, покрыв булыжник Магистральной, преобразил её в улицу Гагарина, которая, сменив березки липками, превратилась в проспект Ленина. А вот Дворцовая не стала той Дворцовой, что виделась строителям Дворца труда. Сегодня в её ряду три дома в «непрестижной» санитарной зоне.

Исконно кемеровское название: Весенняя! Когда и где бы ни услышал, ни вспомнил – пахнёт городской весной! А как вскипает яблоневым цветом Мичурина!

«Радуга» – подарок городу строителей-романтиков 60-х. От одного названия светлеешь. Оно, конечно же, достойное соседство с Красной Горкой, бревенчатый модерн которой под кроной светлых сосен, в это веришь, аукается в Лесной поляне не только красотой названий.

На этом фоне кварталу ФПК не повезло: в нем прописались самые глухие звуки.

Город – это ритм кварталов, площадей и улиц. От вокзала до «швейки» по Ленина все соразмерно пешеходу, все на расстоянии шага, взгляда. Здесь, в Соцгороде, за каждым домом свой дворик, за каждым поворотом иная перспектива улиц. От «швейки» и до Искитимского моста масштаб застройки под стать не шагу, а движению трамвая. До Волгоградской лучше катить экспрессом. Дальше, до «кольца» и по бульварам, – гнать на иномарке. Среди циклопов-девятиэтажек не до открытий. В машинном пространстве уже прижился метрополитенский горожанин с отсутствующим, мимо соседа взглядом.

Вот и распахнутое поймой Искитимки исконно кемеровское Правобережье заслонило Манхеттен.

Мой город все еще соотнесен с природой: в центре сосновый бор, за полчаса – в любой конец и каждый сезон кемеровчанин заново открывает букетик огоньков, первый пучок колбы, запах кедровой шишки.

А питающая воспоминания Томь настолько чиста, так светится галечным дном, что при первом свидании меня разочаровала сама Ангара. В Иркутске такой же остров, те же галечные берега, но куда им до Притомской набережной, до панорамы, которая, уверен, олицетворяет Сибирь.

Как ни банально, город – это люди. Для меня первый в ряду знатных земляков – выпускник нашей 33-й школы, первый абсолютный чемпион по высшему пилотажу Владимир Мартемьянов. Узнав о его громкой победе, мама не без гордости сказала: «Помню Володю как прилежного ученика».

Гордость нашего техникума – Герой Социалистического Труда Николай Михайлович Вдовин. Самый «геройский» из космонавтов Алексей Архипович Леонов. Со многими прославившимися Кузбасс людьми сводила жизнь, работа. Скромнейший из поэтов фронтовик Михаил Александрович Небогатов – бессменный наставник начинающих авторов в поэтическом клубе «Комсомолец Кузбасса»; старшие коллеги по газетному цеху Игорь Киселев, Геннадий Юров, Илья Ляхов. А чемпион России, легенда футбола Виталий Раздаев – герой моих публикаций!

Время предлагает новые «виды» на историю, на жизнь, в которых непременно есть «предвзятость» очевидца. Даже воспоминания о годах войны, былинно далеких и трудных, греют эту кемеровчанку человечностью отношений.

– Помню, как меня, молоденькую учительницу, испугала страшная перенаселенность бараков Новой колонии. Но это и помогало! Матери сутками на производстве, но дети не оставались без внимания. В многодетных семьях хозяйство вели старшие ребята.

За слезящимся окном минувшей сиротской зимы видится Саре Иосифовне Гершевич лютая стужа зим военных. Ее ученики прячут чернильницы-непроливашки под телогрейки: путь со второго участка старого Азота до 12-й школы неблизкий.

Город она помнит с 1928 года, когда отец пере-

вез семью из Томска в двухэтажный бревенчатый дом, чудом сохранившийся во дворике на Весенней. Во времена её детства поход в кино был праздником не меньшим, чем сама картина. Во Дворце труда кружки и детские студии вели первые мастера сцены. Живейшая связь поколений! Здесь пионерка освоила новейший аппарат «Фотокор», получила удостоверение кинодемонстратора. Припомнила, как в антракте поставленного на арене цирка «Собора Парижской Богоматери» пошла в оркестровую ложу (там, в «хоре монахов», был занят отец, инженер-геодезист) и за кулисами столкнулась с... Квазимодо.

– Я очень испугалась, даже лишилась чувств. Хотя, конечно, знала, что это загримированный Петр Григорьевич Китов-Крамов – актер, которого город боготворил.

На её журнальном столике букет.

– Это с юбилейного вечера 41-й гимназии. Подумать только: последние мои ученицы по возрасту давно пенсионерки! Среди них и профессора. Столько цветов, поздравлений, вручили медаль «За веру и добро».

Хозяйка включает торшер. Под абажуром воспоминания еще теплее, и довоенная неустроенность Кемерова видится глазами одного из тех устремленных в завтрашний день горожан, что и сегодня все примеряют на себя. Такой уж пережиток прошлого в их сознании.

Если погода и самочувствие счастливо совпадают, Сара Иосифовна с подругой идут на свидание с городом. В их горсаду еще нет тенистых аллей, лишь кустики «волчьей ягоды». Нет и набережной. По обрывистому берегу Томи безбилетницы взбирались в городской сад. Ладонь помнит влажную тряпочку (прихватывали из дому, чтобы стереть с рук глину). У киоска привидится мороженщица с поршнем (удобно все-таки – любую порцию отмерит на карманную мелочь), а у танцплощадки закружит голову воспоминанье о вальсе в натертых мелом парусиновых туфельках.

Новый Кузнецкий мост напомнит, как половодье унесло наведенные здесь понтоны.

– Солнечный день, музыка в горсаду. Пантон плывёт, и с него прыгает в реку цыганка. Плыла, словно цветок, вся в разноцветных юбках.

Не забыта и трагедия с молодым инженером, рискнувшим в ледоход переправиться в вагонетке канатной дороги. Парень замерз над рекой (на ночь энергию коксохимовской динамомшины отключили). Вышел строжайший запрет, и вся переправа велась по железнодорожному мосту на Правотомскую.

Все новое подталкивает воспоминания. Сплошной поток машин воскресил колонны, уходившие на вокзал, исчезнувшие улицы. Самая широкая улица вела к Дворцу труда. Её застроил КЭМЗ. Улицы нет даже на открытках довоенных лет. По мнению Сары Иосифовны, причиной – огромнейшая лужа, по которой «плавали в корытах и просто на досках».

– Думаю, с этой лужей на улице Сталина не могла тягаться даже гоголевская в Миргороде! Так что ни открытка, ни документ не осмелились её отразить.

Свет абажура мягко сближает годы, и все яснее: город молодеет не сполохом реклам, а воплощением мечты таких вот кемеровчан.

Стена помнится грязно-кирпичной – классический задник проходного двора – мира серых подсобок, забитых подвальных дверей да забывших расти березок.

Сразу и не дошло, что за сенью березовой – не стена. Глаз боялся смигнуть виденье. Подхожу и с разинутым ртом любуюсь, ничего-таки не поняв. Теплый свет от стены распахнул старый двор. Мотыльки непрочитанных букв, неразгаданные пришельцы, передразнивают, веселят и вот-вот улетят.

У кудесника, стену писавшего, легкая рука: рядом с росписью старые арки повеселели. И впервые на площадь не спешил с проходного двора. Пушкин бы не обиделся на промедление.

Снимок Искитимского моста четкий, и увеличительное стекло помогает памяти приблизить детали. На гребне спуска громоздятся возы с сен-

ного склада. Склад за городом, там, где сегодня «Променад» и Диагностический центр. На переднем плане стеганка, сапоги, авоська и широкий шаг выдают деловую устремленность крепыша. А вокруг длиннополая неспешность пальто (век коротких «москвичек» еще впереди). Шляпки модниц на фоне платков, ботики – в толчее сапог и широких брючин.

Выделяется щеголь у парапета: белая рубашка, бостоновый костюм, пальто картинно накинуто на плечи и кепка запрокинута волною чуба. Только представить, чего стоил этот шик в пору весенней распутицы! Модник, конечно же, бросает вызов. Не людям, с которыми выстоял в пронесшемся военном лихолетье. Его форс – вызов неустройству заречных улиц, тонущих в колеях грязи. Он не позирует. Он перенес себя в другое время, в котором за Искитимкой не только улицы Сибирская с Гвардейской пригласят пройти по асфальту под вечерним освещением. На мосту фонарные столбы с фигурными подвесками ручнойковки. На ближнем дорожный знак «5 км» и тетрадные листки объявлений. О чем те строчки химического карандаша?

Солнце играет с полой водой, и, напоенная снегами ягуновских полей, бодается с бетонными быками Искитимка.

...До нее не дотянулся нож бульдозера, и здесь, в своем природном русле, течение успокаивается. Чуть ниже, в ивняке, угадываются старые тумбы подвесного моста, что соединял тротуар Советской улицы с заречными хлябями.

Митькина Ямка. Из пробитого солнцем утреннего тумана накатывает речка, проступает обрывистый берег, и черемуховый куст над глинистыми ступенями спуска глядится в заводь. Кружат пузыри с ближнего переката. Я поджимаю ноги. Жутковато даже на пузатой мазовской камере. Я еще не умею плавать, и тайна места, где, по слухам, утонул некий Митька, действует вернее, чем наказ далеко не заплывать.

Вся босоногая компания верила: Митькина Ямка — самое глубокое место Искитимки.

Почему, наткнувшись на выражение древних: «У каждого места есть свой гений», я вдруг ощутил себя на берегу Митькиной Ямки? Почему даже в теплом море не охватывала та страсть купальщика, которую испытал именно здесь, когда понял, что плыву? И почему именно тут было даровано то забытье, в котором паришь, повторяя выражи уходящего за кромку облака голубя?

Отсюда, с подрагивающей высоты грохочущего моста, русло едва различимо. Незамерзающая Искитимка кутается в туман, в морозный куржак ивняка, а в дымке лет глядится в реку так и не отцветший куст черемухи, по-мальчишески преданно храня неразгаданную тайну крохотной заводи.

Я так и не знаю глубину Митькиной Ямки. Негласный ли уговор поколений берег тайну, магия ли места не позволяла. Но заговоренное место из преданий детства живо.

Старый цирк – имя собственное. Помню его живое тепло. Города вокруг и больше, и солиднее, но цирков не имели. Томск, Новосибирск, Новокузнецк довольствовались летними шапито. Наш цирк был волшебным, он дарил чудеса первой елки, что на глазах росла из барабана, и праздник в празднике – мороженое зимой. Цирк и в последний день, верный себе, вспыхнул высоко и неугасимо ярко. Он приучил к чудесам: стоит лишь взять билет – поэму Геннадия Юрова о старом цирке – и, скрипнув ступенькой балкона, вновь вознесешься под купол неуходящих лет.

На почтовой фотооткрытке П. Мельникова площадь Пушкина. Самая середина 50-х, и площадь наполовину в клумбах.

По сути, перед памятником открывался сквер. И довольно поэтичный: беленькая оградка, березки, цветники, садовые скамейки... Налево, перед гастрономом, цветочный календарь и стройная деревянная трибуна. За ней, в парадном на углу, ГорЗАГС. Напротив, в доме с башенкой и аркой, – магазин «Динамо», в котором мне купили редкий по тем временам велосипед «Подросток».

А дальше, в перспективе улицы Орджоникид-

зе, вырисовывается площадь Советов: в лесах будущий совнархоз.

Стройка и здесь, на Пушкина. Справа, пристройкой к дому с аркой, возводится пятиэтажка, она оформит угол, а образно говоря, устье вливающейся в площадь улицы Островского (до середины 90-х здесь была булочная).

За беленым забором стройки растворный узел. Все, кроме кирпича, строители готовят здесь, на месте. Нет и крана – стены в лесах, и, стало быть, дом в полном смысле поднят руками.

Через десяток лет на клумбы площади легли подкрановые пути, сквер вывезли в отвал, отрыли котлован. С тех пор перспектива перед памятником, некогда обращенным к детской площадке, преобразилась, и лучезарное «Здравствуй, племя младое...» Александр Сергеевич адресует уже серому фасаду «Гипрошахта» (холодноватая фактура Петербурга предстала пред поэтом и у нас).

Впрочем, эта «черта времени» лишь подчеркивает лирический уют первой площади моего города. Во все времена площадь Пушкина – любимая площадь кемеровчан. Здесь, у подножия памятника, глаголом жгут сердца поэты. Но не только 6 июня зажигает площадь свечи и декламирует стихи. Именно здесь новое время означило свой приход пафосом мегафонных воззваний митингующих внуков славян.

Подвижниками родных мест выступают авторы краеведческого издания «Красная Горка». Подобного в России нет. Вот урок по ихтиофауне кемеровского учителя, лауреата конкурса «Педагогические таланты Кузбасса», отличника народного просвещения России, краеведа Леонида Соловьева. Оказывается, в водах Томи обитало 29 видов рыб. Только представить, что тихоокеанская и сибирская минога поднимались до Новокузнецка, а осетра ловили в Поломошном, что сырок доходил до Кемерова, а нельма имела промысловое значение по всей Томи! А вот его взгляд в будущее: «Загрязнение реки, если исчезнут его источники, постепенно ликвидируется. Томь при полной очистке поступающих в нее стоков смо-

жет за 10–15 лет вернуть себе славу чистой, «форелевой» реки».

В те дни история входила в повседневную жизнь Кемерово по графику. Вот и в поселках уже несуществующих шахт «Пионер» и «Ягуновская» царило праздничное настроение. Губернаторская программа «День шахтера-2005» вернула сюда полузабытое, выветренное беспамятством предыдущих лет, но такое молодое слово – пуск. Пускали капитально отремонтированные школы, медсанчасти, Дом культуры, мемориальные комплексы и даже стадион.

Семидесятилетний детский сад превратился в «Сказку». Как заметил губернатор, «проехав полмира, заявляю: показать этот дворец для 125 детишек поселка Пионер не стыдно и Европе». Из зала подвижных игр ребят не вытащишь: столько тренажеров! Ветераны собрались у мемориала павшим. Здесь новая плита тувинского гранита. На мраморных досках имена 94 земляков – итог работы юных следопытов поселка Пионер. Волнение стариков, улыбки молодых – к лицу любому пуску, вводу, окончанию стройки. Вот и слова губернатора не дань традиции – признание стремления жителей достойно обустроить свой поселок, который, казалось, онемел в сером безвременьи. И потому здесь каждый пуск – победа, праздник.

Неузнаваем Дом культуры поселка Ягуновского. Ему шестьдесят, и День шахтера он встречает в калейдоскопе клумб. В перспективе строгих аллей, стильных светильников и садовых диванов он стал стройнее, выше. В нем нашлось место молодежному центру, мини-кинотеатру, семейной библиотеке. С этого дня Дом культуры трёх поселков носит имя фронтовика, почетного шахтера, прославленного бригадира шахт «Пионер» и «Ягуновская», кавалера всех знаков «Шахтерская слава», орденосца Ивана Матвеевича Алисова. Зал встретил ветерана-земляка орденом.

Свершившийся в поселках День открытий позволил землякам сопережить и светлый праздник единения поколений и ощутить общие с Кузбасом преобразования.

Конечно, в этот день вовсю сияло солнце.

Таких подарков ждут, но к ним не привыкают. Даже отрететированная традиция открытия волнует, поскольку это радость. Финишная лента строительства дает старт! Улыбка губернатора, ликуют ребятишки, аплодисменты... В момент венчания Кузнецкого моста с рекой случилась тишина. Долгая пауза. Думается, людям на мосту явилось в ту минуту осознание подвига: мостостроители в два раза перекрыли мыслимые нормативы, весь год без выходных, не уходили даже в страшные морозы.

Ступив на новый Кузнецкий мост, кемеровчане ощутили: подарок городу под стать открывшейся с него сибирской панораме. Сорокаметровой взлетной полосой нацелен мост на высоченный берег. Оттуда, с высоты, архитектурная поэзия особо впечатляет: симметрия кругов развязки опущена бором, а над рекою, наперекор течению, поток автомашин. Шестиполоска нового Кузнецкого моста – самое широкое русло в транзитном автопотоке на трансконтинентальной трассе «Байкал».

...Те матчи Сергей Чернопятков, болельщик с тридцатилетним стажем, вспоминает так:

– Трибуны до отказа – все двадцать тысяч! Заселены и крыши соседних домов. Ни одного хмурого лица. Сегодня мужской праздник: с утра приподнятое настроение, футбольный день – как ожидание подарка. Всей сменой на «Химик»! Сверкнула монетка. Свисток и стадион – единый организм.

Как комментировал Валерий Францев, «Кузбасс» показывает шахтерский характер». Но это лишь первое отделение концерта по заявкам «Кузбасс» – «Спартак» (Москва): итог – 4:0.

...На аллее сквера у Дома кино «Москва» мальчуган лет шести. Он широко шагает и, приподняв с глаз невообразимо длинный козырек бейсболки, здороваются.

К своему удивлению, не удивляюсь. Узнал себя, отважно предпринявшего первую вылазку в свой город.

И. Ю. УСКОВ

ЩЕГЛОВСК: МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

24 декабря 1919 года боевыми подразделениями 35-й дивизии 5-й Красной Армии город Щегловск был освобожден от войск колчаковцев. Согласно приказу военного комиссара дивизии, на следующий день в городе был организован уездный революционный комитет – чрезвычайный орган управления. Основной его задачей являлась организация органов советской власти в уезде. Председателем ревкома был назначен работник политотдела дивизии Павел Никифорович Старостин, 1893 года рождения, член партии с мая 1917 года¹. Неутомимый и страстный агитатор и пропагандист, Старостин мог выступать по несколько раз в день, убежденно защищая политику партии и советского государства².

Ревкому досталось печальное наследство: магазины и лавки разграблены, товары расхищены, школы и учреждения разгромлены. К тому же отсутствие опытных работников, канцелярских принадлежностей и инструкций из центра значительно сдерживало работу. Огромные усилия были приложены ревкомом для прекращения распространения эпидемии тифа в городе и уезде³.

Одновременно шла организация партийных ячеек РКП(б). 23 февраля произошло слияние трех организаций: Щегловской – городской, химического завода и Кемеровской рудничной с количеством членов до перерегистрации 140 человек. Организационный процесс завершился проведением первой уездной партконференции, на которой председателем уездного комитета был выбран П. Н. Старостин⁴.

В марте 1920 года отдел управления Сибревкома обратился ко всем губернским ревкомам с циркуляром, в котором предлагалось приступить к подготовительным работам по созданию не чрезвычайных, а предусмотренных Конституцией РСФСР избираемых органов местной советской власти.

Уполномоченный губревкома по выборам в Советы Щегловского уезда И. И. Степанов прибыл 6 мая с помощниками в город Щегловск.

Весь город был разбит на четыре избирательных района: 1) химический завод со станцией Кемерово; 2) Кемеровский рудник; 3) Центральный городской район, то есть собственно город, и 4) Щегловский гарнизон.

Согласно правилам о выборах, списки кандидатов в городской Совет предоставлялись организациями или отдельными группами избирателей. В избирательную комиссию поступили списки (по каждому избирательному району) только от РКП(б), от других организаций и групп предложений не было.

Первые выборы в городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов состоялись 14–16 мая 1920 года. По действующему законодательству правом избирать и быть

¹ ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 116, л. 8.

² ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 68, л. 53.

³ ГАКО, ф. р-1, оп. 1, д. 85, л. 24 об.; ГАКО, ф. р-165, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг. – Кемерово, 1966. – С. 38–41.

избранным обладали 4 283 человека (738 были лишены этого права), из них приняло участие в голосовании 2 478 человек (58,6 % избирателей). Голосование было открытым (проводилось поднятием рук), голосовали сначала за, потом против и воздержавшиеся.

В итоге список Щегловской организации РКП(б) в Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в числе 52 членов и 23 кандидатов на случай выбытия действительных членов прошел полностью⁵.

В результате выборов в городе Щегловске организовалось местное самоуправление. Одновременно с городскими в уезде прошли выборы в сельские Советы. Состоявшиеся выборы стали началом привлечения широких слоев граждан к государственному управлению и хозяйственному строительству.

23 мая 1920 года под исполнение оркестром «Интернационала» открыл свою работу первый Щегловский горюездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На нем были заслушаны доклады избирательной комиссии, ревкома (как органа управления, прекратившего свою работу), представителей волостей. Для текущей работы был избран объединенный горюездный исполком в составе 17 человек. Представляется, что персональный состав первого исполкома, руководившего городом и уездом, будет интересен читателям, поэтому приведем его полностью (таблица).

Таблица

Состав Щегловского горюездного исполнительного комитета (май 1920 г.)⁶

	Основная профессия	Занимаемая должность
Старостин Павел Никифорович	крестьянин	председатель
Бутолин Андрей Андреевич	рабочий	зам. председателя
Ермолаев Константин Григорьевич	письмовед	зав. отделом управления
Шувалов Григорий Дмитриевич	крестьянин	зав. отделом земледелия
Комков Федор Семенович	бухгалтер	зав. отделом труда
Мальгин Василий Петрович	учитель	зав. отделом наробразованя
Дулупин Николай Федорович	рабочий	зав. военного отдела
Хомутников Роман Никитич	крестьянин	зав. отделом коммунального хозяйства
Партин Венедикт Иванович	рабочий	зав. отделом финансов
Толда Софрон Федорович	крестьянин	зав. отделом продовольствия
Степачев Филипп Николаевич	рабочий	зав. отделом народного хозяйства
Яблонский Сидор Леонтьевич	контор.	чрезвычайная комиссия
Бехтерев Виталий Иванович	учитель	зав. отделом наробразованя
Скарина Елизавета Елисеевна	учительница	центропечать
Ямковой Зиновий Яковлевич	рабочий	зав. отделом здравоохранения
Сорокин Иван Никитич	рабочий	зав. комитетом труда
Федоров Семен Егорович	крестьянин	зав. отделом земледелия

⁵ ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 85, л. 11–11 об.

⁶ ГАТО, ф. р-173, оп. 1, д. 45, л. 35.

По нормативным документам уездные центры не создавали своих исполнительных органов, поэтому уездный исполком планировал и контролировал все стороны деятельности горсовета. Первый год деятельности Совета был исключительно трудным, регулярно проходили мобилизации депутатов-коммунистов в отряды ЧОН, на продовольственный фронт, менялись структура, штаты горсовета. Аналогичной была ситуация и в других горсоветах Сибири⁷. В октябре 1920 года состоялся уже 2-й горуездный съезд Советов⁸.

Секретарь Щегловского укома партии в 1921–1923 годах А. Г. Бабий характеризует первый год работы уездного аппарата как агитационный, когда населению разъяснялась политика партии и государства, велась борьба за внедрение порядка и дисциплины, за максимальное увеличение поставок хлеба, добычи угля⁹.

Всероссийский Центральный исполнительный Комитет рядом своих постановлений начала 1920-х годов закрепляет полномочия городского Совета как высшего органа власти в пределах города.

Регулярные отвлечения депутатов на хозяйственно-политические кампании отрицательно сказывались на работе горсовета¹⁰. Для привлечения горожан к активной работе в горсоветах стали организовывать секции. Так, в Щегловском горсовете в 1921 году работало шесть секций: экономическая, земельно-продовольственная, коммунальная, наробразованная и здравоохранения¹¹.

31 марта 1921 года начал свою работу 3-й Щегловский горуездный Совет. Новый состав горуездного исполнительного комитета председателем президиума утвердил Михаила Ивановича Ковешникова, избранного от крестьян Смоленской волости¹².

В дальнейшем председателями президиума горуездного исполкома утверждались бывший политкаторжанин Венедикт Иванович Партин (с января 1922 года), Яков Васильевич Залмаев (с февраля 1923 года)¹³. О руководителях городом и уездом начала 1920-х годов выявлена пока очень незначительная информация. Одной из причин является огромная ротация кадров на местах, в результате чего отследить судьбу человека оказывается чрезвычайно сложно. Так, известно, что Я. В. Залмаев, 1890 года рождения, окончил начальную заводскую школу в Юзовске, работал в юзовских шахтах. В начале 1920-х годов назначен начальником Особого отдела в Анжерке и Томске, с мая 1922 по февраль 1923 года являлся председателем Кузнецкого уездного исполнительного комитета¹⁴.

Дошедшие до нас обязательные постановления и приказы уисполкома свидетельствуют, что одной из главных проблем, стоящих перед местной властью, было санитарное состояние городского поселения, его благоустройство¹⁵.

В 1924–1925 годах местной власти пришлось пройти испытание на прочность. Большой

⁷ Андреев В. П. Щегловский горсовет в 20-е годы // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ. конф. – Кемерово, 1998. – С. 34.

⁸ ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 313, л. 65–76.

⁹ ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 68, л. 54.

¹⁰ ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 594, л. 53; ГАКО, ф. р-165, оп. 1, д. 8, л. 22 об.

¹¹ Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920–1932 гг.). – Томск, 1983. – С. 29–30.

¹² ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 594, л. 34.

¹³ ГАКО, ф. р-165, оп. 1, д. 8, 45.

¹⁴ ГАКО, ф. р-165, оп. 1, д. 45, л. 29.

¹⁵ ГАКО, ф. р-165, оп. 1, д. 7.

процент населения, занимавшегося сельским хозяйством, не удовлетворял требованию 3-й статьи Общего положения о городских и сельских поселениях и поселках от 15 сентября 1924 года. Необходимо было убедить административную комиссию ВЦИК о праве на существование Щегловска в качестве городского поселения. Губернская комиссия, составлявшая список городских поселений, отмечала, что в Щегловске 29 процентов сельскохозяйственного населения, но количество лиц, живущих на заработок по найму, составляет более значительный процент всего самодельного населения (43 %), обнаруживается его быстрый рост благодаря близости кемеровских копей и химического завода АИКа, поэтому город Щегловск необходимо сохранить в качестве городского поселения¹⁶. В итоге ВЦИК своим постановлением от 6 июня 1925 года утвердил Щегловск в составе списка городов Сибири¹⁷. Между тем, в некоторой справочной литературе год 1925-й значится как год образования областного центра¹⁸, что, безусловно, не верно.

В марте 1925 года состоялись очередные выборы Щегловского горсовета, на которых были избраны 51 депутат и 17 кандидатов к ним. Впервые в Щегловском горсовете, как и в других горсоветах Сибири, был избран самостоятельный президиум в составе шести человек и двух кандидатов¹⁹. Это значительно расширило его права, теперь горсовет мог издавать свои постановления, а главное, больше уделять внимания городским проблемам, а не уездным, оперативнее решать вопросы хозяйственной жизни города.

Наступал период хозяйственного строительства. По воспоминаниям А. Г. Бабия (1967 г.), «многие читали «Город Солнца» Компанеллы. Но это было так фантастично, что совсем не увязывалось с нашей действительностью. Если бы в то время кто-нибудь сказал, каким будет Щегловск через 50 лет, это было бы еще более фантастично, чем «Город Солнца» Компанеллы»²⁰.

¹⁶ ГАКО, ф. р-22, оп. 1, д. 8, л. 30.

¹⁷ СЗ РСФСР. – 1925. – № 41. – Ст. 295. – С. 520.

¹⁸ См. например: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1968 года. – М., 1968. – С. 149.

¹⁹ ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 25, л. 38.

²⁰ ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 68, л. 51.

● 1918 год. Первый Щегловский уездный съезд Советов

Саймон ФРЕНСИС:

«Я И ПО СЕЙ ДЕНЬ ЗАНИМАЮСЬ ИССЛЕДОВАНИЕМ ИСТОРИИ АИКа...»

Сегодня музей «Красная Горка» обладает уникальной и, возможно, самой полной коллекцией материалов о деятельности Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс».

За семь лет сотрудничества британский библиотекарь Саймон Френсис передал в фонды музея «Красная Горка» несколько тысяч копий документов. Фотографии, газетные и журнальные публикации, письма колонистов, выписки из метрических книг...

Предлагаем вниманию читателей интервью журналиста Владимира Сухацкого с членом редколлегии альманаха «Красная Горка» магистром искусства Саймоном Френсисом.

Кор. Несколько слов о себе и Вашей семье.

Френсис: Я появился на свет в июне 1938 года в Лондоне. Отец – доктор-рентгенолог. Он родился в Шри Ланке. Его предки приехали в Англию из Голландии в 1759 году. Мать – художница, скульптор, декоратор. Она родом из Англии. Оба родителя увлекались фотографией. Моя супруга – библиотекарь. У нас нет детей.

Кор.: Как Вы стали библиотекарем?

Френсис: Я стал библиотекарем совершенно случайно. После окончания школы я решил найти какую-нибудь временную работу, а уж потом определиться с профессией. Недалеко от нашего дома находилась районная публичная библиотека. Вот туда я и устроился. Спустя некоторое время я понял, что библиотека – это как раз то, что мне нужно. Я стал учиться на вечерних курсах, потом на дневном отделении института культуры, затем на курсах повышения квалификации. В конце концов я прекратил учебу, остановившись на ученой степени магистра искусств, которую получил в университете в Шеффилде. (Магистр искусств –

промежуточная степень между бакалавром и доктором наук.) Тема моей 350-страничной научной работы: «Проблемы развития университетских библиотек в Эфиопии, Ираке, Сирии». В 1986 году с отличием защитил диссертацию.

Как библиотекарь я работал в различных сферах: публичных библиотеках, центре научно-технической информации в упаковочной компании. Затем преподавал библиотековедение в институте культуры. Спустя 20 лет я стал директором библиотеки одного из университетов Лондона. А еще через три года султан Брунея предложил мне возглавить новую университетскую библиотеку на острове Борнео, и я согласился. Вместе с этой должностью появилась и другая специализация – управление библиотекой и внедрение новых технологий. Я был безгранично счастлив, получив возможность посещать библиотеки в других странах мира (всего свыше 40) и заниматься организацией библиотечного процесса в качестве консультанта. У меня появился опыт в разработке плана развития библиотек и их взаимодействия с учебными заведениями.

В 1996 году я впервые приехал в Сибирь, чтобы принять участие в крупном совместном проекте Европейского Союза и Томского государственного университета под названием ТЕМПУС. В рамках этого проекта я и мои томские коллеги посетили в 1999 году Кузбасский государственный технический университет, где познакомился с директором библиотеки Еленой Николаевной Киндиченко. В результате ТЕМПУС разработал специальную программу для КузГТУ. Я стал приезжать в Кемерово регулярно. Иногда две поездки в год, иногда три. По моим подсчетам я посетил Кузбасс 29 раз!

Кор.: Как Вы узнали про АИКа?

Френсис: В феврале 2002 года Елена Николаевна пригласила меня на экскурсию в музей «Красная Горка», где я познакомился с Андреем Зыковым. Он рассказал удивительную историю об Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс», о которой я никогда не слышал. Мое внимание привлекли несколько публикаций колонистов. Конечно, тут во мне проснулся инстинкт библиотекаря, и я спросил: имеются ли еще какие-нибудь материалы? Оказалось – нет. Тогда я предложил свои услуги. Я займусь поиском и копированием документов в лондонских библиотеках, а потом передам эти материалы музею.

Используя свои профессиональные навыки, я довольно быстро исследовал британские библиотеки и уже в сентябре 2002 года привез в Кемерово большую пачку материалов. Сотрудники музея «Красная Горка» были очень признательны. Они даже не подозревали, что такие документы существуют.

С каждым разом я привозил в Кемерово все больше и больше материалов. Сначала я просто делал копии с документов, но потом стал их читать. Довольно скоро я понял, что хочу больше знать о колонии и колонистах. Я и по сей день занимаюсь исследованием истории АИКа...

Кор.: В каких библиотеках, архивах Вам удалось вести поиск?

Френсис: Много интересных публикаций имеется в Британской национальной библиотеке. А вот, например, автобиографию дочери Рутгерса Трюди,

напечатанную в Вене, я нашел в библиотеке Оксфордского университета. Пару документов о Рутгерсе разыскал в Британском национальном архиве.

Так как Рутгерс и некоторые колонисты были голландцами, я отправился в Амстердам, в Международный институт социальной истории.

Хочу рассказать интересную историю в связи с этим. Я пришел в институт и в формуляре написал, что меня интересует тема АИКа. На следующий день я сидел за столом в читальном зале и листал документы. Вдруг ко мне подошла женщина. Она представилась консультантом и спросила: видел ли я фильм Владимира Сухацкого и голландского продюсера Питера ван дер Торна Фрайтхофа «For a New World», в котором рассказывается об АИКе. Я ответил, что нет, но несколько месяцев назад в Кемерове я встречался с Владимиром.

Во время моего очередного визита в Кузбасс Владимир и Андрей Зыков подарили DVD-копию этого фильма и еще двух других.

Кстати, в Институте социальной истории я видел копии очень интересных документов о Рутгерсе. Оригиналы хранятся в Москве.

Основной костяк колонистов составляли все-таки американцы, поэтому было бессмысленно продолжать поиски в европейских библиотеках. К счастью, у меня появилась возможность посетить Соединенные Штаты. Много любопытного я нашел в Нью-Йоркской публичной библиотеке, в библиотеке Конгресса США, а также в национальных архивах Америки. Кроме того, я сделал запросы в шесть американских библиотек и получил копии документов по почте. Некоторые библиотеки предоставляли материалы бесплатно, другие – за деньги.

Таким образом мне удалось собрать довольно солидную коллекцию материалов для музея «Красная Горка». Неизученными остались фонды только одного института – Российского государственного архива социальной и политической истории в Москве.

Кор.: На Ваш взгляд, какая из зарубежных коллекций аиковских документов представляет наибольший интерес?

Френсис: Наверное, коллекция Рут Кеннелл, которая хранится в библиотеке Университета штата Орегон, США. Рут была не только колонисткой, но и опытным библиотекарем, которая собрала множество материалов о деятельности колонии. В этом ей помогала Мелли Кальверт, бывшая жена Герберта Кальверта. Как известно, именно Герберт Кальверт был первым, кто обратился к Ленину с идеей создания иностранной колонии в России. Во времена АИКа Мелли работала администратором в нью-йоркском офисе кузбасской колонии. Она сохранила много важных документов, которые потом передала в фонд Рут Кеннелл.

К сожалению, мне не удалось посетить Орегон, но я сделал почтовый заказ и приобрел копии некоторых документов.

В орегонском и амстердамском архивах есть много интереснейших материалов. Но «Красная Горка» располагает как собственными историческими документами, так и полученными из зарубежных архивов. Каждая из этих коллекций по-своему уникальна и представляет большую ценность для исследователей.

Кор.: «Белые пятна» истории колонии. Таковые еще есть?

Френсис: Я не знаю русского языка, поэтому некоторые аспекты мне неизвестны. Однако для тех, кто русский язык знает, эти аспекты не являются «белыми пятнами».

Впрочем, пробелы в исследовательской работе существуют. Например, до сих пор нет полного списка колонистов. Его попытались составить Рут Кеннелл и Мелли Кальверт, но в нем отсутствуют многие имена.

Мне кажется, пока никто не сделал социологического анализа и не исследовал причины, побудившие людей отправиться в кузбасскую колонию. Многого мы не знаем. Например, у скольких колонистов родители были родом из российской империи? Сколько в колонию приехало евреев? Сколько человек направилось в Сибирь, чтобы работать по специальности, а сколько, чтобы просто найти работу? Кто из колонистов приехал в Рос-

сию, чтобы поддержать большевиков? Кто остался в СССР после ликвидации колонии? Что с ними произошло в 30-е годы? Судьбы колонистов, которые вернулись на родину в США и Голландию?

Что-то мы, конечно, знаем, но полной картины нет.

Многие тайны АИКа еще не раскрыты. Например, кто из колонистов сотрудничал с Коминтерном, ОГПУ, НКВД? Известно, что Якоб Голос стал агентом НКВД и создал в Америке крупную разведывательную сеть. Гарри Квайт и Нэмми Кишор работали в Коминтерне радистами. Возможно, были и другие...

Кор.: Вы знаете биографии едва ли не всех айковцев. Кто из них вызывает у Вас симпатию?

Френсис: Трудный вопрос. Ведь в большинстве случаев мне известны только имена, может быть, еще два-три факта.

Наверное, я должен назвать Рут Кеннелл, потому что она являлась библиотекарем и написала много статей и книг об АИКе. Но была ли она примерной женой для Фрэнка, доброй матерью для сыновей Джимми и Дэвида? Рут считала, что политическая преданность Октябрьской революции важнее семейных ценностей. К тому же у этой женщины было много любовных походов и в колонии, и в Москве. Так что вряд ли ее можно назвать идеальным человеком.

Рутгерс и Кальверт являлись весьма значительными фигурами, но мне кажется, им не хватало человеческой теплоты и добросердечности в отношениях с колонистами.

Англичанин Том Баркер сыграл заметную роль при создании колонии. Потом он руководил работой нью-йоркского офиса. Мелли Кальверт пишет, что Том был добросовестным работником, о котором ничего плохого сказать не может.

Когда нью-йоркское бюро закрылось, Баркер, вернувшись в Англию, с трудом устроился на работу и получал весьма скромную зарплату. Позднее коммунист Баркер стал мэром одного из районов Лондона. Но даже занимая столь престижный пост, он был очень скромным. Его жена родилась в

Польше. Мне кажется, что именно этот убежденный социалист являлся примерным мужем и отцом. Мне нравится этот человек.

Кор.: Вы достаточно хорошо разбираетесь в истории кузбасской колонии. На Ваш взгляд, АИК – это великий эксперимент или утопия?

Френсис: Я отвечаю «да» на оба ваших вопроса. Конечно, это был великий эксперимент! Но у этого проекта имелись серьезные недостатки, так как не все из задуманного удалось претворить в жизнь. Некоторые вещи отцы-основатели не продумали.

Несмотря на то, что цели и задачи АИКа совпадали с новой экономической политикой партии и планом индустриализации, создание *предприятия-колонии* являлось неверным шагом. Да, в то время существовали подобные проекты с участием иностранцев, но они касались лишь сельского хозяйства, лесозаготовок. АИК же являлся уникальным *индустриальным* предприятием. Никто из приехавших в Сибирь людей не имел опыта работы не только в промышленной колонии, но и просто колонии. За исключением разве что Кальверта и, возможно, Саймона Гана, которые работали в сельскохозяйственных колониях в Калифорнии и Мексике.

Многие колонисты родились в царской России, но даже они не представляли, с какими трудностями им придется столкнуться в стране, в которой только что закончилась гражданская война.

Вероятно, АИК являлся самым крупным экспериментом в плане совместного проживания людей разных национальностей на территории другого государства. Но из писем и статей колонистов мы знаем, что этот опыт оказался не совсем удачным. В колонии часто случались споры и ссоры, супружеские измены.

Многие колонисты из числа ирмовцев («Индустриальные Рабочие Мира») исповедовали идеи братства и всеобщего равенства. Однако создать в Кемерове образцовую коммуны им не удалось. Эта неудача повергла в шок ирмовцев и их лидера Билла Хейвуда.

Трудно сказать, являлась ли кемеровская колония авантюрой. Но какие-то элементы авантюри-

ма имели место быть. Например, Кальверт приукрасил условия жизни в Кемерове для того, чтобы заманить в колонию как можно больше американцев. В результате многие колонисты почувствовали себя обманутыми и вернулись на родину.

Понятно, что Кальверт горел энтузиазмом, но ему также требовалось, чтобы в его проект поверил Ленин. Когда благословление было получено, к проекту создания колонии подключили вдумчивые и спокойные люди, и, слава богу, Кальверт в этом уже не участвовал.

Колонистам пришлось нелегко. С одной стороны, саботаж спецов, с другой – нежелание русских рабочих применять новые американские методы в производстве.

Когда Рутгерса незаслуженно отстранили от должности директора колонии, все нововведения аиковцев были отменены людьми, приехавшими из Донбасса. Уровень управления предприятием, добыча угля и производство кокса резко понизились, потому что донбасские специалисты вернулись к тем методам руководства, от которых в свое время АИК решительно отказался. Конечно, колонистам было больно видеть, как рушится то, что они с таким трудом создавали.

В этой связи поделюсь собственным опытом. Некоторое время назад я и мои коллеги-библиотекари попробовали осуществить несколько новаторских проектов в Сибири. Но для этого надо было убедить наших недоверчивых сибирских товарищей в том, что пора все менять. После трех лет упорной работы наш проект (не в Кемерове!) был завершен и один из сибиряков сказал очень приятные слова: «Мы все поменяли! Мы никогда не сделали бы ничего подобного без сотрудничества с коллегами из других стран. Теперь мы – друзья!»

Так что убедить людей в необходимости перемен можно.

К сожалению, колонистам не удалось отстоять нововведения. Поэтому мое окончательное мнение об АИКе таково: это был очень смелый и интересный эксперимент, но не совсем успешный.

Т. Д. РЫСАЕВА,
кандидат искусствоведческих наук

«СИБИРСКИЙ ПЕЙЗАЖ»

● Группа «Сибирский пейзаж»:
Владимир Сотников, Василий Кравчук,
Василий Селиванов, Виктор Ардашкин

Сегодня, оценивая итоги десятилетней деятельности творческой группы «Сибирский пейзаж», мы пытаемся понять волнующие художников мысли и чувства: одних привлекает глубина природных явлений, других – поиск новых форм и способов самовыражения. Они очень разные, сегодняшние члены группы – Сотников Владимир, Кравчук Василий, Ардашкин Виктор, Аристов Степан, но в одном схожи: не представляют себе жизни без кисти, красок, карандаша и всего того, что называется творчеством. Этими же качествами в полной мере владел и незабвенный В. А. Селиванов, один из основоположников творческого коллектива, память и творческий подвиг которого постоянно являются живым примером для его товарищей по искусству.

В уставе группы определена форма профессиональной отчетности художников перед зрителем – раз в год, и обязательно новыми работами. Участники группы не изменяют ей, бла-

● В. СОТНИКОВ. Искитимская заводь

● В. СОТНИКОВ. Притомский пейзаж

годаря чему имеется возможность проследить эволюционный путь индивидуального развития художников. Если сравнить первую и десятую выставки, разница не очень разительна. В той и другой главенствует традиционная основа, обеспечивающая равное поступательное развитие художественного творчества – не исчез реализм, не исчез пленэр, который прочно держится в пейзажной живописи. Потому десятая отчетная выставка – это уже показатель истории существования группы и истории развития сибирской пейзажной живописи.

Сегодня часто говорят о феномене китайской культуры, их стремительного освоения русской и советской школы масляной живописи. Но, смею вас заверить, дорогие зрители, как бы хорошо ни работал китайский художник, в пейзажной живописи ему никогда не достичь главной сути нашей школы – ее философской основы, выработанной не одним поколением русских художников. Это – эпический пейзаж, возникший из недр нашей необъятной родины с ее бесконечными просторами, заполненными лесами, реками, озерами, горами, полями, перелесками.

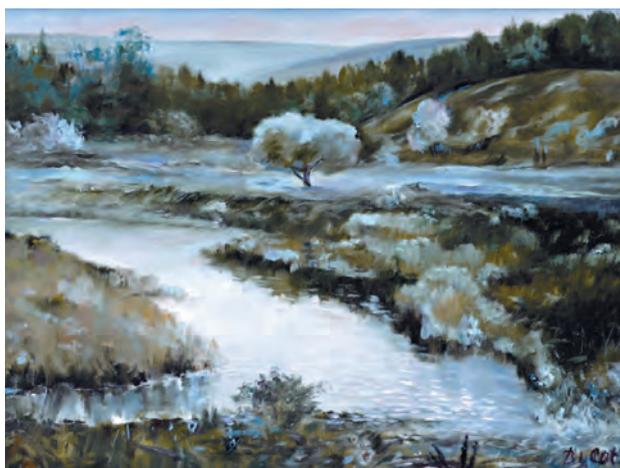
Мы живем в Сибири – крупнейшем регионе России. Наш край богат не только бескрайними таежными лесами и кристально чистой водой, это край мужественных и сильных людей, высо-

● В. СЕЛИВАНОВ. Осенняя палитра

● В. СЕЛИВАНОВ. Зимний день

● В. СОТНИКОВ. Серебристый день

● В. СЕЛИВАНОВ. Коксохим

● В. АРДАШКИН. Кийские утесы

● В. АРДАШКИН. Снежный январь

● В. АРДАШКИН. Тихая заводь

кой культуры и древних духовных традиций. Отсюда и питают свое состояние духа и творчества наши художники, заряжая нас надолго новыми впечатлениями и идеями, желанием работать. Отсюда и название группы «Сибирский пейзаж», трактованное желанием не изменять нетронутой природе, искренним человеческим взаимоотношениям.

Поэт сказал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают...». На самом деле ничего нет проще и лукавее, чем сваливать все проблемы на время, куда сложнее справиться с ними. Еще свеж в памяти период, когда были актуальны темы революционных преобразований страны, идеологически сознательного человека и его самоотверженного героического труда. Резкий поворот в жизни страны освободил художников от идеологической зависимости. Свобода выбора темы, формы, различных техник увлекли их в стихийный водоворот демократической эйфории. Всплеск создания кратковременных молодых объединений, увлеченных формальными поисками, угас, фактически не оставив последователей. Потеряно много ценного и не приобретено в достаточной степени нового. Сегодня, к сожалению, внутренние проблемы, происходящие в Союзе художников России начиная с 90-х годов, откинули кемеровских художников в сторону от современного художественного процесса. К тому же ушли многие мастера, создававшие большие вещи.

На этом фоне творческий коллектив «Сибирский пейзаж» увидел свою ответственность перед обществом в сохранении веками сложившихся традиций, созданных мировыми мастерами реалистического стиля. Художники представляют темы «малой родины», места, где ты живешь, где находятся твои корни, предки. Возможно, поэтому, несмотря на своеобразие творческой манеры каждого отдельного автора, общая экспозиция проводимых группой выставок получается цельной, свободной и легкой в восприятии.

Сегодня вряд ли кого-то можно удивить реалистическим направлением в искусстве, слишком пресыщен глаз и велико многоликое разнообразие. Но что же заставляет останавливаться у таких знакомых и родных мотивов? Вероятно, то, что глаз радуется гармония с природой, ее неуловимая переменчивость, тонкая градация оттенков.

Индивидуальность творческой манеры художников и общий высокий качественный уровень можно оценить, анализируя представленные работы от выставки к выставке.

Свои произведения В. Е. Сотников пишет в мастерской, используя созданные во время путешествий натурные зарисовки и этюды. Автор передает свои впечатления от увиденного, переосмысливая их в философском плане. Для него важно не просто показать тот или иной ландшафт, но создать многозначный и эмоционально наполненный образ, преломляющийся через его понимание предмета изображения. Монументальные пейзажи, близкие по формату к картине с широким панорамным обзором В. Е. Сотникова, несут нестандартный подход к решению художественной задачи, требующий от художника смелости и творческой свободы. Живописец сконцентрировал всю силу своего воображения на главном – впечатлении от цвета, силе его ритмов и светящихся аккордов. Сотников для построения композиции подбирает такие мотивы и природные состояния, которые позволяют ему и зрителю ощутить атмосферу, чувственно пережить то, что произошло когда-то в этом месте («Таежный родник», 2003, «Свет полярной звезды», 2000, «Морозный день», 2006).

В. П. Кравчук каждый раз показывает свежие работы, удивляя зрителей новым поворотом темы или неожиданным стилистическим решением. Такая творческая продуктивность свидетельствует о большом потенциале личности художника. В тематике пейзажа В. П. Кравчук делает акцент на предметную узнаваемость, точность в передаче

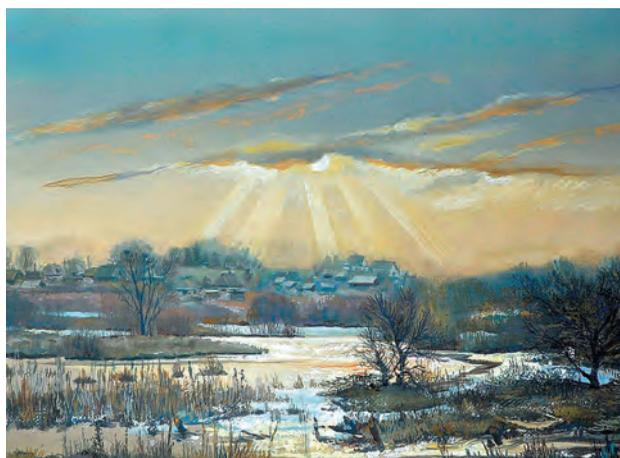
● В. АРДАШКИН. Озеро у деревни Трещи

● В. АРДАШКИН. Проселочная дорога

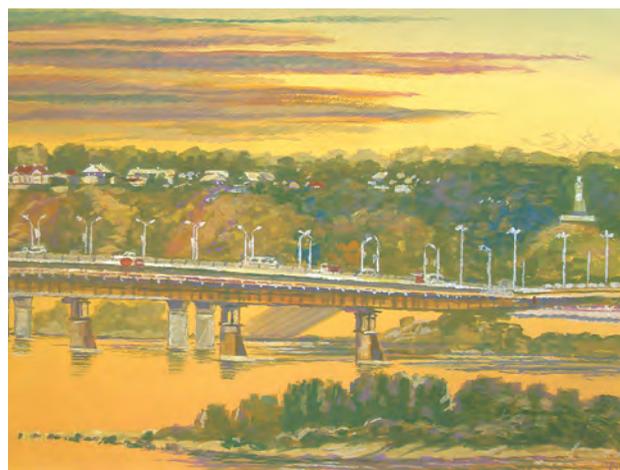
● В. АРДАШКИН. Таежные травы

● В. КРАВЧУК. Утренние лучи

● В. КРАВЧУК. Торговый центр

● В. КРАВЧУК. Красная Горка

качества вещи и профессионализм. Его городские пейзажи портретны, их цель – передача узнаваемых черт города и одновременно обобщенная передача его характера. Для него характерно применение в качестве живописных материалов темперы, гуаши на картоне. Известно, что эти материалы обладают большими возможностями плоскостной и линейной выразительности, поэтому, работая большими пятнами, применяя декоративные принципы в пейзаже, художник добивается передачи всесибирского образа природы («Вечер на Барзасе», 2002, «Зимняя тайга», 2002, «Над просторами Томи», 2001).

В. В. Ардашкин, как и все, пришел в группу уже сложившимся живописцем со своим творческим почерком. Его работы маслом, выполненные в мощной пластической манере, демонстрировали своеобразное кредо художника. Пейзаж для него – нескончаемый поток информации. Живописец продумывает особенную для каждой темы колористическую систему. Для него важен не столько рисунок, сколько декоративное пятно в фактурно написанной и ритмически организованной композиции («Байкал. Пристань в Листвянке», 2000, «Менгиры», 2000).

Лирические пейзажи недавно принятого в коллектив группы С. Н. Аристово трогают сердце поэтичностью мотивов и прочувствованным цве-

● В. КРАВЧУК. Утро на Томи

товым решением. В них искреннее восхищение таким привычным для нас окружающим миром. Светлые, иногда звонкие, иногда приглушенные оттенки цвета в работах Аристово подобны чистым нотам, которые слагаются в благозвучную гамму. Это чаще всего сельский пейзаж с заливным лугом за деревней, с сарайчиками и баньками, небольшими стожками сена. В этих пейзажах самым привлекательным является тонкое эмоциональное состояние и созерцательность. Художнику есть, что сказать людям, чем поделиться с теми, кому близки простые люди и кто любит родную сторону. Он делится своим оптимизмом, человеческим теплом и верой в вечность добра («Октябрьский снег», 2008, «Лесная тропинка», 2008, «Верба цветет», 2008).

Таким образом, за годы длительного коллективного труда художники группы «Сибирский пейзаж» не только сохранили собственный художественный язык, но и значительно выросли в профессиональном смысле, особенно в отношении свободы самовыражения.

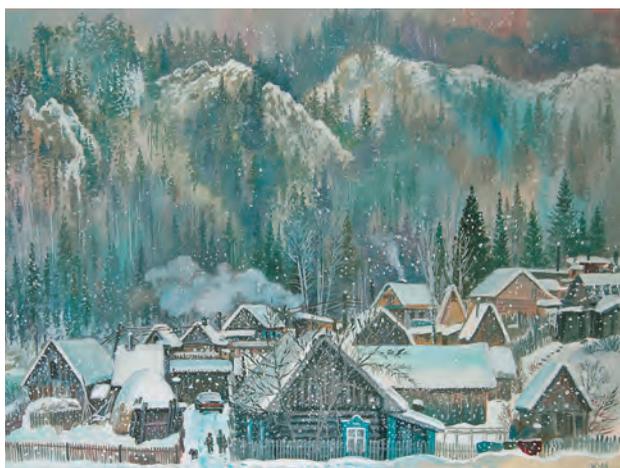
Художники постоянно находятся в гуще проблем Кемеровского отделения Союза художников России, являются членами правления, выставочных жюри, редакционного отдела. За преданное служение Кузбассу они неоднократно награждались региональными знаками почета.

● С. АРИСТОВ. Март

● С. АРИСТОВ. Зимний мотив

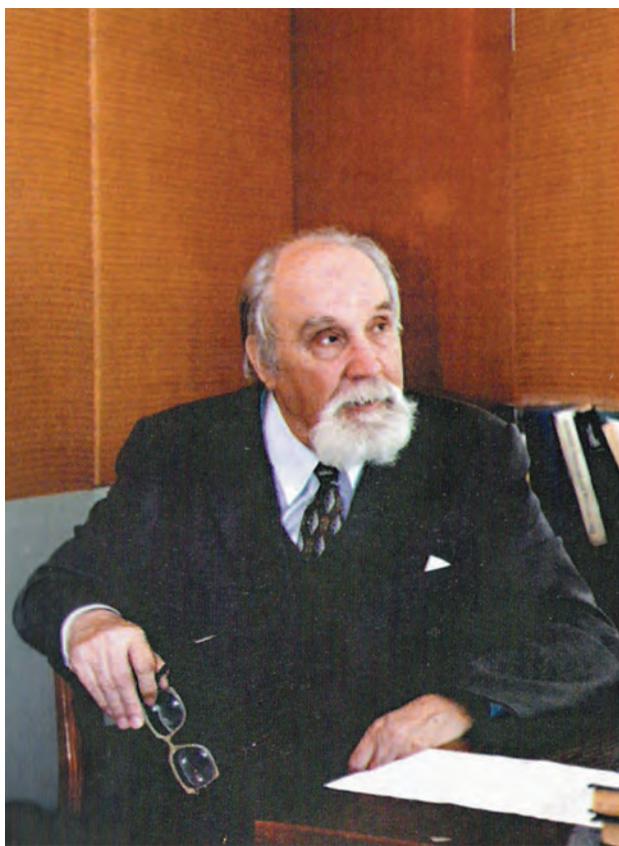
● В. КРАВЧУК. Маручак

● С. АРИСТОВ. Улица Суворова

Виктор АРНАУТОВ

ГЕНЕРАТОР ИДЕЙ

● **Стас Андреевич Сбитнев**

С годами я всё чаще пересматриваю свои фотоальбомы. С привитым мне библиотечной профессией пристрастием к систематизации все снимки подобраны в тематико-хронологическом порядке. Вот альбом, датированный 1969–1973 годами, – поры нашей студенческой юности. А вот – с хронологией 1978–1996. Тут уже собраны фотографии моей кафедрально-педагогической

деятельности. Большинство снимков прошли через объективы моих фотоаппаратов.

Каждая фотография – это мгновение жизни. И не только моей. И каждая будит ностальгические воспоминания. И ещё, на каждой третьей фотографии (не поленился посчитать) встречается невероятно знакомое лицо. Даже нет, не лицо – фигура! Характер! Мощь! Глыба! Личность! Это – наш учитель, наставник, воспитатель, коллега, старший товарищ, шеф.

Шеф! Ещё со студенческих времён именно так мы его и называли. Это коротенькое, но ёмкое определение-прозвище перекочевало вместе с нами и на кафедру, а потом и на весь факультет, если не институт. Чаще, правда, так называли мы его за глаза, но и при нём не раз проскальзывало, уже автоматически. А он на то не обижался. Похоже, и сам привык к нему. Было и ещё одно короткое, упаси Боже – не фамильное (тоже для внутреннего употребления) – Стас!

Для всех нас Шефом был, есть, таковым останется и всегда Стас Андреевич Сбитнев! Личность неординарная во всех отношениях, а потому – не всегда комфортная для окружающих. Но, без всякого сомнения, яркая, уникальная, запоминающаяся!

Родился Стас Андреевич в 1918 году в Москве, в день Парижской коммуны – 18 марта – возможно, это и явилось одной из причин его бунтарской природы. Детство прошло в Белгородской области. Природа одарила его отменной статью: истинно русский богатырь, под два метра ростом, широкоплечий,

степенный, с размашистой походкой – но это уже в зрелые годы. А тогда, семнадцатилетним стройным юношей, поступил он в МГУ на исторический факультет. Кто знает, кем бы стал Стас Андреевич, окончив университет по этой специальности, – возможно, советским Николаем Карамзиным, Николаем Костомаровым, Сергеем Соловьёвым или Василием Ключевским, – однако суждено ему было с четвёртого курса университета отправиться на службу в ряды Красной Армии, точнее в курсанты Севастопольского военно-морского училища.

Но и тут в вероятную карьеру адмирала внесла коррективы... война. И уже морской старшина с конца августа 41-го года – в боевых расчётах: сначала – эсминца «Москва», а затем крейсера «Красный Крым» Черноморского флота. Чудом остался жив после гибели крейсера. «Чёрной смертью» называли враги морских пехотинцев. Но и здесь мичману Сбитневу не суждено было пасть на поле брани: чего стоил один Феодосийский десант, когда от двух батальонов морских пехотинцев осталось в живых лишь восемь бойцов... Ордена Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени, медаль «За оборону Севастополя» – наверное, немало скажут о его военных заслугах. До самых победных залпов довоевал морской пехотинец – мичман Сбитнев.

А после демобилизации судьба занесла его в Кузбасс, в Кемерово, и с 1946 года этот город стал второй родиной Стаса Андреевича Сбитнева. Послужной список демобилизованного мичмана в мирное время достаточно красочен: комсорг ЦК ВЛКСМ Кемеровской ГРЭС, первый секретарь Центрального райкома ВЛКСМ города Кемерово, помощник председателя Кемеровского облисполкома, директор Кемеровского областного лекционного бюро...

Назначение его на должность заведующего научно-технической библиотекой Кузбас-

ского горного института в декабре 1951 года кардинально поменяло профессиональные интересы Стаса Андреевича. До последних дней своей жизни (26 августа 2002 года) – 50 лет! – он неразрывно связан с библиотечной профессией. Освоение теории библиотечного дела заставило 35-летнего ветерана вновь усесться за парту студента – на сей раз в Московском библиотечном институте, но уже заочно.

Традиционность и рутина библиотечной технологии побуждала неугомонного Сбитнева постоянно искать пути новаторства. Его уникальное качество – цепляться за новые идеи, вычитанные в специальной литературе или услышанные на конференциях, семинарах и школах передового опыта, – требовало их экспериментального воплощения. Он генерировал чужие идеи, рождая и безвозмездно раздаривая свои, – точнее, кажется, и не скажешь! Особенно ярко это проявилось тогда, когда Стас Андреевич был назначен на должность начальника отдела выставок и технической информации Кузбасского ЦБТИ. А будучи начальником Справочно-информационного фонда (СИФа) ЦБТИ, он предпринимает попытку малой механизации информационного поиска на картах с краевой перфорацией. Ещё больше возможностей для экспериментов у него появилось с назначением на должность заместителя директора кемеровского Центра научно-технической информации по научной работе.

В помощь классическим иерархическим библиотечным классификациям приходят как раз в это время дескрипторные языки, открывающие перспективы для совершенствования поисковых возможностей документов по заданным темам или ключевым словам. Под его руководством разрабатываются отраслевые дескрипторные словари – по горному делу, чёрной металлургии, технологии машиностроения, электротехнике, химии, сельскому хозяйству.

Идея механизированного поиска информации на восьмидесятиколонных машинных перфокартах захватывает его целиком, заставляет искать единомышленников в сфере нарождающейся отечественной электроники. И он находит таковых – в технических вузах Томска и Барнаула. С их помощью удастся разработать одну из первых отечественных информационно-поисковых систем, получившую название ИПС «Квантор». Благодаря внедрению этой системы в межотраслевые территориальные ЦНТИ РФ (всего в 74 центрах), стала возможной централизованная обработка и распространение передового местного производственного опыта. За разработку и внедрение ИПС «Квантор» в числе других Стас Андреевич Сбитнев был отмечен в 1972 году большой золотой медалью ВДНХ.

А потом... потом довелось бывшему фронтовику и библиотечно-информационному практику осваивать ещё одну смежную профессию – профессию вузовского педагога. Кажется, не было выбора в открывшемся в Кемерове в 1969 году новом институте культуры, кого же поставить на заведование единственной пока на библиотечном факультете специальной кафедры. Им становится совместитель (всё ещё оставался заместителем директора ЦНТИ), генератор библиотечно-информационных идей Сбитнев Стас Андреевич.

...За двадцать семь лет общения с ним мне приходилось видеть его в самых различных ситуациях и проявлениях. Если рассказывать обо всём, опять-таки раскладывая как фотографии или *документы* (впредь курсивом буду выделять его любимые словечки и фразы) – получится огромная книга со своими частями, главами, параграфами. (Кстати, отличительной его чертой тоже было стремление к *структурированию*, унификации любого материала – курсовой работы, дипломного проекта, методиче-

ской разработки, научного отчета...) Увы, при всём моём желании его многогранная личность преломится лишь через призму моего видения (*«аспект»* – любил говаривать Шеф), через мой стиль и мой *тэкст*. А посему позволю себе лишь фрагментарные воспоминания в произвольной форме литературного очерка-эссе.

Нам, студентам библиотечного факультета первых наборов Кемеровского института культуры, во многом повезло. Повезло с тем, что мы были первыми, что нас было мало и мы знали друг друга, что наполняемость теоретических учебных дисциплин приближалась к университетской, что у нас были совершенно замечательные учителя-педагоги.

И всё же самым заметным среди них являлся Шеф! Может быть, потому, что мы общались с ним на протяжении всех четырех лет обучения. Чего только он нам не преподавал по спецпредметам! Причем толково, доходчиво, проблемно. Это я уже теперь смотрю на него с позиций методики, имея сам огромный опыт вузовского педагога. Тогда на него мы молились и смотрели как на абсолютного и бесспорного кумира и авторитета, в хорошем смысле слова. У меня до сих пор сохранились конспекты некоторых его лекционных курсов. Кстати, кое-что потом мне приходилось вести и самому. Меня, уже опытного педагога, поразила *структурированность* его тогдашних лекций. Это много позднее его лекции стали приобретать аморфный характер, наподобие моего произвольного очерка. Его поздняя лекционная эллипсность – скорее от крупнейшего профессионального *тезауруса*, до которого студентам последних лет было как до Китая пешком. Он-то сам понимал, о чем говорит и в связи с чем! Только избыток его собственных знаний и недостаток лекционного времени вынуждали его порой как бы перескакивать без логических мостиков от одного к другому.

Поразительным для меня, нынешнего пятидесятипятилетнего, была его феноменальная память! Опять-таки, к примеру, лекции. Сначала он читал их расхаживая по аудитории, словно моряк по палубе, держа в руках с пяток каталожных карточек – там-то они и были тезисно изложены для него самого. Позднее он и от таких своих *тэкстов* отказался. Читал исключительно по памяти, импровизируя всякий раз, как талантливый актер, держащий в напряжении огромный зал на протяжении всего моноспектакля. Причем теория, как правило, всегда иллюстрировалась информационно-библиотечной практикой.

Относительно его памяти в нашей среде до сих пор ходят легенды: и через пятнадцать-двадцать-тридцать лет он мог припомнить не только фамилию и имя, тему курсовой или дипломной работы, но и сказать, в каком платье была та или иная студентка на защите! А студентов прошло перед ним за тридцать три года работы не одна тысяча...

А сколько анекдотов знал и умел рассказывать Шеф, да так, что пересказать их, как он, уже никому не удавалось! Причем делал это он всегда к месту, непринужденно, но поучительно. Кто не слышал его присказку *«про Юхимовы балачки»* или *«мазать можно – есть нельзя»?!*

Не могу умолчать, что Стас у многих поколений студентов был едва ли не главным объектом студенческого фольклора. Сколько переделанных и оригинальных стихов и песен посвящено ему! Собрать бы всё вместе – солидный томик получится...

Делая ставку на молодые собственные преподавательские кадры, он уже с третьего курса нашего обучения стал приглядываться к нам. И, подобно космонавтам первого «гагаринского набора», выделил он из первых двух выпусков десятков перспективных кандидатов, в число коих вошли Таня Ерёмкина (Мельникова), Галя Емельянова (Гордукалова), Света Котлярова (Попова), Володя

Грачев, Юра Ли, Наталья Гендина, Татьяна Лотохина, Галя Брагина, в том числе и автор этих строк. И уже на последнем году обучения в институте Стас устроил нам конкурснопедagogическую практику: позволял проводить занятия у студентов младших курсов. «Разбор полётов» не бывал слишком строгим. Он ведь и сам тогда ещё только многому учился. Зато прекрасно помню, как после первой моей лекции он потрогал своей рукой мою спину под пиджаком – рубашка была мокрой! *«Это тебе не про Юхимовы балачки рассказывать!»* Ничего, раз волнуешься – должен быть из тебя толк!»

Словно Пётр Первый, стремился Шеф через нас, первачей, прорубить окно в свою Европу! Обеспечивая нам стажировки и аспирантуры в Москве и Ленинграде, он пытался создать собственную кафедру – сильную и способную решать многие педагогические и научные проблемы. Отношение к нам, молодым провинциалам, в столицах было настроенное и даже неприязненное. Правда, только попервости.

Позволю себе здесь сделать отступление, приведя фрагмент рассказа из своей третьей книги. Прочитав его, вы поймёте, к чему это тут: «Мне двадцать пять. Позади институт, армия и год работы лаборантом в вузе. Теперь вот – легендарный, песенный Ленинград.

Я сижу как на иголках и томлюсь в прихожке кафедральных апартаментов, ожидая назначенный мне экзамен по специальности. Собственно, даже не экзамен – собеседование для потенциального стажера из сибирской провинции, учиненное по своему усмотрению профессурой северной столицы.

Неделю целую, как приехал, не выбирался из библиотеки – готовился, некогда было и красотами Ленинграда полюбоваться. Час, другой ожиданий тянулись медленно, занудно, как пассажирский поезд на подходе к конечному пункту.

*КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ФАКУЛЬТЕТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ВЫПУСК 1994 г.*

В голове – каша, изнутри – озноб, снаружи – кислятина...

Пригласили наконец-то прямо на кафедру, после приёма каких-то зарубежных гостей – то ли шведов, то ли финнов, то ли немцев. На столе заведующего ещё чашки кофейные не убраны, пузатенькие фужеры пустые, опорожненные винные бутылки, ополовиненная коробочка шоколадных конфет, пара разрезанных яблок да пепельница хрустальная с окурками. Лаборантка ряженая-крашенная, в годах – маленькая, горбатенькая, суетливо, поспешно составляет всё это на расписной поднос, смахивая крошки комком мятых бумажных салфеток.

И началось: «Кто, мол, таков, откуда, у кого учился, где работаю, где служил?» Издалека подходить стали, деликатно так, ненавязчиво, интеллигентно. Ну, и я им с провинциальным снобизмом: дескать, школу Сбитнева

окончил! «А что, разве такая школа есть? – переглянулись, ухмыляясь. – Надо же! А мы и не слышали никогда... А Кемерево – это где? В Прибалтике?!.»

Конечно, до школы как таковой в научном и педагогическом понимании тогда Шефу было далеко. Да может быть, он её так и не создал по большому счету до самого конца своих дней. Но мы, молодые, тогда верили в те идеи, коими питал нас Шеф! А он – верил в нас и надеялся на наши свежие силы. При этом себе он отводил достаточно четкую и ведущую роль – *генератора идей!* Да по существу он таковым и являлся! Его цепкий аналитический ум хватался за любое разумное новшество. Генерируя смежное, он обобщал и экстраполировал применительно к своей сфере, наводняя уже своими идеями и нас, молодых. Думаю, что в подобранных им кадрах он разочаровывался не

очень часто. Созданная им кафедра научно-технической информации росла, матерела и достигла своей зрелости в середине восьмидесятых годов!

С «Кемеревом» уже не могли не считаться не только расплодившиеся региональные институты культуры, но и Московский с Ленинградским. Фамилия и имя нашего Шефа для них стали олицетворением нашего вуза, а для нас – своеобразной визитной карточкой. Многие довольно известные ученые и преподаватели других учебных заведений культуры с удивлением узнавали, что Стас Сбитнев – вовсе не ректор Кемеровского института культуры и даже не декан библиотечного (информационных технологий) факультета!

Помимо множества замечательных качеств, Шеф обладал ещё и невероятной коммуникабельностью! Достаточно было всего одной встречи с ним незнакомому человеку – и тот выходил плененный и очарованный Стасом! Он умел найти для любого человека свой ключик, заинтересовать его, затронуть резонирующие струнки собеседника. А уж если оказывался собеседником его коллега и фанат общего дела!.. Увидав незнакомое лицо однажды, запоминал его на всю жизнь, и при любой встрече он мог ему напомнить о знакомстве.

Были ли у него большие и настоящие друзья – сказать затрудняюсь! Может быть, по той же самой причине, что и у известного литературного Печорина. Но хороших друзей и знакомых у него оказывалось несчитанно! Особенно в профессиональной сфере.

Практически до конца жизни он был в очень хороших отношениях с семейством московского профессора Дмитрия Яковлевича Коготкова. Деловые, приятельские связи у Шефа долгие годы оставались с такими интересными людьми и учеными, как К. В. Тараканов, Ю. В. Столяров, Н. С. Карташов, Б. С. Елепов, А. В. Соколов, В. М. Мотылёв, В. П. Леонов, Р. Ф. Гринина,

О. П. Коршунов, Д. И. Блюменау, М. Б. Гастфер, С. Л. Лохвицкая и многими другими.

Стоит ли напоминать о том, что не было, пожалуй, в Кузбассе ни одной библиотеки, где бы его не знали и не принимали за желанного гостя, советчика и консультанта. Да что Кузбасс?! Его знали по всей Сибири и Дальнему Востоку! Знали в Москве, Ленинграде, Минске, Харькове, Курске, Орле, Рязани, Чимкенте, Ташкенте, Кишинёве... Его выступления на всесоюзных, всероссийских, региональных, областных, городских и районных конференциях и семинарах никого не оставляли безучастными. Особенно, если касалось это проблем механизации и автоматизации библиотечных процессов, а позднее – создания автоматизированных библиотечно-информационных систем и сетей. Это было его коньком, если не пунктиком!

Долгое время проработав с ним, я пришел к твердому убеждению, что для него всё это являлось и работой, и увлечением, и хобби, и отдыхом одновременно.

Всякому человеку присуще чувство тщеславия, разве что в разной степени. Кому не хотелось бы получить признание на государственном уровне?! Не был исключением и Стас. Только признание то, не будем завистливо лукавить, было заслуженным. Не имея ученой степени, он всё же получил титул ваковского доцента! Долгие годы (и безо всяких скидок) он был профессором кафедры. Оценили его вклад и другими наградами: «Заслуженный работник культуры», кавалер ордена Красного Знамени! А его военные награды?! Тоже ведь просто так не давались – и ордена, и медали. Только вот не надевал он их никогда, не выставлял напоказ. Даже орденские планки никогда не нашивал. А может, и зря... Довольно долго он оставался в институте единственным «последним могиканином» – фронтовиком.

Было бы наивным считать, что кафедра жила только своими научными и учебными проблемами. Так, как мы отмечали праздни-

ки, могли бы позавидовать даже специальные кафедры, вроде режиссуры, кинофотомастерства или дирижерско-хоровой! Без особых комплексов мы устраивали капустники, в которых принимал участие и сам Шеф, всякий раз выдумывая новые формы и жанры исполнения и воплощения... «По рублю» и «по пять грамм» – можно было частенько услышать от Шефа и после рабочего дня. А это сблизало, сплавляло всех между собой.

А уж 18 марта ежегодно было кафедральным праздником! Как-то я, провожая его домой из института, поинтересовался, когда он в последний раз отмечал свой день рождения дома, вовремя и в кругу семьи? Вопрос был практически риторическим. Правда, Шеф умудрился вывернуться *налимом в вазелине*, сказав сначала, что не помнит, добавил: когда этот день приходится на воскресенье...

В 2003 году к 85-летию со дня рождения Стаса Андреевича Сбитнева, по инициативе профессоров кафедры технологии автоматизированной обработки информации Кемеровской академии (университета) культуры Н. И. Гендиной и Н. И. Колковой был подготовлен и издан многостраничный сборник «Стас Андреевич Сбитнев: жизнь, отданная людям», куда вошли хроника, воспоминания и исследования. Включенный в этот сборник библиографический список его научных и методических трудов насчитывает 100 работ. Плюс порядка сорока отчетов о НИР. Много это или мало? Смотря как считать... Но если учитывать ценность информации и долгожительство этих документов, то многие из них востребованы и сегодня, и не только студентами-дипломниками. Обращает на себя внимание и список дипломных работ и проектов, выполненных за тридцать лет под его руководством. Их – порядка двухсот! А что это значит? А это значит, что шесть-семь выпускников ежегодно доводились лично им до полной готовой профессиональной кондиции. Не так уж и мало, если учесть то,

сколько времени от отдавал этому руководству, генерируя и безвозмездно даря свои идеи будущим специалистам.

Долгое время сначала в шутку, а потом и серьезно мы – педагоги и выпускники – обсуждали вопрос о профессиональном дне библиотекаря. Даже дату предлагали – 18 марта – день рождения Сбитнева. Такой день был учреждён, и даже на общероссийском уровне, хотя и другим числом. Правда, дожить до него Стасу Андреевичу не довелось. А ещё как дань его профессиональным заслугам в Кузбассе учреждена премия имени Стаса Андреевича Сбитнева – за особый вклад в развитие библиотечного и информационного дела!

Время развело нас с ним в июле 1996 года. Не стоит разбираться, в чем тут причина и виноват ли кто из нас и в какой степени... Я нашел себя в другом деле и в другой среде.

В конце августа 2002 года после тёплой компании я проводил домой своего нового знакомого – поэта Геннадия Юрова. Выйдя от него, у меня вдруг возникла навязчивая идея: попроведать Шефа, дом-то его совсем рядом с домом поэта. Захотелось повидаться, поинтересоваться его здоровьем, поведать ему о своих делах, заодно и подарить ему все три свои сборника прозы. Я вспомнил номер его квартиры. Поднялся на лифте. Позвонил в двери. Открыл Андрей, младший сын Шефа. Я поздоровался с ним и спросил, можно ли повидаться со Стасом Андреевичем. «Нет», – коротко ответил Андрей. «А где он?» – «Он умер. Сегодня». Услышанное поразило меня. Я зашел к ним в квартиру, прошел на кухню, к столу, выразил соболезнование сыну и жене Шефа. Я сидел на стуле, в мозгу моем никак не усваивалось услышанное. Мой язык машинально повторял непонятно для кого: «Я же шел к нему живому...»

Я плакал... Слезы запоздалого покаяния и благодарности катились по моему лицу...

Сергей ПАВЛОВ,
член Союза писателей России

НАШ ДЕКАН – «ОТЕЦ ВАСИЛИЙ»

● Василий Николаевич Данков

Его жизнь, его характер трудно выписать в пастельных тонах. Они яркие, самобытны, колоритны, и в них много контраста, от мрачно-хмурого – до самого светлого, и потому, наверное, человек этот в жизни своей зачастую проявлял себя либо резко «за», либо так же резко «против». Середины, выписанной в мягких, приглушенных полутонах, словно бы и не существовало для него. Он из тех людей, чье жизненное кредо, наверное, лучше выразить строчками замечательного советского поэта Павла Когана: «...Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!..» А углы, как известно, имеют свойство ранить не только других, но и самого их

носителя. Эти люди во многом максималисты как по отношению к другим, так и к себе – в первую очередь. Таким в моем сознании остается образ этого человека, имя которого в Кузбассе знают многие – **ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДАНКОВ.**

Спустя много лет, отдав должное учительской работе и журналистике, я долгое время работал в органах МВД следователем. Так уж случилось, что по роду службы мне приходилось много ездить как по области, так и по стране. Вольно ли, невольно ли, но в этих поездках заводились новые знакомства, и в них я порой обнаруживал для себя тех,

кто учился когда-то на филфаке Кемеровского пединститута или Кемеровского госуниверситета. И странное дело, разговор с доселе незнакомым мне человеком, всегда начинавшийся с определенной дозой официоза и на «вы», при первом упоминании имени Василия Николаевича Данкова сам собой переходил в доверительную беседу, а его самого мы называли не иначе, как «наш декан». И хоть у нас в стране сотни, а может быть, тысячи деканов, но наш Василий Николаевич был и остается для нас тем самым единственным человеком, который силой своего ума, доброты, широтой своей души и таланта мудрого педагога сумел собрать вокруг себя, объединить и сделать

единомышленниками тысячи таких разных людей. Его имя звучало и продолжает звучать по сей день как пароль, как шифр к душам людей, минуту назад еще совсем незнакомых, но после произнесения этого «пароля» внезапно открывающихся друг другу. Так в авиации, встретившись в небе, два неизвестных самолета обмениваются сигналом «свой-чужой». И если запрос и ответ совпали, то происходит тот счастливый момент узнавания близких душ, возникает доверие...

Не сразу, но, кажется, я разгадал магическую тайну имени этого человека. Просто мы, такие разные по характерам, возрасту, полу, жизненному статусу и прочим ипостасям, перед именем его словно бы уравнивались: мы были просто его учениками, его благодарными учениками. И если кто-то (а таких очень немного) из тысяч выпускников филфака скажет в сердцах: «Я к нему отношусь индифферентно...», – значит, когда-то каким-то своим острым углом Василий Николаевич задел этого человека, и боль до сих пор живет в его душе. И живет она лишь потому, что человек этот не смог или не захотел увидеть, узнать нашего декана в последние годы его жизни. Человек сильный, цельный, принципиальный, пронесший через большую и многотрудную жизнь свои идеалы добра и справедливости почти в неизменном виде, в одном он все же изменился. Не раз в разговоре Василий Николаевич говорил и словно винился перед теми людьми, кто в свое время вольно или невольно пострадал от его крутого характера и резкого слова: *«...Сознаю, порой излишне резок был с людьми. Хотел помочь, оградить от чего-то, но в силу своего характера причинял боль... Хирург тоже делает больно, спасая человека, и если его понимают, то и обиды нет, а не поняли – она через всю жизнь шлейфом тянется. И я сейчас порой вспомню что-то, жалею: по-другому надо было сделать, другие слова найти, глядишь, и не было бы обиды у того че-*

ловека... И чувство вины перед этими людьми всегда со мной. Не перед ними, так перед Богом теперь винюсь за «свои углы»...»

А в последние годы жизни религия у Василия Николаевича занимала одно из главных мест. В дни первопрестольных церковных праздников он посещал собор, ставил свечи как за здоровье ныне живущих его близких, так и за упокой ушедших, творил молитву и по мере того, как позволяло здоровье, держал пост. Атеизм его, в основе которого скорее находился скепсис, нежели упертое марксистско-ленинское убеждение, какое-то время удерживал его на уважительном расстоянии от церкви, но потом, словно созрев до нового ее понимания, он со всей силой своего темперамента УШЕЛ В ВЕРУ... Никогда не состоявший ни в какой партии, он немало претерпел от прежнего руководства вуза и партийных органов: человек, занимающийся подготовкой учителей, ученых, журналистов, а сам не являющийся идеологически проверенным и зрелым партийцем – нонсенс! Но так было, и только удивительный талант организатора, фантастическая работоспособность и беспредельная любовь студентов позволяли ему удерживать командные высоты на факультете без партийного билета и научной степени. И если к «больному» для себя вопросу о защите диссертации Василий Николаевич все же со временем пришел, то в ряды КПСС он так и не вступил...

1974 год. Кемеровский пединститут получил новый, более высокий статус – статус Кемеровского государственного университета. Данков, не имевший научного звания, сдает полномочия декана Маргарите Васильевне Орел и задумывается о работе над кандидатской диссертацией. Но текущие дела еще долго не отпускают его. Сначала надо было выпустить курс, для которого он был и навсегда остался деканом. Особенность этого курса была в том, что его сту-

денты поступали еще в пединститут, но при выпуске уже получали университетские дипломы. Именно этот курс стал родным для автора этих строк. Остались позади госэкзамены, состоялся прощальный вечер выпускников, но тут новая забота...

Не один год в институте велся разговор об открытии на филологическом факультете кафедры журналистики, и главным инициатором этого проекта был Данков. А коли так, то ему и доверили проведение всех организационно-подготовительных работ по ее созданию, а в помощь ему от Союза журналистов делегировали поэта и журналиста Геннадия Евлампиевича Юрова.

Юров Г. Е.: *«В 1974 году я был редактором Кемеровского книжного издательства, но до этого долгое время работал журналистом в «Магаданской правде», в «Кузбассе». Был первым в Кузбассе лауреатом премии Союза журналистов СССР. Нас с Василием Николаевичем отправили изучать опыт организации и деятельности факультетов журналистики в Уральском и Московском государственных университетах, а также кафедры журналистики при филологическом факультете Саратовского госуниверситета...»*

За время командировки я был свидетелем того, с каким тщанием и интересом изучал Василий Николаевич новое для себя дело. Он никогда не занимался журналистикой, но, похоже, был искренне заинтересован, чтобы в Кузбассе появилась своя кузница журналистов. Массу документов нам пришлось изучать, копировать, конспектировать, разговаривать со специалистами. Я был поражен, с каким интересом и самоотдачей работал Данков, и уже тогда понял, что поставленную перед ним задачу он выполнит и в Кузбассе будет своя кафедра журналистики...».

...И действительно, в тот же год при факультете была открыта специализация «Жур-

налистика». Занятия вели известные журналисты: Ю. Котляров, М. Щербаков и другие. Многие выпускники того первого журналистского набора и по сей день успешно работают в прессе. А в 1991 году при факультете была наконец открыта кафедра журналистики...

И только к концу 1974 года у Василия Николаевича появляется возможность всерьез заняться диссертацией. Впрочем, о диссертации лучше начать разговор с того самого времени, когда он к ней впервые подступился...

...В конце 50-х годов у нас в стране почему-то стали активно переучивать всех лингвистов высших учебных заведений. В Москве ради этого специально были открыты годичные курсы переподготовки, куда и попал Василий Николаевич. Здесь он посещал лекции академиков В. В. Виноградова и Н. Н. Прокоповича. Слушатели этих курсов имели возможность готовиться и сдавать экзамены в аспирантуру. Деятельный по своей натуре, Данков одновременно сдает экзамены в аспирантуру при МГУ (министерство высшего образования) и Московского пединститута (министерство просвещения), причем в МПИ им. Н. К. Крупской он был принят сразу на 2-й курс аспирантуры! Зато в МГУ его реферат читала известный лингвист, зав. кафедрой русского языка профессор Е. М. Галкина-Федорук. Казалось бы, впервые в жизни судьба улыбнулась ему, и тут же он сам был вынужден сделать трудный выбор. Уже состоялся XX съезд КПСС, разоблачен культ личности Сталина, но клеймо сына «врага народа» по-прежнему довлело над ним. Увидев, как тщательно относятся к оформлению документов в МГУ, Василий Данков из опасения, что могут дознаться, что его отец – священник, был репрессирован как враг народа, отзывает свои документы из аспирантуры МГУ.

...Почти весь 1975 год Василий Николаевич живет в Москве и пишет диссертацию.

Научным руководителем его был декан филфака Московского пединститута Хабургаев Георгий Александрович.

На защиту самой диссертации ему дали всего 20 минут. Когда Василий Николаевич закончил выступление, ученый совет своим долгим молчанием выразил и поддержку, и восхищение трудом немолодого кандидата (ему было тогда уже 49 лет!), а Хабургаев, заканчивая свое выступление по его работе, сказал так: «Товарищи, я сейчас не ставлю вопрос перед ученым советом о присуждении этому труду докторской диссертации, так как автор ее не имеет достаточного опыта научной работы, но по истечении времени и с учетом некоторых замечаний мы можем вернуться к обсуждению этого вопроса...».

Так в 1975 году Василий Николаевич получает степень кандидата филологических наук, а с 1976 года он вновь становится деканом филологического факультета Кемеровского госуниверситета и возглавляет его до 1992 года, вплоть до выхода на пенсию. Всего же Василий Николаевич Данков стоял у руля филологического факультета (учительского института, пединститута и университета) более двадцати лет!

Человек эмоциональный и прямой, Василий Николаевич никогда не проповедовал «византийскую хитрость», и вся любовь его, и вся злость читались на его лице, в его глазах. Наши девчата не раз с некоторой завистью в голосе говорили: «Ага, вам, парням, хорошо, он вас любит...» Может быть, это так и было, да только на пути к «этой любви» и парням приходилось познать в полной мере крутизну данковского характера...

1971 год. Мы только что освоили двухэтажное здание бывшей школы № 33, и туда перевели наш филфак. Иногда занятия у нас проходили поздно вечером. В один из зимних вечеров на семинаре по зарубежной литературе у И. Л. Днепровой я быстро «от-

стрелялся» по теме и, поняв, что преподаватель меня уже не спросит, углубился в чтение какой-то газеты. В это время неожиданно открылась дверь, на пороге появился декан и увидел меня, сидящего с газетой. Видимо, такая вольность его сильно возмутила, и потому он, не сдерживая раздражения и указывая на меня, сказал преподавателю: «Вы побольше их спрашивайте, бездельников! Ишь, газетки читают на семинаре...». Если бы занятия проходили на втором этаже, я, наверное, провалился бы на первый этаж. Но тогда я просто онемел от... всего: от обиды, от возмущения, а может быть, где-то и от страха... Первой заступилась за меня Ирина Леонидовна Днепрова. С присущим ей шармом она сказала декану с улыбкой: «Этот молодой человек уже заработал свою «пятерку», и я просила его больше не беспокоиться...» Удрученно хмыкнув, Василий Николаевич закрыл дверь. До конца семинара я оставался в подавленном состоянии от такой, по моему мнению, несправедливости. Едва прозвенел звонок, как наши девчата ринулись в коридор и там обступили декана. Что они ему говорили, я не слышал, но вдруг подходит ко мне Василий Николаевич, кладет руку на плечо и говорит с безоруживающей улыбкой: «Извини, Сережа, за «бездельника», я ошибся, но газетки на семинаре все же читать не надо... Не сердись... А девчата у вас молодцы: как дружно поднялись на защиту!» И я моментально забыл про обиду...

Предметы Василий Николаевич вел, наверное, самые трудные – старославянский язык и историческую грамматику. Тут и современный-то русский язык, которым пользуешься каждый день, мудрено изучить до тонкостей (по крайней мере, у нас З. Н. Никулина редко кому «пятерки» ставила), а где уж одолеть мертвый старославянский, на котором уже никто не говорит! Хотя,

бывало, слушаешь лекцию Василия Николаевича, и мысль чудная в голову приходит: а может быть, он стажировку проходил у протопопа Аввакума или самого Баяна – так все складно и правильно у него получалось! А был такой случай: в самый разгар лекции вдруг раздался звонок на перемену (то ли дежурный что-то перепутал, то ли Василий Николаевич где-то не рассчитал, сейчас не вспомнишь), да только он сразу положил мелок на доску и всех отпустил. Так и осталась лекция прерванной на полуслове. На следующий день сидим в той же аудитории, заходит Василий Николаевич и... начинает лекцию как раз с того слова, на каком остановился вчера! То-то у нас было изумление... Уже по этому мы могли судить, как он знал свои лекции, как он знал свой предмет!

Конечно, были у нас студенты и студентки – знатоки этих предметов, но все же девчата в большинстве своем трудно постигали эту науку. Сидит на семинаре или зачете Василий Николаевич, слушает их лепет, закипит и сам начинает разъяснять заново, будто не они ему сдают, а он им. Расскажет все, еще переспросит, понятно ли, и поставит зачет. Понимал, видно, что дальше здесь идти некуда... Но был и другой случай в нашей группе. Одна очень симпатичная девчонка очень слабо отвечала на все вопросы преподавателя, что ни ответ, то мимо, уж и мы почти в открытую подсказывали ей парадигмы, да только она, что называется, ни в зуб ногой! И тогда Василий Николаевич взорвался. «Дура! – кричит, а после некоторой паузы спрашивает: – ...какого склонения?». Девушка в предобморочном состоянии сидит с раскрытым ртом, пытается что-то ответить, а получается только одно: «а... а...» – и на глазах слезы. Василий Николаевич вспыхнул и остыл, уже оценил ситуацию и так мягко, чуть ли не нежно говорит ей: «Правильно, а-склонение, а говоришь, что не знаешь...

Что-то учила, что-то знаешь, а остальное потом приложится...» И зачет он ей тогда поставил.

Как бы то ни было, но мы учились, сдавали зачеты и экзамены, кто с первого раза, кто со второго, а некоторые по ...дцать раз ходили. Таким уже за одну волю к победе наш декан ставил долгожданную «тройку». Особенно многих пугала манера Данкова принимать зачет или экзамен по любой газетке, лежащей на столе: берешь ручку, ткнешь в текст и... объясняешь, какие исторические грамматические изменения произошли в выбранном тобой таким образом слове. Студенты политеха шутили: кто сдал сопромат – может жениться, а мы им вторили: сдал историческую грамматику Данкову – тоже можешь жениться или выходить замуж!

Прекрасно знавший свой предмет, Василий Николаевич требовал таких же знаний и от нас. Похоже, любая «тройка» в зачетке студента огорчала его всерьез и надолго. Он считал, что с такими серыми знаниями педагог не имеет права идти к детям: «Недоученный учитель – что может быть хуже на ниве просвещения!» Если студент получал на сессии одну «тройку», то вопрос о стипендии становился проблематичным, а две «тройки» вообще закрывали даже тему для разговора о ней. Так случилось, что по итогам последней сессии я схватил две «тройки». Я тогда уже был женат и мотался между городами Кемерово и Белово, что не могло не сказаться на моих оценках, но стипендию мне все же назначили, и вот какой при этом у меня состоялся разговор с деканом.

– ...Что же ты так, Сережа, все время учился хорошо, а здесь? Ведь госэкзамены скоро!..

– Я знаю, только я их, похоже, уже сдал...

И тут Василий Николаевич заговорщически улыбнулся:

– Ну, кто родился-то? Как назвали?

– Сын... Санька...

– Хм, Александр Сергеевич – неплохо! Почти как Пушкин, хотя и Павлов – фамилия неплохая... Ну, ты теперь человек семейный, кормилец, так что тебе стипендия не помещает, а тройки эти – от забот родительских, что на тебя свалились, ведь так?..

И тут же ручкой дописывает мою фамилию в уже готовый приказ о назначении стипендии. А скольких наших девчат, ставших матерями в студенческие годы, он всячески поддерживал. А ведь такое никогда не забывается!..

А парней Василий Николаевич действительно любил, но особенно он бережно относился к тем, кто приехал «учиться на учителя» из глухой деревни. К этим ребятам он, цитируя классика, «милел людскою лаской...». А если он еще и разбирался в его предмете да при этом лихо играл на баяне – цены тому не было! И были у нас такие – Гена Коротков и Сергей Евдокимов. Вся художественная самодеятельность на них держалась. Геннадий сейчас в Кемерове живет, а Сергей успешно учителствует и плодотворно занимается краеведением в Гурьевском районе.

А причину такой заботы и нежности к сельским парням я узнал поздно, в 2005 году, когда Василий Николаевич неожиданно открыл завесу своей личной жизни.

...Родился он 18 апреля 1926 года в деревне Колыбелька Хлевинского района Воронежской области в семье сельского священника Данкова Николая Тихоновича. Летом 1929 года ночью в их дом стали ломиться люди в кожаных куртках: они провели обыск и арестовали отца. «С тех пор, – скажет много позже Василий Николаевич, – я стал помнить все...» С этим ночным стуком в сознание трехлетнего мальчика ворвалась суровая реальная жизнь того времени... Отца не было несколько лет, и никто не мог сказать ни жене, ни его родителям, где близкий им человек. Перед самой войной

Николай Тихонович вернулся в семью тяжело больной, в последней стадии туберкулеза. Впрочем, семьи уже не было: его жена, мать Василия Николаевича, Юлия Петровна, уставшая от неизвестности, а главное, из боязни за своих малолетних сыновей, Василия и Вениамина, оформила развод. И для всех соседей появившийся в их доме больной человек (а жили они в это время уже в другой деревне) был братом Юлии Петровны, и родные сыновья вынуждены были называть отца «дядей». Пожив в своей бывшей семье несколько дней и поняв, что помочь своим родным детям он уже ничем не сможет, и не желая подвергать опасности жизнь и здоровье близких (туберкулез был уже в открытой форме), он уезжает в Липецк, откуда вскоре пришло письмо от незнакомых людей, что Данков Николай Тихонович скончался... Наверное, нельзя сегодня строго судить простую русскую женщину, во имя спасения своих малолетних детей пошедшую на такой шаг в годину лихолетья. Тем более неподсудны дети – они из-за своего малолетства за многие годы разлуки просто могли забыть родного отца. Мать им стала и папой, и мамой. Такие были времена...

Сразу после ареста отца мать, оставив детей на своих родителей, что жили в соседней деревне, уехала в Воронеж, где работала прислужкой, а потом окончила курсы медсестер-акушеров и была направлена на работу в Тамбовскую область. Забрав к себе своих детей, Юлия Петровна поселилась в селе Курдюки. Здесь Вася Данков пошел в школу в 1934 году, и первым учителем у него был Москалев Константин Антонович. Больше семидесяти лет прошло с тех пор, а Василий Николаевич до сих пор помнит этого человека, доброго, умного и всегда немножко грустного. Это хорошо, когда человек помнит своего первого учителя – честь одновременно и учителю, и ученику...

...Жили Данковы бедно, что называется, с огорода, где у них всегда росли картошка, лук, салаты, укроп, огурцы, а вот помидоры почему-то не росли. Зарплаты матери едва хватало, чтобы учить детей, обувать, одевать. В этом селе Василий Николаевич и окончил семилетку. Васе хотелось учиться дальше, науки ему давались легко, но школа колхозной молодежи (сокращенно ШКМ) находилась только в соседнем селе, а это больше десяти верст, и он едет поступать в строительный техникум сначала в Тамбовскую область, затем в Воронежскую. Но там его не взяли по причине малого возраста: Василию было 14, а в техникум брали только с 15 лет. Шел 1940 год...

И тогда Вася Данков принимает серьезное самостоятельное решение, возможно, самое первое в его жизни: он поступает в Тамбовское педагогическое училище. Ему предстояло там учиться 3 года. И сюда-то его взяли с трудом из-за того же «малолетства». Директор училища, глядя на паренька, говорил удрученно: «Тебе же по окончании училища и 18 не будет, как же ты будешь детей учить, если ты еще сам ребенок?..» Но этот сложный для Василия Данкова вопрос был жестко откорректирован войной...

...До Тамбова немцы не дошли, но иногда по ночам будущие учителя слышали отдаленный звук артиллерийской канонады, видели сполохи пламени взрывов да по радио каждый день с волнением слушали сводки Совинформбюро. Вскоре в здании училища открыли военный госпиталь, и занятия были перенесены в частный сектор, в жилые дома. Кто-то из учащихся уехал с родителями в глубокий тыл, кто-то болел, и в учебной комнате вместо 30 человек обычно присутствовало 6–7 самых стойких, и среди них был Вася Данков. В 1942-м занятия в училище были отменены на год, и он вернулся домой, в Курдюки. От Тамбова до Кур-

дюков было около 30 километров, и Василий Николаевич не раз ходил домой пешком: в субботу утром выходил – к вечеру был дома, где его ждали мать и брат, а в воскресенье – обратно, к ночи был в училище. Иногда, если повезет, добирался на попутках. Зимой всегда ходил на лыжах...

Окончил Василий Николаевич училище в 1944 году, когда ему уже исполнилось-таки 18 лет, а направление на работу он получил в железнодорожную школу Гомельского района Белоруссии. Война шла к концу, и потому Василия Данкова как учителя, направленного в школу на недавно освобожденную от оккупации территорию, в армию не взяли. Была и еще одна причина: ревматоидный порок сердца. Вряд ли 18-летний паренек всерьез признавал поставленный ему диагноз. Так и жил он, особо не распространяясь о своей болезни, а зачастую просто не замечая ее. С ранних лет сама жизнь учила его стойко переносить все тяготы и лишения – это ковало его характер, закаляло волю, добавляло житейского опыта.

– В школе я отработал 2 года, где вел занятия в 3-м и 4-м классах, – вспоминает Василий Николаевич. – Первый год жил в классе, потому как некуда было поселить молодого специалиста. После окончания занятий, вечером, я сдвигал столы, стелил свое пальто, подушку и накрывался легким одеялом, а утром здесь же вел занятия. Только к концу года я стал снимать квартиру...

Как работнику железнодорожной школы Василию Данкову полагались два бесплатных билета от Гомеля до Москвы и обратно, а также один бесплатный билет по СССР. Но ни разу он ими так и не воспользовался – получение их было связано с оформлением массы справок, характеристик и других документов, и потому домой, в Тамбовскую область, он ездил зачастую бесплатно... на крыше вагона. Всякое случалось

в пути: люди срывались с вагонов, однажды он видел следы крови на крыше и в вагоне: кого-то зарезали. А однажды и с ним едва не случилась беда... Ехал он на крыше один, в кармане были продуктовые карточки, а в мешке за плечами – мешок с хлебом. Такой богатый подарок матери и брату нечасто приходилось возить. И вдруг на крыше появились двое. Потребовали деньги и мешок. Налетчикам сказал твердо, без предательской дрожи в голосе: «На станции я вам дам по куску хлеба, но не больше, а денег у меня все равно нет...». А когда те пригрозили его сбросить с поезда, он крепко вцепился одной рукой в одного, другой – в другого, заявил: «Сбрасывайте, но хоть один из вас полетит со мной!..» Сказал негромко, но так твердо, что отступились эти двое и оставили его в покое. Довез-таки в тот раз Василий Николаевич хлеб своим родным.

...В 1946 году Данков поступает в Ново-зыбковский пединститут, что на Брянщине, на филологический факультет. В 1950 году по окончании института он женится на студентке того же факультета Раисе Бабич, и, получив направление в учительский институт города Сураж, молодые педагоги выезжают к месту распределения. Работа в институте, учеба в аспирантуре – на все про все у Василия Николаевича уходит еще несколько лет, пока он не получает направление в Кемеровский учительский институт. Так с 1956 года судьба Василия Николаевича неразрывно связана с городом Кемерово.

...Начинали работать супруги Данковы в учительском институте, потом в пединституте, а на пенсию уходили уже из Кемеровского государственного университета. Не одну тысячу специалистов-лингвистов подготовили и направили в большую жизнь супруги Данковы. И если Василия Николаевича многие помнят суровым и строгим, то Раиса Ильинична навсегда останется в нашей па-

мяти как человек очень мягкий, тактичный, интеллигентный. «Да лучше «кол» у декана получить, чем «тройку» у Раисы... Стыдно же!» – почему-то отложился у меня в памяти невольно подслушанный разговор наших девушек перед семинаром по современному русскому языку.

Уже позднее я пытался понять, почему же так разительно менялось наше отношение к этому человеку: если на первом курсе его боялись «до потери пульса», то на выпускном вечере, который у нашего курса состоялся в июне 1974 года в ресторане «Сибирь», девчата с бокалами выстроились в длинную очередь, чтобы непременно выпить с Василием Николаевичем шампанского и обязательно его поцеловать. Это был апогей уважения, апогей любви человеческой. Почему-то уверен, что и до нас, и после нас выпускники филфака именно так выражали свои чувства к этому человеку... А объяснялось это тем, что мы, взрослея курс от курса, начинали понимать, что за внешне суровой манерой говорить, за скупыми по-мужски похвалами, за строгостью и требовательностью у этого человека всегда оставалось доброе сердце, чуткое отношение к каждому студенту. А своими прямыми, хотя порой и резкими суждениями он учил нас быть принципиальными, справедливыми, честными. К последнему курсу для своих студентов Василий Николаевич превращался в... «отца Василия». Преподавателей в университете было всегда много: доценты, профессора, академики, но «отец Василий» был только один!

...Среди огромного количества выпускников Данкова были партийные работники – и еще совсем недавно ими особенно гордились и всегда приглашали в президиум на встречах с выпускниками филфака. Сейчас в пору гордиться тем, что у него на филфаке учились депутат Госдумы Тамара Фральцова, один из руководителей областной адми-

нистрации Сергей Черемнов, заместитель мэра города Ирина Федорова. Немало докторов и кандидатов наук продолжают дело своего учителя и преподают в вузах литературу и русский язык: Людмила Ходанен, Иван Есаулов, Михаил Лучников, Елена и Василий Васильевы, Нина Гордеева, Галина Карпова, Лидия Ким, Елена Рыбникова, Ирина Юртаева, Ирина Ащеулова... А сколько известных кузбасских журналистов с благодарностью вспоминают годы учебы под началом Василия Николаевича. Среди них Олег Курочкин, Татьяна Худобина, Анатолий Клишин, Дмитрий Сагара, Александр Лейберт, Сергей Киселев, Владимир Маракулин, Евгений Носарев и многие другие. На филфаке всегда было много творческих личностей, а отсюда та феерия идей, эмоций, задумок и планов, что позволяла филфаковцам занимать самые высокие места в институтских (университетских) смотрах художественной самодеятельности. Большим почетом и уважением у нас всегда пользовались наши поэты: Наташа Люто, Володя Лосев, Юра Ващенко, Женя Худобин. Да простят меня те, кто учился позже и кого я здесь не назвал. Профессионально занимаются литературой выпускники факультета: поэты Александр Ибрагимов, Владимир Соколов и Ирина Фролова (Барышникова), а также автор этих строк, отдавший предпочтение прозе. Все они члены Союза писателей России, живут и работают в родном для них Кемерове.

Как ни приятно было Василию Николаевичу узнавать о творческих достижениях своих учеников, но, как и прежде, больше всего он любил тех своих студентов, кто безоглядно и самоотверженно отдавал и отдает себя учительской работе. Недолюбливал Василий Николаевич слово «педагогика», что-то чужое, инородное проглядывало в этимологии этого слова, иное дело – «учитель». «Сельский педагог» – звучит? Нет, а вот «сельский

учитель» – легко и близко ложится к сердцу. И потому так радовался наш старый и добрый Учитель, когда до него доходили вести о том, что где-то в гурьевской глубинке занимаются педагогической деятельностью его ученики Ольга и Сергей Евдокимовы; что балагур и весельчак Саша Дубчак преподает в Юрге и давно стал заслуженным учителем России; что многие школы и другие учебные заведения области возглавляют его бывшие ученики. Наверное, нет ничего приятнее и дороже, чем видеть в учениках продолжение своего дела, продолжение своей жизни. А Василий Николаевич это видел, знал и радовался этому. Это была святая радость!

...18 апреля 2006 года Василию Николаевичу исполнилось восемьдесят лет. Возраст почтенный и пока труднодостижимый для многих русских мужчин. И потому так спешили поздравить своего Учителя его ученики...

В этот день в 10 часов утра на площади имени Пушкина было многолюдно. Именно сюда пришли бывшие выпускники филфака. Были здесь как кемеровчане, так и учителя из Топок, Березовского и близлежащих кемеровских сел. Ровно в одиннадцать часов на Притомской набережной, под окнами квартиры юбиляра прозвучало дружное: «Данкова! Поздравляем с юбилеем!» А сколько удивления и радости было на лице Василия Николаевича, когда вышел к нам в сопровождении своих детей и внуков. Сколько было цветов, объятий, поцелуев и добрых слов сказано во время этой встречи. Десятки лет не видел многих своих учеников Василий Николаевич, а ведь тут вспомнил и называл их по именам, по девичьим фамилиям. Здесь же состоялись экспресс-интервью юбиляра сразу двум кузбасским телеканалам. Потом Василий Николаевич долго и благодарно вспоминал эти мгновения, а одна из городских газет написала тогда, что так в нашем городе еще никого никогда не поздравляли...

Х. А. ИСХАКОВ,
доктор технических наук,
профессор

ЗИМОГОР

Это слово хоть и существует в академических словарях русского языка, в разговорной речи не употребляется. Но вот в татарском лексиконе оно прочно засело прямо-таки в историческом плане. Две причины этому: во-первых, при крепостном праве население Поволжья фактически было лишено земли; во-вторых, полуголодное существование усугублялось частыми засухами. Ввиду этих причин мужское население татарских деревень на зиму уходило в город наниматься к богатым людям в качестве дворников, сторожей, короче говоря, вкалывать за копейки, чтобы как-то пропитаться и малую толику высылать семье – «на деревню дедушке».

Мои дед и бабка имели земельный надел в одну десятину (1,1 га). На этой десятине и огород, и ржаное поле, и все, чего желает душа, как говорится: ешь – не хочу! После Крымской кампании 1855–1856 годов дед вернулся домой безногим: не было печали, так черти накачали.

Однажды один из сельчан принес из города керосиновую лампу, народ на это чудо сбежался, еще бы: «Вода горит», – кричали дети. Дело в том, что в татарских селах и слободках не принято было гнать самогон, веселились брагой, а чтобы горел самогон-первач, этого не знали и не видели. Свечи не водились – дорого. Освещались лучинкой, которую жгли над лоханкой с водой; в обязанность детей входило следить за горением и своевременно обламывать уголек, иначе пламя задухает.

Спрашивал отца, а как же жили, имея одну несчастную десятину. Знаю, что здесь, в Сибири, наши знакомые крестьяне из деревни Малиновка (в 25 км севернее шахтного поселка Судженка) имели по 12–15 десятин чернозема, что обеспечивало им безбедную жизнь, ибо была возможность товарного производства.

Отец отвечал кратко: работали на помещика. Историки отдают должное самоотверженности императора Александра II, отменившего в 1861 году крепостное право. Собственники-помещики согласились на отмену только при условии, чтобы земля как была их святой собственностью, так и осталась за ними. Формально человек был свободен, а фактически привязан к той же помещичьей земле. Вот и мой отец с девяти лет пас гусей у помещика. Птица просыпается рано, в 5 утра бабушка будила ребенка: «Муллахмет вставай, гуся гогочут». Эти 5 часов так и вошли в повседневку жизни отца, так сказать, инстинкт выработался. И не только этот инстинкт – отец недолюбливал гусей, куры у нас были, но гусей не держали.

Об учебе не могло быть и речи, родители мои были абсолютно безграмотными. Сейчас от богатеньких приходится слышать, что революцию не надо было делать. Господа! Почитайте Чехова, Горького, Вересаева, Решетникова, Некрасова и многих других писателей, правдиво отражавших народную жизнь, тогда поймете причину русских революций и многих народных волнений. Вот, к примеру, небольшой рассказ Чехова о Ваньке, написавшем письмо «на деревню дедушке. Константину Макарычу». В лице несчастного Ваньки Жукова как в зеркале отражена жизнь народа, трудная и беспробудно жестокая. Нам этот рассказ преподнесли для чтения еще в начальной школе. Ну и что? Пожалели одного мальчишку, возненавидели сапожника, а глубину чеховского рассказа не поняли. Революции при такой жизни не могли не возникнуть; другое дело – как строить жизнь после переворота – самая что ни на есть трудная проблема, которая и до наших дней еще не устаканилась. В 16 лет отец ушел на Урал, в зимогоры,

работал на уральских шахтах, золотых приисках.

Первая должность начинающего шахтера – сачочник. Эта лямка во много раз тяжелее, нежели бурлацкая доля: в шахте тесно и опасно. Для шахтеров начальниками были два лица: штейгер и унтер. При чем здесь, спросите, унтер? А при том: однажды то ли народник, то ли кто из РСДРП вручил отцу пачку бумаг и попросил раздать рабочим. Это оказались антиправительственные листовки. Со слов отца: «Пригласил меня жандарм и говорит: «Исхаков, ты, оказывается, политический!» Отец: «Какой же я политический, я же безграмотный, откуда мне знать, что там написано; попросили раздать, я и раздал»». Жандарм оказался порядочным человеком, отца отпустил.

Будучи физически здоровым молодым человеком, отец на приисках неплохо зарабатывал, имел серебряные часы и однажды накопил 300 рублей. Для того времени это были немалые деньги – корова стоила 5 рублей. В бараке, понятное дело, народ всякий – украли деньги. Отец обратился к ворожейке (термин отца). Ворожейка: «Выйдешь за поскотину, будет дорожка слева, иди по ней, увидишь поленницу, развали и найдешь свои деньги». Трудно поверить – деньги отец в дровах нашел.

Видя такое положение в бараке, отец вошел в дом к одному татарину в качестве нахлебника. Это по-нашему квартирант, однако снимает он не только угол, но и обеспечен питанием. В качестве помощницы-прислуги и няньки у татарина жила его молодая племянница, круглая сирота. И опять пропажа, на сей раз те самые серебряные часы. Отец заявил хозяину: «Ты у меня украд часы, а я у тебя украду девушку». С разницей в 17 лет отец увел девушку – будущую мою маму.

Первенец родился в 1911 году в Тюмени, дальше – больше: сестры мои родились в Кольчугине (Ленинск-Кузнецкий). Отцовское семейство путешествовать закончилось в Анжерке, здесь родились еще брат (1924) и я (1928).

В смутные времена перволетья советской власти с отцом случилась страшная беда. Дело было зимой, отец с товарищем по каким-то полуголод-

ным делам поехали в деревню, кажется, в Кайлу. Вдруг путь преградили два верховых бандита, передовой ухватился за узду нашей лошади. Отец вышел из саней, начал было выяснять что и к чему, однако не заметил, как второй бандит основанием приклада такой удар нанес по голове, что отец в себя пришел только в больнице. Спутника тоже побили. Невдалеке был стог сена, обоих оттащили и бросили за стог, предварительно сняв тулупы и рукавицы (мохнашки из выделанной собачьей шкуры). Со слов мамы: «Рано утром слышу, ржет у ворот наша лошадь, отца нет». Объявили среди соседей аврал, поехали искать, нашли: спутник был мертв, отец жив. Пальцы на руках были отморожены, хирург с обеих рук на пальцах удалил по две фаланги. Температура была в 40 °С, однако здоровый организм преодолел эту температуру. За глаза с тех пор отца называли культяпым, однако в околотке он был уважаемым человеком, отличался трезвостью и трудолюбием. В сохранившихся документах отца 20–30-х годов постоянно фигурирует слово «ударник».

Спрашиваю у отца, как они отличали белых от красных – «А никак, всех называли бандитами, они грабили всех». Как же от бандитов убежала лошадь? Бандиты остановились в попутной деревне, лошадь нашу привязали за поводок узды к ограде, сами зашли в дом и на радостях пьянствовали. У лошадиной узды имеется шейный, за скулами, ремешок. Так как хозяйская рабочая лошадь спокойная, то этот подуздник обычно не застегивается, особенно зимой. А зимы были ядреные: минус 30–40, а то и 50 °С, было в 20-х годах даже 60 °С. Лошадь, оставшись одна, воспользовалась ситуацией, повертев головой, освободилась от узды и прибежала домой.

Отец особенно не любил говорить о чехах. Плененный чешский корпус был рассредоточен по всей Сибирской железной дороге, были чехи и у нас в Анжерке. Как только появился ныне расхваливаемый правитель А. Колчак, чехи быстренько слетелись к нему и, естественно, творили то, что творят воюющие стороны в гражданской войне.

Как я уже говорил, безграмотность моих родителей побудила в них желание учить детей, а для этого детей надо одевать-обувать и худо-бедно кормить. В моем отце проснулась прыть зимого-ра – уехал он в Хабаровск, работал кочегаром в госбанке. Ежемесячно сестрам высылал 100 рублей и посылку копченой горбуши. Нам в семью то же самое – 100 рублей и посылку. Однажды от отца пришла странная посылка – посылочный ящик был набит послепраздничными плакатами типа «Да здравствует 1 Мая» и т. п. Зачем? Заробота! Мама вначале эти плакаты во дворе освободила от мела – страшной пыли. Затем выстирала и пошила нам рубашки, предварительно выкрасив этот ситец синькой. Цвет получился не синий и не красный, действительно, серо-буро-малиновый. Моя мама умела шить, а уж кулинария у нее получалась отменной; в няньках у родного дяди всему научилась, кроме грамоты; полагаю, что дядька и сам был безграмотный.

Голодными мы никогда не были, но и абсолютно сытыми тоже никогда – выручали корова и огород. Всегда были заняты, не болтались, не хулиганили. Наши сверстники летом частенько с ночевкой уезжали на углевозных составах за 9 км на реку Яя, мы ни разу на рыбалке не были, завидовали, но не сожалели, а так как лес был рядом, то в него наведывались часто. В те времена слова «экология» не существовало: зорили гнезда ворон, дроздов, пользовались яичками, сок березовый пили сколько хотели. Летом – пучки саранки. Короче говоря, лес был и для отдыха, и в какой-то степени для частичного утоления голода. В городе излюбленным занятием была стрельба из рогатки по воробьям. В прятки играли до самых сумерек. Жили бедно, но игр всевозможных было много: мяч, лапта, лунки, качели, карусели. Зимой катание с гор на санках или с лотком. Парни и девушки катались с горы гурьбой на лошадиных санях. Катались и на коньках, самодельных, деревянных. Держали голубей, увлекательные были «споры». Например, посадят голубя на чужую крышу к другим голубям, если хозяину удастся заманить или крадучись прибли-

зиться и поймать чужака, то этот голубь становится его собственностью.

О лошадях и говорить нечего – целое удовольствие распрягать или помочь запрягать, однако проехать верхом не разрешалось; большим достижением было прокатиться в санях или на телеге. Жили бедно, алкоголизмом не страдали, для детей было множество игр, молодые влюблялись, обзаводились семьями.

В апреле 1939 года от туберкулеза скончалась мама. До школы мама брала меня к себе в кровать, кстате единственную. Хорошо помню просыпание – рука на шее у мамы. Мне шел уже 11-й год, заканчивал третий класс, после похорон целую неделю глаза не просыхали – плакал и плакал. Как самый младший в семье (последыш) теперь я лишился маминой нежности. А ведь у меня было когда-то еще четверо братьев и сестер, они умерли в младенчестве. После смерти мамы на всю оставшуюся жизнь ее заменили мои милые сестры, которым я безмерно благодарен за неоценимую помощь и внимание.

Отцу шел 65-й год и, чтобы легче было управляться в хозяйстве и на кухне, он привел в дом бабу, так сказать «женился». Вот тогда мы познали на собственном опыте, как жить с мачехой, до этого знавали мачех только по сказкам. Чужой человек с чужими нравами, иной раз как с тараканами в тарелке супа. Ни по имени, ни бабушкой, упаси бог мамой, не называли – «она», и точка. Зимой у нас прожила, летом отец ее прогнал, уличив в воровстве. Для нас радость была неопишуемая, семья вновь обрела прежнее единство. Возможно, попадают хорошие мачехи, но в основном это все же белые вороны, иначе в сказках о них так дурно не писали бы.

Отец быстро сходился с людьми. Наши деревенские друзья, как правило, останавливались с ночевкой у нас. Нам это было выгодно: во дворе лошадь, привезти дрова, сено – транспорт под рукой. Уезжая, остающиеся краюху хлеба, шматок сала никогда не брали с собой. Другой раз подкинут пудик муки, горох, а однажды привезли две булочки плодового белого хлеба из просеянной ржаной муки. Хлеб белый, а вкус ржаной – потеха!

Однажды вечером за бутылкой водки (одной бутылки для разговора хватало на трех-четыре мужиков) наши деревенские приятели завели разговор о колхозах. Отец, хоть и был безграмотным, но в политике разбирался, очень не одобрял колхозы. Помню, как один из собеседников, некий Кузнецов, с сожалением произнес: «Ах, если бы был Ленин, наверно, было бы по-другому». На Ленина народ надеялся по НЭПу (новая экономическая политика): «Мы НЭП вводим серьезно и надолго». Семь нэповских свободных от кабалы лет пролетели быстро, в 1928 году повели крестьян в колхозы, поотбирали лошадей, инвентарь, амбары. Мощные, сытые крестьянские лошади быстро превратились в замученных кляч, сами же крестьяне в беспаспортных крепостных.

Грянула война. Старший брат работал на базе от Мариинского завода «Главликерводка». Директора базы взяли на фронт, он быстро сдал базу брату: что можно было сделать за 24 часа, кроме, как в повестках мобилизационных писали, «взять кружку, ложку». Директор Михаил Ермолаевич Скавытин был добрый, честный человек, однако каким-то образом, да и брат частично виноват, прозевал винные ящики аж на две тысячи рублей, это при его месячной зарплате 200 рублей. Арест, тюрьма в Мариинске. Две тысячи отец собрал, продав теленка и воз сена, брата выпустили. По нему, не стесняясь, ползали огромные насекомые.

Много позже, будучи студентом, в поезде слышал песни студентов, ехавших в Томск из Мариинска, типа «Опять по пятницам пойдут свидания и слезы горькие моей семьи».

Через 10 дней, 1 мая 1942 года, брата мобилизовали, а в августе 1942 года он погиб под Сталинградом. Вот мои стихи, посвященные ему.

*Сколько лет, сколько зим не напрасно
День за днем все молчит и молчит –
У окна в моей комнате справа
Фотография брата висит.
Разговаривать хочет со мною,
Рассказать, как в кромешном аду*

*До последнего вздоха держались
В сорок первом сумятном году.
Как степями ходили у Сальска,
Пили воду в копытном следу
Иль, отстав в перепалке от части,
Замерзали в кровавом снегу.
«Перекрестим бьют пулеметы,
Головы не дают приподнять,
К нам подполз политрук с третьей роты –
Братцы! Надо со знаменем встать!
Полыхнуло священное знамя –
Как пружинной нас кинуло в даль...
Вот тогда я запомнил лишь пламя...» –
Брат умолк, погрузившись в печаль.
Но в печали я вижу улыбку,
Напоследок уверенный взгляд:
«Не в рубашке родился, но, видно,
Отстояли тогда Сталинград...»
Майский день зазвучал величаво,
День Победы салютом гремит.
У окна в моей комнате справа
Фотография брата висит.*

В том же августе 42-го ушел на фронт средний брат, ему повезло – приехал без единой царапины, хотя будучи фронтовым шофером попадал под бомбежки.

О себе, пожалуй, писать нечего: школа, студент, ассистент, аспирант, вновь ассистент, затем доцент, профессор, 40 лет отдано Кузбасскому политехническому, теперь – в Институте угля и углехимии СО РАН.

Главное в жизни остается за отцом: трезвая жизнь, трудолюбие, честность. У нас в семье никогда не было скандалов. По сей день за моим бытием и работой следят две души – моего отца и моего учителя, томского профессора Иннокентия Васильевича Геблера – великих для меня людей – родителя и учителя.

Пока живу и посильно работаю, не забываю крепостных деда с бабкой, отца-зимогора, маму – нянюшку дядькиных детей, погибшего брата. Есть перед кем мысленно преклонить колени.

Юрий СКУДАРНОВ

Музыка на всю жизнь

Двадцать лет назад в дружной и счастливой семье Чеботаревых между молодой еще бабушкой Лилей и ее трехлетним внуком Сережей состоялся такой диалог:

– Что ты слушаешь, Сережа?

Тот сидел в наушниках, слушал музыку.

– Моцата да Вивади, – отвечает.

И правда! Забавный такой. Еще плохо говоривший внучек слушал Моцарта и Вивальди. Да где это все происходит? В Австрии, а может, в Италии? Нет! Происходит это в России, в Сибири, в Кузбассе.

Бабушка – обладатель самой гуманной профессии на планете: врач акушер-гинеколог. Она приняла сотни родов, в свои ласковые, нежные и умелые руки брала только что родившийся живой, беспомощный комочек и, словно голубка, выпускала в свет – лети, расти, твори, будь счастливым.

Лилия Егоровна Чеботарева (Новикова) вполне могла стать профессиональной певицей. Обладала великолепным сопрано. Выигрывала конкурсы, блистала на фестивалях. Вершиной ее вокального мастерства была «Песня Сольвейг» Грига, исполненная ею – еще студенткой мединститута – на заключительном концерте лауреатов областного конкурса исполнителей в ДК шахтеров в Кемерове.

Ее талант открыла и отшлифовала Любовь Игнатьевна Давыдова. Старожилы-кемеровчане помнят эту удивительную женщину. Фанатично влюбленная в музыку, она создавала хоры в школах города. Каким-то особым чутьем отыскала и Лилию в 4-й женской (тогда было отдельное обучение) школе.

Превосходный слух, врожденная музыкальность, сказочно красивый голос – прямая дорога в консерваторию. Однако мама Лили, которая тоже имела хороший голос и слух, была замечательной медицинской сестрой. Галина Филипповна жива, слава богу, по сей день. Она-то и настояла, чтобы дочка стала врачом.

В печальном 1944 году, когда Лиле было всего пять лет, Галина Филипповна овдовела. Лилин отец погиб в небе Новгородчины смертью храбрых. Молодой, красивый, отчаянно-смелый летчик. Старший лейтенант Георгий Новиков был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени и орденом Отечественной войны. Накануне смертельного боя был подписан указ о награждении его вторым орденом Отечественной войны.

Об этой героическо-трагической истории я писал в 2005 году в газете «Томь». И тогда, и сейчас молодой летчик-истребитель Новиков представлялся мне одним из героев фильма «В бой идут одни старики», где рефреном звучала «Смуглянка» в великолепном исполнении летчиков, которым суждено было погибнуть в воздушных боях.

Лилин отец славно пел, задорно плясал, был душой компаний. Внуки и правнуки растут, догоняют и перегоняют вечно 26-летнего дедпрадеда героя. В уютном, хлебосольном доме Чеботаревых, кажется, ковры, люстры и картины пропитаны музыкой. Только не было и нет в этой квартире роскоши. Семья жила в музыке, музыка жила в семье. Она занимала все пространство, обитала в душах и сердцах. Была образом жизни, религией...

Главу этого чудного семейства – Владимира Чеботарева – знаю с тех пор, когда Володя еще не купался в славе, когда он не обладал еще сердцем моей сокурсницы и сотрудницы – Лили Новиковой.

В институте мужская часть будущих врачей была влюблена в Лилю. Она выбрала Володю. Этот завидный во всех отношениях брак уж точно «вершился на небесах».

У Володи Чеботарева мама – чудо! Валентина Ивановна – прокопчанка. В молодости и в зрелости была развеселая, моторная, заводная. Играла на семиструнной гитаре, пела, плясала. Под аккомпанемент оркестра русских народных инструментов выступала на сцене. Пела популярные, мелодичные, чувственные песни, романсы. Сыну купила гармошку. Гармошку сменил баян. Володя сам подбирал мелодии.

В 16 лет стал посещать школьный духовой оркестр. (Как выяснилось, учиться никогда не поздно!) Сначала как новичку ему дали «альтушку», но его манила труба, а труба рвалась в руки Володи.

И все как в сказке сплелось-переплелось: судьба привела его в Кемеровское музыкальное училище, а там состоялась судьбоносная встреча с Владимиром Ивановичем Созиным.

После Новосибирской государственной консерватории, где наставником был Иосиф Бобровский, стал музыкантом.

Тяжкие времена пережили Володя с Лилей – ни квартиры, ни денег, нужда. Но была всепобеждающая любовь! Верили и надеялись. И признание пришло. Звания, конкурсные победы, гастролы по всему миру.

Обрели какую-никакую квартиру и вырастили двух, с интервалом в восемь лет, сынов – Женю и Георгия.

Порой настоящие артисты с консерваторским образованием уязвимее в финансах, чем кабачные лабухи, «фанерщики», заполонившие эстра-

ду, эфир, сцены, клубы и приличные залы с неприличной, на дешевый вкус псевдомузыкой.

На концертах симфонического оркестра, где блистали Владимир – золотая труба, сын Евгений – виртуозное фортепиано, сын Георгий – бархатный фагот, практически одна и та же публика. А концерты – сказка!

Мне особенно запомнился концерт, посвященный 100-летию Джорджа Гершвина и 25-летие творческой исполнительской деятельности заслуженного артиста России – трубача Владимира Чеботарёва. Ранее довелось слушать оркестры под управлением народных артистов СССР – Ниязи, Натана Рахлина, Вероники Дударовой и даже Евгения Светланова, но – пусть простят меня всемирно известные мэтры – такого трубача, как наш Володя, у них нет!

И ещё. Здорово, когда профессионал, достигший значительных исполнительских высот, делится своим искусством с учениками. Владимир окунул в волшебный мир музыки не только своих детей и внуков, но и многочисленных учеников. В Кемерове нет, пожалуй, ни одного заметного трубача, который не прошёл бы фантастическую школу профессора Владимира Владимировича Чеботарёва.

Его кредо – не только научиться играть классику, не только состояться настоящим музыкантом, но и стать хорошим человеком. Владимир Владимирович научил своих детей и внуков по крови, детей и внуков по музыке различать чёрное и белое, плюс от минуса, горячее от холодного. Научил отличать искусство от халтуры.

Женя и его жена Жанна, кстати, тоже Владимировна, подарили миру четверых расчудесных детей, деду Вове и бабе Лиле – внуков, прабабушке Гале – правнуков. Женя с Жанной познакомились в музыкальном училище нашего города будучи студентами, Жанна по специальности дирижёр хора, после училища в 1991 году успешно окончила Кемеровский университет культуры. У нее редчайшая и ответственнейшая

должность – она регент в Знаменском соборе. Мало руководить хором, необходимо быть и духовным наставником своих подопечных.

Помимо хора в соборе в ведении Жанны Владимировны и детский хор воскресной школы – плодотворное сочетание педагогической и воспитательной деятельности.

Женя, как и отец, успешно окончил Новосибирскую государственную консерваторию. Пианист – от Бога. Тоже объездил полмира, а в США состоялось его сольное выступление.

Музыкальная семья. Духовное единство, родство душ. Большая любовь и, как следствие, – райские плоды этой любви да постоянное внимание Бога. Ну, скажите на милость, не святые ли это знаки: сын – дочь, сын – дочь. И сами ли Женя с Жанной рассчитали годы рождения своих детей: 1984, 1988, 1994, 1998...

Сереже 23 года. В 1998 году с отличием окончил ЦДМШ № 1 по классу скрипки, был лауреатом городского и областного конкурсов юных скрипачей. В 1997 году в малом зале филармонии Кузбасса состоялся необычный концерт. Звучали произведения Вивальди, Моцарта, Гайдна, Дворжака. Исполнителями были: Владимир Чеботарёв – труба, сыновья Евгений – фортепиано, Георгий – фагот, и сын Евгения, внук Владимира Сережа – скрипка. Вот так!

Сейчас Сергей – студент Новосибирского госуниверситета, изучает информационные технологии. Музыкальная информатика входит в сферу его интересов. Валерия, 19 лет. Студентка IV курса Кемеровского музыкального училища. Награждена медалью «Надежда Кузбасса». Лера гармонично сочетает учёбу с работой в губернаторском хоре «Утро». По классу фортепиано обучается у преподавателя И. Н. Бельтюговой.

Володя, 13 лет, учится в экономической гимназии в седьмом классе, музыкой увлекается с пяти лет, окончил музыкальную школу по клас-

су фортепиано. Был лауреатом конкурсов юных пианистов.

Младшему Мише – 9 лет. Он учится в экономической гимназии № 17. Четыре года занимается в детской художественной школе № 1 и, конечно же, в музыкальной школе на вокальном отделении. Такой же красивый и талантливый, как его отец и как его старший брат. Георгий – артист симфонического оркестра Кузбасса, артист оркестра Музыкального театра Кузбасса. Играет на фаготе и саксофоне, концертмейстер группы фаготов. В 2001 году Георгий принимал участие в уникальном проекте, организованном Музыкальным театром Кузбасса и Нюрнбергским театром «Новая опера». Помимо спектаклей состоялась благотворительная акция, где звучали сольные выступления, и все сборы были направлены на приобретение медицинского оборудования для детской больницы города Кемерово. Творческое кредо Георгия: пропаганда классической музыки в её первозданном виде.

Друг, соратник и жена Георгия Лариса окончила музыкальное училище, в 2000 году – с отличием Кемеровский университет культуры и искусств. Лариса – талантливый генератор идей. Её методические разработки широко используются преподавателями школ города. Конкурсы, фестивали, смотры – это все её жизнь. У Ларисы и Георгия расчудесный парень – шестилетний Валентин. Скоро – в школу!

Конечно, семья Чеботарёвых известная, популярная, знаменитая. Конечно, этой семье неведомы раздоры, эксцессы. Сердце радуется, что такие семьи есть в России и у нас в городе.

В июне этого года мы с бабушкой Лилей, моей замечательной сокурсницей, отмечаем 45-летие окончания мединститута. На вечере встречи Лиля, конечно, споёт. Может, под аккомпанемент либо сына, либо внука – выбор большой. Конечно, с этой датой бабушку и маму поздравят дети и внуки.

- 2007 год. Семья Чеботаревых
- 2007 год. Госэкзамен Леры Чеботаревой. На первом плане В. В. Чеботарев

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РУКОПИСИ

В феврале 2009 года ушла из жизни Эвелина Владимировна Суворова, заслуженный работник культуры РСФСР. Старейший журналист Кузбасса, с 1951 года после окончания Уральского государственного университета она работала в различных газетах нашей области – «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Земляки».

Особое внимание в творчестве Эвелины Владимировны занимали темы культурной жизни Кузбасса. Ее многочисленные талантливые публикации о театральном мире, работе режиссеров и актеров, художниках всегда находили живейший отклик в душах читателей.

Сын Э. В. Суворовой Алексей после кончины матери любезно предоставил в областной краеведческий музей ее архив. В архиве находилась простая серая папка с тесемками и надписью «Черновик театральных рукописей». В папке оказались отредактированные Э. В. Суворовой рукописи бывших актеров драмтеатра П. Г. Князева, А. Н. Самохвалова, статья главного художника театра М. Т. Ривина и копия рецензии неизвестного автора на московские гастроли театра в 1981 году.

В преддверии 75-летия театра редколлегия альманаха «Красная Горка» публикует подготовленные членом редколлегии А. А. Лопатыным отрывки из рукописей и статьи, обнаруженные в архиве Э. В. Суворовой, а также постановление коллегии администрации Кемеровской области № 472 от 6 ноября 2008 года, которое наконец узаконило имя А. В. Луначарского в названии Кемеровского областного драматического театра.

● Николай Сличенко и Эвелина Владимировна Суворова

П. Г. КНЯЗЕВ

В ТРЕВОЖНОЕ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

1941 год. Воскресный день. Солнце светит по-летнему ярко. Из приемника льется веселая музыка. Ожидая завтрака, с приготовлением которого на кухне возится жена, просматриваю местную газету «Красное знамя».

Вдруг музыка, звучавшая по радио, оборвалась, и голос диктора с какой-то тревогой объявил о том, что сейчас будет передаваться важное правительственное сообщение.

Так мы в Томске узнали о начале Великой Отечественной войны. Дома не сиделось. Казалось, все население города вышло на улицы. На площади стихийно возник многочисленный митинг. Звучали призывы сплотиться вокруг ленинской партии, ораторы призывали к защите Родины.

От Томска до фронта тысячи километров, но эхо войны быстро долетело до нас. В театре заканчивались репетиции спектакля «Анна Лучинина» по пьесе К. Тренева, в котором мне была поручена роль Лучинина. В конце репетиции стало известно, что наш театр переводится в Кемерово и сливается с труппой имеющегося там театра.

Стало также известно, что новосибирский «Красный факел» переводится в Кривошеково, а в его помещении будет работать ленинградский академический театр имени А. С. Пушкина. В Сталинск (ныне Новокузнецк) направляется Московский театр оперетты, а Сталинский театр имени С. Орджоникидзе переезжает в Ленинск-Кузнецкий.

В конце июля после выпуска «Анны Лучининой» приступили к сборам и отправке имуще-

ства в Кемерово. Мне поручили проследить за костюмерным цехом. Заведующая костюмерной А. В. Зонова, как скупой рыцарь, с трудом расставалась с костюмами, которые накапливались в театре в течение 80 лет.

Она подолгу рассматривала каждый костюм. «Нет, этот я оставлю здесь! Все равно вы скоро вернетесь обратно», – говорила она, откладывая платье в сторону. Только благодаря моей настойчивости удалось забрать часть костюмов в Кемерово. Из-за парчи мы с ней просто поссорились. А как она нам потом пригодилась при постановках пьес «Орел и орлица» и «Василиса Мелентьева»!

5 августа со всем скарбом, кошками и собаками в двух вагонах отправились в путь и на следующий день рано утром были в Кемерово.

Город встретил нас пламенем коксовых батарей химзавода. Багрово-черные клубы дыма, окутывавшие территорию вокзала, зримо напоминали о войне.

К нашему приезду городской драматический театр Кемерова занимал весь Дворец труда, но потом пришлось потесниться. Левое крыло уступили радиокомитету, в правом разместились парткабинет и музей. Большинство артистов на жительство определили в актерское общежитие, что находилось в Соцгороде. Чтобы благополучно оттуда добираться до театра, приходилось в непогоду привязывать галоши веревочками. Мы с женой комнату сняли поближе, на Угловой.

Вот и первая встреча объединенных трупп. Актеры знакомятся быстро. Возглавил коллектив В. В. Гарденин, приехавший с нашими из Томска. По городу расклеены афиши, сообщавшие, что в начале сентября состоится открытие сезона, и репертуар Кемеровского городского драматического театра имени А. В. Луначарского. Объединенный коллектив стал носить имя первого наркома просвещения Анатолия Василье-

- П. Бетев и П. Князев в пьесе Б. Розова «В поисках радости»
- В. Самойлов и Г. Ишкова в пьесе Цао Юй «Тайфун». 1958 год

вича Луначарского, присвоенное Томскому драматическому театру в 1923 году.

И действительно, 5 сентября сыграли первую премьеру «Парень из нашего города» К. Симонова. В сентябре же зрители могли побывать еще на двух премьерях и увидеть «В степях Украины» А. Корнейчука и «Даму-невидимку» П. Кальдерона. Кроме того в этом месяце было сделано семь выездных спектаклей, дано 16 концертов на площадях, призывных пунктах, на предприятиях. Артисты приняли участие в вечере, сбор от которого пошел в фонд обороны страны.

В один из зимних дней увидел из окна нашего дома, что на запасные пути прибыли эшелоны со станками и заводским оборудованием. А вскоре стало известно: театр должен уступить свое помещение заводу «Карболит». Нас перевели в кинотеатр «Москва». С утра до семи вечера здесь демонстрировались фильмы. Потом начинали работать мы.

Сначала трудно было приноровиться к узкой эстрадной площадке, но закрыли оркестровую яму, а оформление стали устанавливать до конца авансцены. Само же помещение кинотеатра было вместительное, расположено удобно, и зрители охотно пошли сюда.

Каждый вечер перед началом спектакля на авансцену выходил агитатор и в сжатой форме рассказывал о сводке с фронта «В последний час», сообщал он и о трудовых подвигах кемеровчан. Часто после агитатора на сцену выходили местные поэты и читали только что написанные стихи, в которых славил подвиги защитников Родины. Но не только на основной сцене показывались спектакли. Мы часто выезжали в шахтерские клубы. В антрактах сообщали зрителям сводки Информбюро. Обращались к зрителям с призывами: «Больше снарядов! Больше угля!»

А угля не хватало. Погасла топка в котельной кинотеатра, и стало холодно во всем здании. Репетировали в шубах, в валенках, а выходить-то на сцену приходилось в легких платьях. Но ничего, терпели.

Комнаты в общежитии тоже стояли нетопленные. Спать ложились в верхней одежде. От каждого предприятия ежедневно выделяли по несколько человек и направляли работать в шахту. Настал и наш черед. Работали мы на шахте «Южной». Громадными лопатами грузили уголь на транспортеры. Питание было свое – 400 граммов черного хлеба, который запивали водой. Запешь водой – вот тебе и завтрак, и обед, и ужин. Вскоре потеплело в наших комнатах – не зря, видать, работали.

Несмотря на трудности, творческая жизнь в театре находилась на подъеме. Были поставлены большие, пронизанные патристическими чувствами художественные полотна: «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, Ф. И. Евдокимов блестяще сыграл Кутузова, а И. М. Китов-Крамов – Наполеона. Они добились и большого портретного сходства, а главное – исторической достоверности. Их роли причислены к лучшим работам тех лет. С появлением в репертуаре этих спектаклей началось настоящее паломничество зрителей. Билеты можно было достать только «по знакомству». С гордостью свидетельствую: неплохо поработал наш коллектив в годы Великой Отечественной войны. Как могли и мы приближали победу, своими спектаклями вызывая у трудящихся города патристические чувства и тем самым мобилизуя их на более производительный труд.

Князев Петр Григорьевич (1898–1980), заслуженный артист РСФСР, 20 лет проработал в Кемеровском драмтеатре, вел активную общественную работу, избирался депутатом Кемеровского областного Совета, был председателем Кемеровского отделения ВТО.

А. Н. САМОХВАЛОВ

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

...Шел 1961 год. Наступало время отпусков в Камчатском театре. Вдруг неожиданно получаю письмо от своего старого знакомого Юрия Васильевича Изюмского с приглашением приехать работать в Кемеровский областной драматический театр. В июне приехал для знакомства. Театр отправлялся на гастроли по области. Я решил поехать с группой, которая выезжала в Анжеро-Судженск. Спектакли произвели на меня противоречивое впечатление. При очень сильном и интересном творческом составе качество спектаклей было низким. Все больше укреплялся в мыслях вернуться снова на Камчатку, но Юрий Изюмский был хитрым и мудрым директором, он знал, чем можно удержать актера. И когда мне показали будущую квартиру на Весенней улице, участь моя была решена. В те годы о такой квартире можно было только мечтать. Театр переживал организационные неурядицы: уходил главный режиссер театра Яков Бродский, окончательно ушел из театра Або Яковлевич Волгин, заслуженный артист РСФСР П. Князев, а перед этим покинул Кемерово Владимир Самойлов. Потери были невосполнимыми.

Сезон начался очень неровно, зрители уже видели старые спектакли: «Океан», «Люди, которых я видел», «Иркутская история». Нового репертуара не было. Театральная студия, которую набрали год назад, осталась без руководителя. Принявший театр главным режиссером Давид Аронович Левин не смог сразу создать новый репер-

туар, приехавшие в театр в качестве очередных режиссеров Павел Подеревянский и Яков Бронштейн только начинали знакомство с труппой и пока ничего предложить не могли. Как всегда в таких случаях, началось восстановление старого репертуара. Больше всего запомнился «Океан» – спектакль, который за счет старых исполнителей отличался слаженной игрой актеров, настоящим актерским ансамблем. Игра Петра Бетева, Александра Бугреева, Галины Ишковой привлекала в зал зрителей. Театр продолжал жить своим прошлым. Зрители любили свой театр, своих актеров.

Но вот началась работа и над новыми спектаклями. Мы вместе с пришедшим со мной артистом Станиславом Балакиным попали в спектакль режиссера Павла Подеревянского «Божественная комедия». Это был для нас рискованный эксперимент. Кемеровский театр был первым, кто рискнул поставить пьесу, написанную для кукольного театра, на большой сцене. Вновь пришедшим актерам и режиссеру нужно было доказать свое право работать в этом театре. Студийцы впервые выходили на профессиональную сцену, это была первая проба постановки музыкального спектакля... Работа увлекала. Репетиции проходили с большим подъемом. Огромный вклад в создание спектакля внесли главный художник театра Марк Теодорович Ривин и главный дирижер театра оперетты Евгений Михайлович Лугов. Раскрепостилась фантазия всех участников спектакля, находки, предложения сыпались как из рога изобилия. Вспоминаются и смешные, и драматические детали работы. Например, эскизы костюмов переделывались несколько раз. Актеров и актрис раздевали и смотрели на фигуру, в результате этих «смотрин» некоторых актеров и актрис не утвердили на роль. Долго не утверждали меня на роль Адама: в то время у меня появился «животик», и это смуща-

● А. Самохвалов в пьесе М. Горького «Мещане»

ло главного художника. Наконец, выход был найден: Адама вместо трико одели в туго облегающий комбинезон с детским слюнявчиком, и это хорошо работало на образ. Большие дебаты велись вокруг Евы – устраивало одно, не устраивало другое... Наконец остановились на вновь прибывшей актрисе Ольге Байкаловой. Началась захватывающая творческая работа.

И была премьера... Цветы, поздравления... и творческая победа! Хотя газета «Комсомолец Кузбасса» выдала не очень лестную рецензию, зрители шли и шли на спектакль. Рецензент Ю. Баландин в газете

«Кузбасс» очень высоко оценил почин театра, верно раскрыл замысел и идею спектакля. «Божественная комедия» – это божественно...» – таким каламбуром он начинал свою рецензию. На сцене засверкали чудесные актерские работы С. Балакина – Ангел «Д», Г. Бюллер – Бог, Т. Кораблева – Первая женщина. О каждой из этих работ можно было написать целую статью. Например, когда актер Г. Бюллер начал репетировать роль Бога, раскрывая в нем черты характера одного из высоких руководителей, в то время это было до того смелым шагом, что сначала все перепугались. Посыпались советы не делать этого...

Но режиссер и актеры стояли на своем, и в результате этот образ стал одной из главных побед в спектакле, способствующих его успеху. Это подтвердилось на гастролях в городе Алма-Ата. Открывая гастроль «Божественной комедией», театр шел на риск, но спектакль имел большой успех, и, что самое удивительное, он имел успех у руководителей республики. И только теперь, через 20 лет, становится понятным почему: они вволю потешались над «Богом», понимая, что театр имел ввиду конкретное лицо. Театр был награжден грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

Театральное время идет быстро и измеряется оно датами выпуска спектаклей, их успехами и неудачами. Сезон 1962/63 года не принес особых побед. В коллективе резко обозначились группировки: «старые», «новые». Появились премьеры: «Проводы белых ночей» В. Пановой, «Моя старшая сестра» А. Володина, «Время любить» Б. Ласкина. Несмотря на репертуарный разноречивый, отсутствие творческой целеустремленности, в спектаклях были хорошие актерские работы. Но театр как бы остановился на месте: репертуарные метания, неприятие группой «стариков» методов работы нового главного

режиссера и очередной режиссуры, натянутые отношения между «новыми» и «старыми» актерами не способствовали творческому росту коллектива. Для меня лично в то время этих проблем не существовало: все мое время поглощало преподавание актерского мастерства в студии. К моей радости, этот выпуск просто изобиловал способными ребятами, и это настолько увлекало, что не хватало времени следить за театральной суетой.

Театр резко пошел вниз, началось его падение с началом работы над пьесой «Клоп» В. Маяковского. Начал ставить спектакль режиссер П. Подеревянский, вероятно, успех «Божественной комедии» заставил его переоценить свои режиссерские силы и возможности. В спектакле «Клоп» был занят почти весь коллектив, смешались все возрасты, школы, идейные воззрения и направления. Управлять таким составом исполнителей было не просто, тем более, что режиссер просто не был готов к постановке такого сложного спектакля. Он просто не знал, что и зачем нужно ставить, вероятно, надеясь, что опять, как в предыдущем спектакле, выручит способность актеров к импровизации. Все это привело к скандалам на репетициях, недоверию к режиссеру, и ему пришлось еще в период застольной работы отказаться от постановки спектакля и уйти из театра.

К работе приступил главный режиссер Давид Аронович Левин. Переделка чужого спектакля для любого режиссера почти всегда затея, обреченная на провал. И после второй премьеры спектакль начал разваливаться, начались актерские «шутки», импровизация, которая иногда была во вред спектаклю. Запомнилась очень злая «шутка». В спектакле был занят актер-пенсионер С. Бассанов, человек очень старательный. В сцене пьянки он изображал парикмахера и по ходу действия втыкал одной из актрис

в голову вилку. Еще на репетициях актриса все время возмущалась, что актер делает это неумело, и боялась за свою голову. Решили сделать резиновую вилку и тем самым устранить всякий риск. Все было хорошо... до премьеры: на премьерном спектакле кто-то решил «подшутить» и подменил резиновую вилку настоящей. От серьезной травмы актрису спас парик – он съехал с головы, когда в него рьяно воткнули вилку. Да, бывали такие вот «шутки» на сцене...

Откровенный провал «Клопа» сильно пошатнул авторитет главного режиссера. Даже относительный успех театра с пьесой «Палата» С. Алешина почти не изменил положения. Назревал извечный театральный конфликт директора и главного режиссера, первопричиной которого часто оказывается война между «руководящими женами», которые никак не могут поделить сферы влияния и центральную роль. И, как всегда, такой конфликт заканчивается уходом одного из руководителей. Не был исключением и наш театр, первым был вынужден уйти директор Юрий Васильевич Изюмский. Шли усиленные поиски директора. Наконец, по личной договоренности с Д. Левиным был приглашен бывший директор Благовещенского театра Н. Стародуб.

Этот руководитель заслуживает, чтобы сказать о нем подробнее. Большой мастер своего дела, он был настоящий специалист, в полном объеме владеющий театральными спецификой. И то, что произошло после его приезда еще до принятия дел, до сих пор остается для всех загадкой... На второй день своего директорства Н. Стародуб потребовал освобождения от должности главного режиссера театра Д. Левина. Как гром среди ясного неба! Левин нашел Стародуба, а Стародуб требует снятия Левина?.. Непостижима ты, стезя театральная! Но все эти события проходили мимо меня – студия поглощала все свободное время.

После ухода главного режиссера я был назначен художественным руководителем театральной студии. Это был последний выпускной год. Дипломные спектакли готовили режиссеры Г. Бурков «Возраст космонавтов» Э. Радзинского, Я. Бронштейн «Преступление и наказание» Ф. Достоевского и два спектакля – «Женитьба Бальзамина» Н. Гоголя и «Королевство кривых зеркал», шли в моей постановке. Как большой праздник, запомнился день выпуска студентов. Были слезы радости и расставания. Клятвы не забывать своих педагогов – и тайное стремление уехать в другой театр на настоящее дело. Был организован показ дипломных спектаклей на селе, и после этого питомцы нашей студии разъехались к местам новой работы. До сих пор помню их лица. Волнуюсь за их судьбу. Рад, что многие из них как актеры состоялись, получили признание и все полагающиеся при этом регалии. Счастливой им дальнейшей дороги в искусстве!

А театральная жизнь продолжала свой бег. Существование без главного режиссера, естественно, не приносило труппе творческих успехов. Остался один режиссер – Я. Бронштейн, он поставил свой последний спектакль – «С любовью не шутят» Д. Кальдерона, и тоже покинул театр. А коллективу нужно готовиться к гастролям в Иркутске. Репертуара не было, восстанавливались старые спектакли, вплоть до «Иркутской истории» А. Арбузова. Предстояла тяжелая поездка. После двадцати дней гастролей в городе Иркутске я был срочно вызван в Кемерово в обком партии. Мысль была одна – случилось что-то неприятное с моими студентами. Они в это время были на сельских гастролях. А оказалось, что меня пригласили, чтобы назначить директором театра. Николай Федорович Стародуб уезжал обратно в город Благовещенск. В моей актерской биографии начиналась новая страница...

Директор театра, откровенно говоря, не был готов ни морально, ни профессионально к исполнению сего «почетного поручения». Для этого было много причин: после своей семейной трагедии все еще находился в какой-то прострации, не хотелось жить, спасала меня только работа: студия, режиссура, актерство, работа на радио и телевидении. Трудно было, когда приходил домой и понимал, что комната дочери пуста, что ее уже нет. Никогда и никто меня уже не будет встречать своей особенной детской улыбкой, не будет иронизировать над моими «домашними недостатками и промахами»...

Прекрасно понимал, что такое быть директором театра, и особенно – в этой обстановке: нет главного, нет администратора, нет режиссуры, молодежь уходит из театра. Плохо проведенные летние гастроли дали дефицит и посадили театр на картотеку, а это значит – нечем платить зарплату. Но с другой стороны, в этот театр уже была вложена частица души, знал, что с директорскими кадрами трудно. Кто придет к руководству? Что будет с актерами, которые пришли в театр недавно и еще не успели укрепиться в нем? Что будет со студийцами, которых мы оставили в театре.

Все эти вопросы нужно было решить для себя в течение двух дней.

При последней беседе с первым секретарем обкома КПСС Афанасием Федоровичем Ештокиным я еще сопротивлялся, высказывал все свои сомнения и открытую боязнь, и, как ни странно, это и решило мою судьбу. «Чтобы вся эта мешанина вылетела из вашей головы! Будете работать директором театра. Будете получать любую помощь, какая будет необходима театру. Можете на нас рассчитывать. Мы в вас верим. Идите и работайте». Что же оставалось делать после такого напутствия. Идти и работать...

Хочу сказать несколько теплых слов о замечательном человеке – Афанасии Федоро-

виче Ештокине. Скоро полвека как работаю в театре – на пути попадались руководители разного толка и ранга, и только он один порадовал своей заинтересованностью, своей любовью к театру. Сам лично, а не через аппарат обкома, вникал во все сферы работы коллектива. Не было такой премьеры, когда бы его пятое и шестое места пустовали в шестом ряду. После окончания спектакля не считал зазорным пройти за кулисы и поблагодарить актеров. Квартиры, машины, помощь в снабжении театра необходимыми материалами, организация шефской помощи заводов, наконец, и то, как составлялся репертуар, – все становилось объектом внимания первого секретаря обкома партии. Даже укрепление авторитета директора театра входило в круг его внимания. Вспоминается один эпизод. Театру срочно был нужен новый автобус. При посещении А. Ф. Ештокиным театра мы все время говорили с главным режиссером об этой нужде. Вдруг звонок от помощника первого секретаря – срочно прийти в обком партии, да не забыть пропуск на спектакль для зам. министра автомобильного транспорта. В антракте Афанасий Федорович шепнул мне: «Теперь проси у него машину». Ничего не соображая, забыв дипломатию, я бросился в бой. Зам. министра внимательно выслушал мою темпераментную речь и со вздохом заметил: «Да, дороговато обошлась мне эта контрамарка!»

Но машина – новый ПАЗ, мечта артистов, была у нас на второй день.

Сначала я не мог понять, зачем нужна была эта длинная комбинация? Разве секретарь обкома сам не мог решить этот вопрос с зам. министра? И только потом понял: ему важно было сделать так, чтобы вся слава досталась директору театра: только начал работать – и уже добыл машину! И он был прав – это здорово подняло авторитет директора в глазах коллег. И теперь, когда вижу, как равнодушное

отношение партийных и советских руководителей губит хорошие творческие коллективы, всегда вспоминаю о заботе Афанасия Федоровича Ештокина.

Трудно начиналась моя деятельность на новом поприще. «Старики» не хотели видеть меня в этой должности. Непреодолимой была эта глухая стена непонимания. И, естественно, делал ошибки, которые не укрепляли моего авторитета. Но два человека встретили меня в роли директора неожиданно радостно: Марк Теодорович Ривин, главный художник театра, и зав. труппой Герман Александрович Никольский. Это была мощная поддержка. Люди, обладающие огромным профессиональным мастерством, опытом, непререкаемым авторитетом, стоили многих десятков неискренних «доброжелателей».

Нужно было решить три главные задачи: с достоинством открыть новый театральный сезон, укрепить администрацию, найти главного режиссера и очередную режиссуру...

Самохвалов Алексей Николаевич проработал в Кемеровском драмтеатре около десяти лет.

М. Т. РИВИН

ЕСЛИ Б ВОПЛОЩАЛИСЬ ВСЕ МЕЧТЫ

Когда меня спрашивают, почему я избрал профессию театрального художника, я отвечаю так.

В детстве кинофильмы я подглядывал через щели забора в летнем театре. В стенах театра таких щелей не предусмотрели, вот я и решил найти законное право бесплатно и ежедневно смотреть спектакли. Для этого несколько лет

я посещал Ассоциацию художников Червонной Украины и несколько лет учился в Харьковском художественном институте.

Контрамаркой на все спектакли театров стал диплом художника театра, и вот уже 30 лет, аккуратно исполняя свой долг перед театром, я оформляю в среднем по 5–6 пьес в год.

Как мы работаем с режиссером над спектаклем? Примерно так. Встречаемся, рассуждаем, спорим, мечтаем, фантазируем, рисуем (на песке, на папиросных коробках, на асфальте, в воображении), эти встречи случаются днем, на рассвете, вечером, а часто ночами напролет. Надоев друг другу, расходимся в разные стороны, чтобы через некоторое время снова дружно читать, наблюдать, рассуждать, спорить, фантазировать, мечтать и, конечно, рисовать (но уже на стенах, на полу, на собственных ладонях).

Длится это до тех пор, пока не появится грозный директор театра и не напомним, что все сроки творческой работы истекли. Вот тут мы послушно опускаемся на землю, то есть приступаем к воплощению спектакля на сцене.

Какие пьесы я предпочитаю оформлять?

Прежде всего пьесы, в которых не более 20 картин. Уж больно много появилось пьес с большим количеством картин или эпизодов, и это создает излишние трудности в работе художника. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день увижу примерно такую афишу: «Кемеровский драматический театр им. А. В. Луначарского «Еще раз про ревность», пьеса в 80 картинах и 33 эпизодах. На рассвете после окончания спектакля зрителям будут поданы автобусы со спальными принадлежностями».

Какой я вижу театральную сцену ближайших лет?

В прошлом и донине существовали и существуют зрелища на открытом воздухе или

на площадках на фоне архитектуры. Вероятно, к этому придет и театр. Но не исключено, что будет существовать интимный театр, заключенный в четырех стенах.

Из каких, по моему мнению, материалов будут изготавливаться декорации в будущем? Я выдам мечту директоров театров, их несбыточные мечты.

Декорации будут изготавливаться из воздуха. Только из воздуха! Воздух ничего не будет стоить! Не понадобятся снабжение, транспорт, склады, рабочие сцены.

Какими путями пойдет развитие театрально-декоративного искусства? Любыми, но не теми, которые приняты в кино. Ибо живой актер на ограниченной сценической площадке с технологией, не могущей уподобиться технологии павильонов и натуральных съемок кино, требует особо сгущенной эмоциональной философской атмосферы и категорического отказа от иллюстративно-иллюзорного фона.

Ривин Марк Теодорович, главный художник театра, заслуженный художник РСФСР, почти 30 лет служил в театре. В последние годы своей жизни заведовал театрально-декорационным отделением Кемеровского художественного училища. Умер М. Т. Ривин в 1987 году в возрасте 80 лет.

ВПЕРВЫЕ В СТОЛИЦЕ*

И вот наступил долгожданный день отъезда в столицу – 1 июня 1981 года. Он выдался погожим, солнечным. Вылетать должны были вечерним рейсом, но все отъезжающие, а это были главным образом артисты, днем пришли в театр. Директор, режиссеры, работники постановочных цехов уже были в столице. Решили на счастье и на память

сфотографироваться на фоне колонн театра. Снимок этот, напечатанный в «Кузбассе», предварил публикацию материалов с гастролей.

В минувшую зиму работать пришлось очень много. Хотя разговоры о гастролях в столице возникали не раз, но лишь к открытию сезона 1980/81 года стало точно известно, что с 3 по 16 июня 1981 года театру предстоит играть в Москве. И сам коллектив, и его руководство чувствовали – теперь можно дерзнуть показаться в столице: накоплен необходимый репертуар, труппа находится в хорошей творческой форме. К предстоящей поездке в Москву относились не просто как к гастролям, хотя бы и в столице, а как к подлинному творческому отчету, связывая с ним немалые надежды на дальнейшее движение коллектива вперед.

Гастрольная афиша сложилась из шести спектаклей. Классика была представлена эпическим «Тихим Доном» М. Шолохова и «Анной Карениной» Л. Толстого в новой сценической композиции драматурга М. Рощина, поэтический театр – спектаклем «Дарю небо и землю» по пьесе молдавского драматурга Иона Друцэ «Каса маре» и трагедией в стихах венгерского драматурга И. Катона «Банк-бан». Недавнее прошлое страны и история комсомола нашли отражение в героической хронике А. Арбузова «Город на заре», сегодняшний день – в спектакле «Повесть о семье» по пьесе украинского драматурга А. Коломийца «Дикий Ангел». В ходе гастролей московские критики напишут, что кемеровчане привезли репертуар, ни в одном театре страны не повторяющийся. Но при этом подчеркнут, что, к сожалению, он никак не связан с городом, в котором театр работает. «А было бы хорошо, – писали критики, – если бы в гастрольной афише нашли отражение и поиски театра в современной рабочей теме,

* Автор статьи не установлен.

такой, чтобы кузбасские зрители, ежедневно заполняющие зал, могли прежде всего окупаться в сложный мир окружающих их жизненных проблем, стать свидетелями художественного анализа их собственных дум...»

С пятью из шести спектаклей кемеровчане были знакомы – они держались в афише не один сезон, неплохо посещались. А вот премьера «Анны Карениной» фактически должна была состояться в Москве.

В тот сезон два московских театра объявили, что они намерены поставить инсценировку М. Рощина. В стане критиков вокруг нее закипели споры. вспомнили о пьесе Волкова по роману Л. Толстого, которая помогла в 30-е годы рождению одного из самых прославленных спектаклей МХАТа. В нем Анну Каренину играла несравненная Алла Тарасова, а образ «бездушной чиновничьей машины» – Алексея Александровича Каренина очень убедительно создавал Николай Хмелев.

Этот спектакль до сих пор театральной общественностью воспринимается как эталонный. Известный театральный критик заявила в печати: «Сверхсложная, имеющая свой ореол и легенду роль предъявляет к любой исполнительнице громадные требования и внешнего, и внутреннего порядка. Сегодня, пожалуй, невозможно назвать актрису, которая бы предъявила обоснованные права на исполнение роли Анны Карениной».

Опередив столичные театры, кемеровский дерзнул дать роману Л. Толстого сценическую жизнь и показать свою работу в столице. Режиссер-постановщик Б. Соловьев объяснил, что его привлекло в инсценировке М. Рощина: «Л. Толстой говорил, что в романе «Анна Каренина» для него самая главная мысль – семейная. М. Рощин сумел выявить эту мысль, главную и для нашего замысла спектакля, показав существование трех таких непохожих семейств: Карениных, Облонских

и Левиных, их радости, горести и беды, поиск гармонии в себе и в окружающем мире и невозможность счастья для них».

Ну, а самым главным аргументом, пожалуй, в этом выборе было то, что руководство театра считало – в труппе есть достойная претендентка на роль Анны Карениной – народная артистка РСФСР В. Литвинова. Спектакль готовился долго и тщательно. Оформление его было заказано известному московскому сценографу Вольскому, туалеты для Анны Карениной «сочинял» не менее известный модельер В. Зайцев.

Играть предстояло на одной из самых почетных сцен столицы – в академическом Малом театре СССР. Сердце какого артиста не забьется учащенно, когда на сцену ему надо проходить через фойе, в котором портреты великих корифеев русской драматической сцены словно бы смотрят вслед, желая успеха, а готовиться к выходу приходится в гримуборных, на дверях которых обозначены столь хорошо знакомые фамилии Царева, Гоголевой, Ильинского, Жарова!

Артисты признавались – вся окружающая атмосфера удваивала чувство ответственности, рождала желание не подвести. И они не подводили.

В день открытия гастролей, 3 июня, старинный зал Малого театра словно бы помолодел от обилия света, который излучали прожекторы телевидения, от цветов в руках нарядной публики. От имени театральной общественности Москвы со словами приветствия к кемеровчанам обратился народный артист РСФСР Борис Толмазов, успеха желали им коллеги из московских театров.

Открывались «Тихим Доном». Большой, монументальный спектакль прошел на едином дыхании, а Григорий Мелехов Аркадия Дахненко безоговорочно завоевал симпатии зрителей. «С нервом», на хорошем эмоциональном подъеме игрались и дру-

гие спектакли. Публики в зале было много. Как подсчитали в конце гастролей, загрузка приближалась к 97 процентам. Для лета и гастрольного периферийного театра эта цифра очень внушительная.

Но не нужно думать, что многомиллионная Москва, только услышав про приезд театра из Кузбасса, так вся и устремилась на его спектакли. Надо отдать должное организаторскому таланту В. Литвинова. Приезд театра был подготовлен превосходно. В разгар туристского сезона удалось создать коллективу очень хорошие бытовые условия – артистов разместили в гостинице «Россия», технический персонал – во втором корпусе гостиницы «Центральная», всего в нескольких минутах ходьбы от Малого театра. А это позволяло ежедневно четко, без опозданий проводить репетиции, тщательно готовить оформление к вечерним спектаклям, к сожалению, размеры сцен нашего театра и Малого не совпадают.

Афиши с репертуаром, щедро расклеенные на тумбах, выставленные в витринах театральных касс, выделялись цветом, рисунком. Информация о спектаклях шла в газетах, по радио и телевидению.

Зрители, пришедшие на спектакли, могли видеть в фойе фотовыставку, рассказывающую о Кузбассе. Ее подготовила областная организация Союза журналистов. Могли купить книги Кемеровского книжного издательства. Все это вызывало симпатии к сибирякам.

Но главное, конечно, спектакли. Они заинтересовали зрителей содержанием, нравилась игра актеров, оформление спектаклей. Об этом писали они в книге отзывов.

А как восприняла показанное критика? Статьи и обзоры опубликовали «Правда», «Московская правда», «Советская культура», «Социалистическая индустрия», «Литературная Россия», журналы «Театральная жизнь» и «Театр».

Состоялось обсуждение спектаклей в министерствах культуры СССР и РСФСР с участием ведущих московских критиков.

Что конкретно говорилось о спектаклях и исполнителях? Общий тон и оценки были очень благожелательными. Кандидат искусствоведения Ю. Рыбаков говорил, например, на обсуждении:

– Спектакли дали почувствовать творческую манеру, которая предполагает романтическое направление не только в выборе репертуара, но и в красках спектаклей. Спектакль «Банк-Бан» отличается единством стиля. Здесь ярко раскрываются сильные стороны актеров А. Дахненко, Л. Цукановой, В. Мирошниченко и Е. Шокина.

Критик Н. Абалкин поставил вопрос:

– Имеет ли театр право на постановку значительных и больших полотен, таких как «Тихий Дон», «Анна Каренина»?

И сам на него ответил:

– Имеет, если есть исполнители, подобные А. Дахненко, Л. Копыловой, В. Литвиновой и М. Варшаверу.

– Мне, – продолжал он, – понравились многие актеры. Е. Шокин выразительно сыграл мужика в «Анне Карениной», интересная у него роль в «Банк-бане». Прекрасным мастером показал себя К. Левашов. Широких возможностей актриса Л. Цуканова. В. Мирошниченко в первых спектаклях не хватало остроты. И вдруг роль маляра в «Диком Ангеле» – и сразу проступила творческая индивидуальность этого актера.

Рецензенты отмечали, что в спектакле «Повесть о семье» (режиссер А. Шалов), театр «вырастил» пьесу. Многие несоответствия и противоречия, имеющиеся в ней преодолены благодаря своеобразной трактовке образа главного героя – старого рабочего Платона Никитича Ангела артистом Б. Суровым. Б. Суров играет «над пьесой» – к такому выводу пришли критики.

Самое большое внимание и дискуссию вызвал, конечно, спектакль «Анна Каренина». Рецензенты дружно отмечали «достойное оформление», создающее на сцене образно насыщенную среду официального, каменно неподвижного Петербурга. Но костюмы, предложенные знаменитым В. Зайцевым, вызвали недоумение, прежде всего своей неравноценностью: многочисленные, «шикарные» туалеты у Анны, и бедные, бесстильные, неудобные – у других персонажей.

Если в большинстве обзоров (исключая «Театральную жизнь», в которой статья Ю. Зубкова была полностью посвящена только «Анне Карениной») об образе Анны говорилось мимоходом, вскользь, больше было рассуждений вообще о содержании, философии спектакля, то авторитетный критик ВТО А. Вольфсон весьма определенно высказался о работе В. Литвиновой в этом спектакле.

«В. Литвинова как будто сознательно ограничивает свой темперамент, как бы боится и не хочет показать силу и необъятность чувства своей героини, акцентируя зрительское внимание на мучениях ревности, терзающих Анну, на ее безрезультатных поисках выхода из положения, в которое она сама себя поставила. Надо сказать правду, автор инсценировки всячески помогает именно такому толкованию образа Анны, исключая из пьесы центральные сцены, повествующие о любви героини.

А вот чувства Каренина, его ревность, его любовь – да, да, настоящая, вызывающая сочувствие зала, – оказались на первом плане, и Алексей Александрович Каренин (М. Варшава) стал в силу этого единственным героем спектакля, чьи благородные поступки вызывают дружные аплодисменты зрителей.

Так вольно или невольно создатель впечатления, что театр, безоговорочно поверив Толстому-моралисту, не поверил Толстому-художнику, создавшему один из вершинных

женских образов в мировой литературе – образ человека, умевшего любить огромной, всепоглощающей любовью, которая опрокидывает все условности буржуазного общества».

Интересную и сложную работу М. Варшавера отмечали почти все, писавшие о спектакле, подчеркивая, что именно в образе, создаваемом им, прозвучала истинно толстовская мысль о неожиданном пробуждении человеческого и доброго в существе механическом и мертвом, мысль о крепости человеческого в человеке, даже таком роботе регламента и ритуала, как Каренин.

Размышляя об итогах гастролей, критик В. Максимова в обзорной статье, помещенной в журнале «Театр» писала: «Так чем они стали для коллектива – эти краткие летние московские гастроли? Школой? Экзаменом? Праздником? Побудительным импульсом движения к дальнейшему совершенствованию? Возможностью осознать, почувствовать свою силу и слабость?»

...Как обеспечить творческий рост театра, не растерять и не умалить его творческий потенциал, столь очевидно обнаруживший себя во время московских гастролей?

...Как не остановиться в движении, не замкнуться в достигнутом и освоенном главному режиссеру Б. Соловьеву, человеку, очевидно, способному, с хорошей школой, уверенным профессиональным мастерством? Опасность этой остановки есть. В спектаклях ощущаются однотипность режиссерских решений, излишнее пристрастие к локальной мизансцене, к пофигурной, а не многофигурной и сложной расстановке сил...»

И в других статьях и обзорах отмечалось, что режиссер боится многолюдных композиций, массовых сцен и строит спектакли лишь по диалогам и монологам, что в театре остро стоит проблема общей исполнительской культуры, что нужно и отлаживание труппы.

Когда коллектив готовился к поездке в Москву, Б. Соловьеву как главному режиссеру, приходилось давать интервью представителям печатных органов. Он заявлял тогда уверенно:

– Отчет в Москве будет проверкой нашего репертуарного курса, творческого уровня. Мы готовы выслушать самые различные мнения, критические замечания, обдумать, обсудить их, чтобы наметить перспективу дальнейшего движения вперед.

В Москве он еще раз подтвердил:

– И в появившихся статьях, и на обсуждениях подчеркивалось, что курс у театра верный. Труппа профессиональная, в ней много интересных актерских индивидуальностей. Но указывалось и на наши недостатки, недоработки, давались добрые советы. Подумать есть над чем. Есть о чем поговорить в труппе, когда станем анализировать итоги творческого отчета в Москве...

Коллектив уезжал из столицы воодушевленным. Предстояли еще довольно приятные гастроли в Полтаве и Симферополе, а далее виделась интересная работа: анонсировалась постановка «Вишневого сада» А. Чехова, не за горами был юбилей – пятидесятилетие театра. К нему хотелось подойти, поднявшись еще на одну ступеньку, и гастроли в столице помогли увидеть, что для этого нужно сделать.

Но, когда коллектив вернулся домой, выяснилось, что никаких обсуждений итогов, отчета не будет, никто и не собирается намечать перспективы. Между директором и главным режиссером идет настоящая война, которая, конечно же, размежевала и труппу. К концу сезона уехал из Кемерово Б. Соловьев, В. Литвинова перешла в филармонию, а театр, естественно, оказался в кризисе.

Вот таким неожиданно невеселым оказалось послесловие к гастролям в Москве.

КОЛЛЕГИЯ

АДМИНИСТРАЦИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от «6» ноября 2008 г. № 472
г. Кемерово

Об утверждении в наименовании Кемеровского областного театра драмы имени А. В. Луначарского

В связи с отсутствием документов, подтверждающих присвоение в годы Великой Отечественной войны имени А. В. Луначарского Кемеровскому областному театру драмы, а также фактическим использованием указанного имени в течение 65-летней деятельности театра и на основании ходатайства департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Коллегия Администрации Кемеровской области

п о с т а н о в л я е т :

1. Утвердить в наименовании Кемеровского областного театра драмы имя советского деятеля культуры А. В. Луначарского.

2. Управлению по работе со средствами массовой информации Администрации Кемеровской области (С. И. Черемнов) опубликовать постановление в сборнике «Информационный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области».

3. Контроль за исполнением постановления возложить на заместителя Губернатора Кемеровской области (по вопросам образования и культуры) С. А. Муравьева.

*Губернатор
Кемеровской области*

А. Г. Тулеев

НИКОЛАЙ БУРЦЕВ:**Дружеским штрихом**

Известный в Сибири живописец и график Николай Георгиевич Бурцев владеет искусством шаржа, может несколькими точными линиями сделать узнаваемым портрет своего героя, передать его характерные черты. Его рисунки доброжелательны, заставляют улыбнуться. Есть шаржи на друзей-художников, на друзей-артистов, на друзей-литераторов, на знаменитых чем-либо людей.

В 1973 году Николай иллюстрировал книгу пародий и шуток поэта-сатирика Владимира Матвеева «Копыто Пегаса». Вот какие стихи написал поэт на дарственном экземпляре. Они, понятно, не известны читателям популярной в свое время книги.

*Чтобы товарищей своих
Лягать при случае,
Одно «копыто» на двоих
Мы отчебучили.*

*И вот теперь понять дано –
Яснее ясного,
Что не ослиное оно,
Оно «пегасово».*

*Опять мы вместе неспроста,
Поется благостно...
Давай продолжим лет до ста
Свое соавторство.*

Николай Бурцев делал дружеские шаржи и до, и после выхода книги. Он передал нам несколько десятков своих рисунков, в том числе и недавних. В нашей публикации рисунки самодостаточны, говорят сами за себя, существуют без всяких прозаических или поэтических комментариев. Фамилии героев мы всё же укажем.

● Александр ВОЛОШИН,
писатель

● Василий ФЕДОРОВ,
поэт

● Александр КИРЧАНОВ,
художник

● Владимир САМОЙЛОВ,
артист

● Анатолий ЛОСЕВ,
артист

● Анатолий СРЫВЦЕВ,
критик

● Николай КАПИШНИКОВ,
музыкант

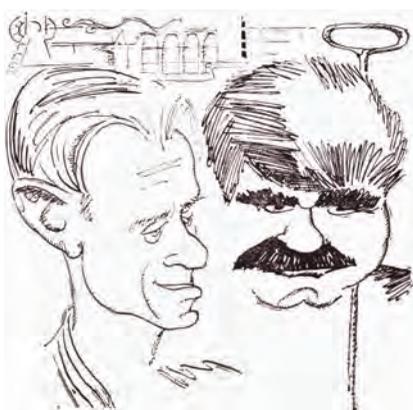
● Евгений БУРАВЛЕВ,
поэт

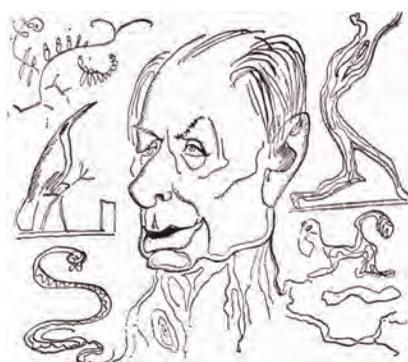
● Тамара ГОГАВА,
режиссер

● Александр АРТЕМЬЕВ,
художник

● Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ
и Гарий НЕМЧЕНКО,
писатели

● Петр КНЯЗЕВ,
артист

● Георгий БАРАНОВ,
скульптор

● Иван ФИЛИЧЕВ,
художник

● Николай БАЧИНИН,
художник

● Александр БОБРОВ,
артист

● Антонина СМАГИНА,
актриса

● Геннадий БЛИНОВ,
писатель

● Николай БУРЦЕВ,
художник, и Владимир
Матвеев, поэт

● Виталий БАННИКОВ,
журналист

● Олег ПАВЛОВСКИЙ,
писатель

● Вадим и Анатолий
ПРЕСНЯКОВЫ,
художники

● Руфина ОЗЕРОВА,
актриса

● Борис БУРМИСТРОВ,
поэт

● Зинаида ЧИГАРЕВА,
писатель

● Николай
МИХАЙЛОВСКИЙ,
скульптор

● Николай ВЕРТКОВ,
художник

● Алексей АБРАМОВИЧ,
критик

● Сергей ГЕРАСИМОВ
и Алексей КАПЛЕР,
ведущие «Кинопанорамы»

● Виктор ЗЕВАКИН,
художник

● Виктор ЧУГУНОВ,
писатель

● Владимир ВОРОШИЛОВ,
писатель

● Виктор БАЯНОВ,
поэт

● Евгений ЛУГОВ,
музыкант

● Александр АНАНЬИН,
художник

● Валентин МАХАЛОВ,
поэт

● Виталий РЕХЛОВ,
писатель

● Игорь КИСЕЛЕВ,
поэт

● Галина КУЗНЕЦОВА,
актриса

Василий ПОПОК

Поэты

В двадцать лет стихи лились из меня, как ручей из весеннего сугроба. Любого автора, от бродяги Франсуа до экс-архитектора Андрея Андреевича, прочитав с любой строки хоть днём, хоть ночью – пожалуйста.

Нынче, однако, «чукча» совсем склеротиком стал. От Франсуа только присловье, когда становлюсь на весы (они подо мною прогибаются): «И сколько весит этот зад, узнает скоро шея». Ну, может ещё: «От жажды умираю над ручьём». Перевод, кажется, Ильи Григорьевича.

Из некогда безумно любимого, молодого, как мы, Андрея Андреевича осталось в памяти несколько отрывков. И просто фрагментов. Один из них (коли студёный ветер в лицо): «Мороз драл рожу, как наждак».

Ещё из Велимира Владимировича (едва синий летний вечер затеплится) наподобие собачьей нутряной тоски: «Пали вои полевые на ночную тишину». И дальше медовый виолончельный перелив русских созвучий: «Полевая, в поле вою, полевую пою волю, умоляю и молю так волшебство ночной поры».

По-моему, в самом деле волшебство. Разве только у Сергея Александровича получалось ещё медовой, ещё естественней, когда слово за словом лепится как бы само собой, одно рождается из другого. Давними вечерами приятель Юрка Щербинин пел в роще Томского университета под гитару: «Милая, ты ли? Та ли? Эти уста не устали, эти уста, как в струях, жизнь утолят в поцелуях...».

Дальше замнём, дальше табу, потому что такими песнями Юрка успешно соблазнял девчат-сокурсниц.

Ну, вот ещё и Николай Степанович иногда вспомнится и споётся – почему-то на мотив телевизионной оперетки: «На полярных морях и на южных, по изгибам зелёных зыбей, меж базальтовых скал и жемчужных шелестят паруса кораблей». Или Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира в переводе блистательного Михаила Леонидовича процитирую, встав в позу Ленина на памятнике: «Что благородней духом – покоряться пращам и стрелам яростной судьбы или, восстав на море смут, сразить их противоборством?»

Что осталось, уйдя из живой, продуктивной памяти? Назову это фоном. Почти в физическом смысле. Окружением жизни. Шумом бульвара за дворовым прямоугольником. Неистовыми воробьями за окном. Вкусом воды. Треском дров в деревенской печи. И заречным лесом – там же.

Фон не раздражает чувствительные рецепторы. Так и стихи не будоражат память. Что-то прочтётся или услышится. И забудется. Но не совсем забудется, не по-чёрному – останется в глубине памяти, живёт там незаметно целыми десятилетиями, вдруг возникая внезапно, как озарение.

Запалю на вечернем берегу костёр и сяду, «привалившись к потёмкам спиной», это значит Володя Соколов из темноты зашёл. Надеваю в морозный день шубу и лохматую шапку – иду «застёгнутый в тепло» на пару с Владимиром Ивановым. Увижу увал, заросший всяческой притаёжной травяной дурниной и «застегну себе душу жёлтой пуговкой пижмы» вместе с Леонидом Гержидовичем. По листопадной осени прогуляюсь, возникнет Александр Ибрагимов, набормочет на ухо: «Сентябрь. Классицизм аллея очерчен колоннадой тополей. Последние влюбленные, ау, ладони подставляют под листву. И каждый лист, упавший в этот раз, один из нас, один из нас...»

Ибрагимову в пору написания «Листопада» не было, как из сегодня помнится, и двадцати лет, а глядите – вот «речь не мальчика, но мужа».

Кстати, откуда фраза-то, а? Кому сказала? Вертится в голове, как гольян на крючке, – «Борис Годунов» что ли?

...И тут перейду как бы на другую сторону улицы. Почему запоминаются те, а не иные? Почему строфа из классика завязла в душе рядом с приятельской строчкой? Объяснение проще простого. Стало быть, земляки-поэты не хуже прославленных и уже как бы забронзовевших современников.

И ещё один бросок – в переулочек.

Речь, разумеется, о поэтах, а не о тех, кто себя называет ими. Потому что обиходный поэт – это скорее маска или даже поза: «Ты кто?» – спросишь вон того, вертлявого, как Коровьев, в клетчатой кепочке и кружевном жабо. Ответит: «Я поэт. Не видишь, что ли?»

А вот другой казус. В «цех поэтов» зачисляются ремесленники, сочиняющих тексты для песенок-подёнок. Вовсе пустое. Вальяжный Резник, заросший битловской волосней Осиашвили или домохозяйственная толстушка Рубальская никак не поэты. Они изготовители текста. «Рыбы», – говорили раньше профессиональные музыканты-лабухи. Рифмованных слов, в которых нет открытий. «Рыбу» можно запросто переиначить, переодеть во что угодно: например, известный текст про «рочот космодрома» и про то, как космонавтам снится «зелёная-зелёная трава», раньше предназначался для детской песенки, она была написана про козову, которой грезится луг.

А попробуйте «Сероглазого короля» переиначить в хит «Девочка моя сероглазая»...

От слов, склеенных «текстовиками», не вздрогнет душа и не вскочат «гроба шагать своей четвёркой ножек» (Владимир Владимирович, привет вам и поклон!). Разве что

водки потянет выпить – если мелодия подходящая.

Но они популярны. Популярность же настоящих поэтов воспринимается как невероятная аномалия. Хотя и это было. Много-тысячные тиражи расходились вмиг. «Свеча» Беллы Ахатовны сразу после издания превратилась в раритет. «Нерв» Владимира Семёновича распределяли специальные люди из обкома КПСС.

Сейчас книжка стихов издаётся, чтобы сотню-другую подарить библиотекам, ещё столько же раздать родным и знакомым и пару пачек «заначить» для встреч с читателями. Конечно, много всякого полуграмотного мусора издаётся. Но и «лидеры продаж», как правило, – обочина литературы. Хотя самито «лидеры» полагают, разумеется, совсем другое.

Конечно, всё ещё есть нечто, что всегда, во все века останется в моде. Или вне моды – так правильнее. Слава богу, что наконец-то свободно можно купить томик Анны Андреевны, Бориса Леонидовича или Марины Ивановны. Правда, в очередь за ними уже не выстраиваются.

В принципе непопулярность настоящей поэзии – это норма. Александра Сергеевича и Михаила Юрьевича при жизни затмевал отставной прапорщик Бенедиктов. «Современник» в 1836 году вышел всего шестьюстами экземплярами и остался нераспроданным. Между тем «попсовый» журнал Осипа Сенковского «Библиотека для чтения» тогда же разошёлся вдесятеро. «Северную пчелу» Фаддей Булгарин донпечатал до 3400 книжек.

Количество публики, читающей настоящую литературу, оставалось малым всегда. Например, гениальный Фёдор Иванович многие лета был известен лишь узкому кругу ценителей. Поэты серебряного века, даже Александр Александрович, тиражировались

весьма скромно – сужу об этом по известному каталогу Анатолия Тарасенкова. В Гражданскую войну и после неё сам Владимир Владимирович зарабатывал плакатами и рифмованными газетными передовицами.

Разве что при зрелой Советской власти, когда большевики ударили ликбезом по темноте, а стихотворцев включили в номенклатуру «агитпропа», дела поэтов пошли лучше. Но вы же знаете, что далеко не у всех – за вымолвленное «не так» могли сослать и посадить. Скажем, повезло (или нет, как сказать) одному из Владимиров Владимировичей – его ещё юношей вынесло волной первой эмиграции в Европу, потом за океан и, окончательно оторвавшегося от русской почвы, в английский язык. А певец российской патриархальности и потомственный русский крестьянин Николай Алексеевич не выжил бы на чужбине. Потому тихо умер по дороге в ссылку, и его поэмы были опубликованы спустя много лет. Даже с нобелевским лауреатом Иосифом Александровичем нерусская свобода в конце концов сыграла худую шутку: некоторые вещи, написанные им на родном языке, воспринимаются как переводные. Почему так? Потому что любой поэт – почвенник, он, как дерево, растёт только там, где ему комфортно: сосне нужна одна земля, секвойе – другая, кедр родня тису, но сибирское, а не южное дерево...

Настали новые времена. Поэтическое слово, как церковь, отделено от государства. Слово, значит, само по себе. А государство само в себе.

Всё, говорю вам, вроде, по-новому, но если вдуматься – по-давнему. Как при царе Горохе. Греет меня лишь тот факт, что у нас в России издревле, как-то сама собой сложилась народная традиция любить и почитать поэтов, даже – пусть это не покажется парадоксом – их обиходно, повседневно не читая. Судите сами: не только богатыри и

князья, но и поэты бытуют в героях нашего эпоса. Ну, навскидку, с каких слов начинается самая великая поэма Древней Руси, помните: «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити»...

С того, кто песнь творит, всё начинается: «Вначале было Слово». И только потом началось сотворение мира.

Конечно, Слово и Язык – это то, что касается поэтов, но не спекулянтов от словесности. Публика же в России может быть какой угодно. Реакция на складную песнь, тем более, если она вживе произнесена самим автором, и в зале кемеровского Дома литераторов, куда не каждый приходит, и в клубе исправительной колонии, куда никто не приходит добровольно, идентична.

Вспоминаю Дом культуры железнодорожников в одном из малых наших городов. Деревянное одноэтажное здание обочь стальных путей стужено дышащими паровозами – тогда ещё не перешли на электрическую тягу. Битком набитый зал. А на сцене поэты. Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Владимир Измайлов. Геннадий Юров в огненно-красном свитере. Спустя много лет я ему расскажу о том поэтическом вечере, и он удивлённо вскинет брови – никогда, мол, не было у него красного свитера.

Нет, был. Или, может, душа горела алым?

Ещё помню фойе сельского дома культуры. По приглашению школьного преподавателя литературы Галины Александровны сюда приехали Борис Бурмистров, Александр Катков, Валерий Козлов. А также Виктор Баянов, оказавшийся земляком из соседней деревни Дедюево. Нынче покойный Николай Колмогоров читал своё. А остальные, слава богу, здравствующие, своё.

Как их слушали! Стихотворцы просто-таки купались в любви аудитории. В обожании. Талант сложить слова так, чтобы получилась музыка, чтобы нечто резонировало в сер-

дце и подняло ввысь – непостижимая любовь к поэзии сродни религиозному экстазу. На поэтов смотрели, как на небожителей, к ним прикасались дрожащими пальцами (хочется сказать – перстами), за любым тотчас готовы были идти куда угодно – как, пардон, мышевидные грызуны за сладостной дудочкой гаммельнского крысолова.

Ещё одно (банальное, впрочем) наблюдение: лучшие поэты живут в провинции. И потом остаются там, откуда пришли, родившись, или уходят туда, где рождались самые лучшие их произведения. В Константиново, в Тарханы, в Переделкино, в Болдино.

В этом списке и наши. Геннадий Юров на Красной горке. А продымленный Новокузнецк присужу Татьяне Николаевой с Любовью Никоновой. А тихая Юго-Александровка пусть станет поэтическим поместьем Леонида Гержидовича...

И там, и на серой окраине Анжерки, и в Белове, в Топках, в Ленинске, в Юрге слава богу, есть поэты – вообще-то адрес поэта любой, он не в доме и не на улице живёт, он живёт «на белом свете», как сказано было в одном хорошем старом кинофильме. Поэт сам по себе – вселенная. Мы ходим по тротуарам, а он парит в тучах, мы насыщаемся – он вкушает, мы говорим – поэт пророчествует.

Русская речь, похоже, специально создана для стихов. Непредсказуемы её ударения. Неожиданны и непостижимы созвучия. Временами в этой речи присутствует некая кошачья мягкость. Иногда, вернее, когда требуется, – твердокаменная, неуступчивая тяжесть (вот, кстати, вспомнился и Станислав Юрьевич: «Добро должно быть с кулаками»). Покойный Илья Григорьевич, знавший добрый десяток европейских наречий и сам писавший в молодости неплохие стихи, постиг это собственным литературным опытом. Вспомним и ломоносовское: «Карл Пятый, император, говаривал...»

Несомненный же факт, что «поэт в России больше, чем поэт», оставлю без комментариев, тут всё понятно.

Далее призыв, который, разумеется, останется не услышанным.

Любите их, творцов и хранителей русского слова. Их так мало. Им трудно живётся на свете, когда самые употребляемые слова – «рыночная экономика», «прибыль» и «лидеры продаж». Впрочем, им трудно жилось всегда, потому что они люди без кожи и без болевого порога: вся боль мира – их боль.

Заключительные абзацы будут не совсем по теме, на соседней, так сказать, улице. Но всё в том же нашском поселении.

Время от времени возникают конфликты между носителями языка и всяческими «торговцами колониальными товарами», разбогатевшими на спекуляциях. Ироническую присказку: «Если ты умный, то почему бедный?» нувориш вывернул в аксиому: «Если я богат, значит умён». Это к тому, что нынче любой спекулянт, «впаривающий» доверчивому соотечественнику китайские подделки под Армани, любой барышник считает себя хозяином жизни и утверждает словесную моду.

Утверждает агрессивно. На наших улицах происходит то, что можно назвать лингвистической оккупацией. Оккупант, впрочем, просто Дунька, которую наконец пустили в Европу. Что она может создать? Нелепость, очередной воляпук, «бренд». Магазиновую вывеску «под Париж». Тарабарщину, чуждую русскому уху. Литераторы сердятся и протестуют, а их похлопывают по плечу: «Отстал ты, брат, даже в Конотопе есть своё «Ильдеботе».

Хочу напомнить литераторам извечное, библейское: не мечите бисера перед свиньями. Делайте то, к чему призваны Богом, и будь что будет. Все «бренды» преходящи и лишь один вечен – родная речь...

Владимир ИВАНОВ

«СПАСИБО ВАМ, РОДНЫЕ ЛИЦА!»

Истоки моей поэзии – в деревенском начале жизни, в той природе, которая меня окружала. Луга, перелески, за огородами – серебристая речка Банновка, за Томью на горизонте в синем мареве – покрытые тайгой предгорья Кузнецкого Алатау. Окрест села – озёрки и озёра, хлебные поля со светлыми березняками, дальше – журавлиные болота. Всё это с малолетства жило во мне, было привычным, как воздух, которым дышишь, его не ощущая. Теперь, по прошествии многих лет, с приятным удивлением замечаю: с возрастом всё отраднее любоваться извечным обновлением природы, всё милее с ней свидания. Особо в межсезонье, когда одно время года перетекает в другое.

Не сразу удалось мне осознать, что главное в творчестве – увидеть смысл и почувствовать прекрасное в любой мелочи в окружающем мире. Но у меня были добрые наставники. С теплотой вспоминаю внимание ко мне со стороны прекрасного поэта Игоря Михайловича Киселева, его советы, особенно при составлении первой книги, – он ее редактировал и написал предисловие.

А кто из писателей забудет самый первый отзыв о самой первой книге?! Этим благожелателем для меня был один из основателей областной писательской организации поэт Михаил Александрович Небогатов.

Принял участие в моей творческой судьбе и большой русский поэт Василий Дмитриевич Федоров. Встречи с Мастером, беседы, переписка значили для меня много больше, чем просто обсуждение стихов. Его напутствие поддерживало меня не только в творчестве, но и в трудные житейские дни.

Светло вспоминаются десятилетия общения с нашими замечательными поэтами Виктором Михайловичем Баяновым, Геннадием Евлампиевичем Юровым, Валентином Васильевичем Махаловым, их дружеская поддержка.

Впервые рифмуя строки, не ведал я, что стихи для меня – не мимолётное юношеское увлечение, что потребность высказаться стихами сохранится на годы. Пишешь вроде для себя, но затем тянет поделиться с другими, с родственными душами. С вами, дорогие читатели.

* * *

Татьяне

В глазах твоих мне видится огонь,
Оттенок неба в них голубоватый.
Ты лаской нежной сердце чуть затронь –
Вернётся вмиг ушедшее куда-то.

Ты так умеешь родничком звенеть,
Глядеть умеешь васильковым взглядом.
С тобой хочу я лебедем лететь,
Когда со мной, любимая, ты рядом.

Хочу, чтоб ты всегда такой была,
Сияла светом доброты в квартире.
И островком уюта и тепла
Стоял наш дом в нестойком этом мире.

* * *

Вечно разделяют нас
Внешние отличья,
Жизни путь, различье рас,
Языков различье.

Мы различны... Но при том
Всюду на планете
Всем понятным языком
Плачут наши дети.

ЯБЛОНЯ

Снегопадом опять всё вокруг затянуло
И красуется сад, как в весеннем цветущем.
И невольно душой в белый сад потянуло,
К стройной яблоне в нашем саду.
Чтобы добрым и нежным остаться,
как прежде,
Чтоб на яблоне мёдом дышал лепесток, –
И себя я хранил в чистоте и надежде,
И её, как невесту, берёг.

В безоглядных и светлых мальчишеских грёзах,
В самых первых земных и небесных мечтах
Цветом яблони вешней настоян был воздух,

Путь по жизни весь в белых цветах.
Но цветы нам под ноги в свой срок

оппадают,

Чтобы к осени вызрел янтарный налив...
О, моя неподкупная вера святая,
Мой былой беспредельный наив!

И ничьей нет вины, что всё так обернулось,
Всё родное вокруг не в весеннем цветущем.
Отцвела-отошла невозвратная юность,
Дремлет яблоня в зимнем саду.
Спит в сугробах она, новых сил набирает
Для медовых цветов и для летних трудов.
Отдыхает душа и наш сад отдыхает
После горьких и сладких плодов.

НОЧЬ

Растворяются во мраке
Горы, доли и дома.
Вой тоскующей собаки.
За окном трещит зима.

Улицу перебегают
Света чёткая струя...
И крадётся мысль нагая
К тёмным тайнам бытия.

* * *

Что ни год – на Руси наводнение,
От него мы уже подустали.
Снова вспять повернуло течение –
Берега поменялись местами.

Сколько мути несётся и пены,
Сколько сора, мазута и хлама!
Всё меняется в мире мгновенно,
Всё стекает как в сточную яму.

Левый берег теперь уже – правый,
Правый берег теперь уже – левый.
Поменялись и доблесть, и слава.
Кто последний, теперь уже – первый.

*Это всё наверху. А в глубинах
Неизменно от века движенье –
Косяки по инстинкту в пучинах
Вверх на нерест плывут, как поленья.*

*Широко разгулялась стихия,
И её обуздать невозможно –
Но в любые години лихие
Исполняй непреклонно, что должно.*

ПОЮЩИЙ ДОЖДЬ

*Горизонт не светлеет,
Мерный шум у виска,
С неба сутками сеет
Обложная тоска.*

*Но для чахлых растений,
Для деревьев и нив
Это очень весенний
И целебный мотив!*

*Он из облачных клочьев
Льется вниз головой
И на тощую почву
Наплывает травой!..*

* * *

*На родину еду, на родину еду.
Змеится дорога, купаясь в пыли.
Поляны и рощи то тянутся следом,
То вновь выплывают из дальней дали.*

*И всё, что ни вспомню, овеянный грустью,
Под мерные скрипы тележных колёс, –
Порою подступит – мелькнёт и отпустит,
Порою подступит – доводит до слёз.*

*По тайному зову, по давнему следу
Сквозь редкий околок вдоль хлебных полей
На родину еду... На родину еду.
Поездки всё реже и путь всё длинней.*

*И всё, что ни встречу дорогой в селенье, –
Печаль об ушедшем глуши не глуши –
Всё снова приводит в глухое волнение
И мимо проходит в вечерней тиши.*

*И вновь это царство покоя и грусти
В мерцающей дымке родимых берёз
Порою подступит – мелькнёт и отпустит,
Порою подступит – доводит до слёз...*

* * *

*Взмахи веток и солнце с утра,
Вздохи ветра и ливня потёки,
Хрупкий голос кивающих трав...
Вот они, этой жизни истоки!*

*Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует!*

* * *

*Зеленые травы земли заплетают в прокосы,
И воздух июля вдоль лета плывет и плывет,
Где детских мгновений вдали золотистая
россыпь
И облаком белым виденья густеют, как мед.*

*Зеленые травы земли заплетают в прокосы,
И по сердцу этот привычный несуетный
труд,
Когда все неглавное в сторону ветер
относит
И мысли неспешно вдоль жизни текут
и текут.*

*Зеленые травы земли заплетают в прокосы –
И падает лето к ногам, и дальше мой
тянется след...
Гуляет в округе работа звонкоголоса –
Лишь не было б лиха и белый
не застился свет!*

ГОЛОС ТРАВЫ

*Не коси меня, коса.
Пусть меня живет роса.*

*Погоди еще денечки,
Если сроки и близки,*

*Ведь не все мои цветочки
Распустили лепестки.*

*И не все ещё шмели
Цвет на лапки намели.*

Не коси меня, коса...

КОЛОКОЛЬЧИК

*В небе стаи курлычут прощально,
И листва облетает окрест.
В эту пору не знаю печальней
Наших топких болотистых мест.*

*И когда я бродил по раздолью,
Тем себя лишь порадовать смог,
Что заметил на краешке поля
Не по-здешнему синий цветок.*

*Тучи с севера зиму пророчат,
Но про это ему невдомек...
Что ж так поздно расцвел,
Колокольчик, –
Безрассудный ты мой погремок?!*

*Сибирь раздвигает границы
Посёлков своих, городов.
И краны парят, словно птицы,
Над ширью полей и лесов.*

*Вот скоро на этой поляне,
Где водятся стайки оянт,
Появится школьное здание,
Заполнится гамом ребят.*

*Мне радостно это представить:
Закончим строительство мы,
И там, где волнуются травы,
Начнут волноваться умы!*

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

*Я еду верхом на коне,
К отцу снарядили с едой,
И деда пилотка на мне
С остроконечной звездой.*

*Вот солнце уходит с небес.
Въезжая в Разбойничий лес,
Я крепче прижал узелок –
Выцветший мамин платок.*

*У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле. А вот и луна.
Вот и сушилка видна.*

*Отец на току сторожит,
С ним рядом я, греясь, прилѐг.
А сверху с улыбкой глядит
Ласковый бабушкин Бог.*

*Сверкает куст, сверкают горы
И у земли белы бока.
И воздух пуст. Вдыхаешь холод,
А выдыхаешь облака.*

*Вдали туман парит над речкой.
Кругом так чисто и светло!
Уже зима. И каждый встречный
Идёт, застѐгнутый в тепло.*

*С утра осыпает порошей
Стога и лога на лугах.
Навстречу мне – в яблоках лошадь
С ромашкой сухой на губах...*

Бежит по волнистой дороге,
Спешит, заплывшись в снегу,
И резвые тонкие ноги
Разбрасывает на бегу.

Какая свобода в осанке,
Какой безоглядный разгон!
Сейчас бы на легоньких санках
Сорваться за нею вдогон.

Туда, где нежнее был сердцем,
Туда бы умчаться за ней,
Где мир босоногого детства
И мир ветроногих коней!

* * *

Первый снег. И прохлада. И воля.
И равнины нетронутый лист.
И гуляет по чистому полю
Звук, похожий на медленный свист.

Словно чьи-то душевные муки,
Отделившись от тела давно,
Ходят-бродят по нашей округе,
Сочетаясь в созвучье одно.

Вот несётся над гладью речною,
Надо мной, мимолётным. И мне
Всё мерещится вечным покоем
И на этой, и той стороне.

Только звук! Нарастая. По полю.
Вот и в сердце победно проник!..
И так сладко спасительной болью
Разрешился томительный миг.

* * *

Старик на пригорке сидит.
Исполнивши предназначенье
На этой земле, он следит
Вечернего неба свеченье.

Он сам не поймет, почему
От дел и забот его тянет
Забуться, вечернею ранью
Уставясь в грядущую тьму.

Его просветлили черты,
А свет между тем убывает...
Он чует гонца с высоты,
И звон бубенцов нарастает.

Сквозь шум недалекого леса,
Сквозь дальние отзвуки гроз
Ему все доступнее эхо
Вселенского оклика звёзд.

* * *

Друзья! Пока имеем
Земную оболочку,
Да разве мы посмеём
Поставить в дружбе точку!

* * *

Спасибо вам, родные лица!
Мне с вами всё не одному –
И есть мне с кем повеселиться,
И есть поплакаться кому.

КАЛИНА

Калина краснеет,
Вся в белом снегу.
Сорвать я не смею,
Уйти не могу.

Сорвать я не смею,
Уйти не могу,
Любуюсь калиной
На берегу.

Серебряный ветер,
Слетая с высот,
Ей гибкие ветви
Качает и гнёт.

*Ей гибкие ветви
Качает и гнёт,
Печальные песни
Поёт и поёт.*

*В озябшей сторонке
Одна да одна
Мне плачется тонко
На долю она.*

*Мне плачется тонко
На долю она,
Как будто есть в чём-то
Моя тут вина.*

*Калина краснеет,
Вся в белом снегу.
Сорвать я не смею,
Уйти не могу.*

*Сорвать я не смею,
Уйти не могу,
Любуюсь калиной
На берегу.*

РОССИИ

*Выпросил у Бога святую Русь Сатана.
Аввакум*

1

*Молодость – разменная монета –
Не скопила к зрелости рубли.
Но и в том беды особой нету,
Что сижу порою на мели.*

*Я ещё, как шли к великой цели,
Жить привык на хлебе и воде.
Хоть сберёг я душу живу в теле –
Не готов совсем к такой беде.*

*Ах ты, Русь! Беда моя большая!
Я тебя в судьбу не выбирал.
Ты навек досталась мне такая,
И навеки я загоревал.*

2

*Родову мою за труд и веру
Порешила – как я обеднел!
Высший суд сменила высшей мерой –
Вот с того и я не уцелел.*

*Вот с того и я живу в недоле,
Не устроен в жизни по-людски,
Вот и собираю поневоле
На духовном поле колоски.*

*Эх, Россия!.. Свет в очах – всё реже,
Всё труднее не терять лица.
Что ж ты жизнь мне по живому режешь?
И не видно этому конца!*

3

*Если все порушены устои,
Детям, внукам что мне передать?
Жизнь мою половою пустою
Как ты можешь по ветру пускать!*

*Мы всё терпим – лишь бы только выжить,
В ожиданье жизни всё живём.
Дух единый, Ты всего превыше, –
Образумь, каким взойти путём.*

*Ах ты, Русь!.. И я судьбой невинной
За тебя, знать, горько расплачусь...
Но тебя от сердца не отрину
И от кровных уз не отрекусь.*

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

*Мы все на пьяном корабле.
Стакан гуляет по России.
Болтает нас в сивушной мгле.
Где парус? Нет его! Пропили.*

*Но пусть по-чёрному мы пьём,
С похмелья жуткого бываем, –
Россию мы не продаём.
Её мы честно пропиваем.*

Т. Ю. ЮРЬЕВА

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОД МОЛОДЕЖИ

В 2009 году, во Всероссийский год молодежи, музей-заповедник «Красная Горка» начал **просветительскую акцию «От Красной Горки до шахтерской столицы!»**. Ее цель – приобщение молодых кемеровчан к уникальному историко-культурному наследию города Кемерово. Для этого первыми шагами стали:

- обновление музейного сайта и создание виртуального клуба друзей музея в Интернете;

- проведение ежемесячных мероприятий, адресованных молодым людям;

- объявление конкурсов: «Информационный партнер» – среди компаний, предоставляющих услуги мобильной связи на рынке Кузбасса, и «Экономический партнер» – среди банковских учреждений, осуществляющих деятельность на рынке города Кемерово (подведение итогов конкурсов приурочено к Международному дню музеев – 18.05.2009);

- развитие проекта «Музейный кинотеатр» (документально-художественный фильм «Кемерово: борьба за мечту» имеет особый успех у юношества, так как показывает прошлое в цвете, а не в черно-белом варианте (как хроника или фотографии начала XX века); фильм отмечен дипломом победителя областного конкурса «Лучшее музейное учреждение» за вклад в пропаганду культурно-исторического наследия Кузбасса);

- изменение расписания работы музея на весенне-летний период: по средам время по-

сещения музея продлено до 21-00 ч; с 18 мая 2009 года (Международный день музеев) по 31 августа 2009 года (День шахтера) музей, расположенный в историческом особняке на Красной Горке, открыт для посещения ежедневно до 21-00 ч;

- 31 мая 2009 года стартовал воскресный проект музея «Дни семейного отдыха на Красной Горке». Это продолжение успешной работы прошлого года, когда, благодаря проекту, число посещений исторического центра города Кемерово увеличилось до 71,5 тысячи человек.

Все популярнее у молодоженов города становится **проект «Свадебная фотосессия в музее»**, инициированный музеем в 2007 году. Тогда состоялось 40 свадебных фотосессий, в 2008-м – 56, с января по май 2009 года – уже 32.

Для кемеровчан Красная Горка – это место рождения города, осознания своих корней. Одна из главных социальных задач музея истории нашего города – показать, что экономическое и социальное его развитие невозможно без внутренне связанного общества, объединенного общим смыслом существования, общей историей и судьбой. «С любовью к городу» – лозунг, который музей «Красная Горка» воплощает в создаваемом образе города.

Проект представляет собой не только профессиональную свадебную фотосессию в исторических интерьерах здания музея, но и церемонию записи в книгу регистрации

молодой семьи, которая является экспонатом научного архива музея и хранится вечно. Состоится также вручение свидетельства о регистрации исторического факта создания семьи. В камине старинного особняка начала прошлого века молодожены разжигают свой первый домашний очаг.

В 2009 году творческой молодежи нашего города предложено создать **Музейный театр на Красной Горке**. Руководителем проекта выступил С. И. Анульев, главный специалист музея по музейно-образовательным программам, доцент КемГУКИ. Организуется дополнительная городская площадка для культурно-познавательного досуга молодежи. В музее-заповеднике «Красная Горка» создаются в связи с этим два дополнительных рабочих места. Формируется музейная культура молодых кемеровчан.

Политика музея по привлечению посетителей в 2008 году была направлена на формирование устойчивого интереса к истории города Кемерово у взрослых: статистика констатировала увеличение этой категории экскурсантов на 32 % (доля взрослых в музейной аудитории составила 58 %, четверть посетителей музея – молодежь). Таким образом, проблему привлечения молодых людей к освоению культурно-исторического наследия города во Всероссийский год молодежи музей решает путем создания условий для реализации их творческого потенциала в форме Музейного театра молодых и для молодых. Используются современные технические средства общения, фотовидеотехника, музыкальная аппаратура и инструменты.

Летне-осенний цикл мероприятий в рамках Музейного театра (1 раз в месяц, с мая по октябрь 2009 года), посвященных историческим датам Красной Горки, города Кемерово и календарным датам Всероссийского года молодежи, привлечет в жизнь музея-заповедника различные категории горожан:

– творческую молодежь в качестве непо-

средственных участников проекта, создателей музейных услуг для молодежи;

– молодежь в качестве участников мероприятий проекта, потребителей музейных услуг, осуществляемых молодежью для молодежи;

– кемеровчан, в первую очередь местное население, проживающее в районе Красной Горки.

Творческий этап проекта (май – октябрь 2009 года) состоит из шести мероприятий:

ночь с 16 на 17 мая – старт проекта «Музейный театр». «Ночь в музее»: театрализованное представление на смотровой площадке музея, посвященное Международному дню музеев;

28 июня – в Музейном театре «День молодежи на Красной Горке» (действие 1-е: «Музыкальный перекресток» – эстрадная концертная программа; действие 2-е: «Литературная пристань» – выступление участников городской молодежной литературной студии «Притомье»);

12 июля – воскресник у родника на Красной Горке (установка скамеек и беседки Муз, молодежный капустник «У родника на Красной Горке»);

30 августа – в Музейном театре «День шахтера на Красной Горке» (действие 1-е: «Красногорские затеи» – показ прикладного творчества окрестных жителей; действие 2-е: «Горняцкая закалка» – театрализованный вечер, посвященный Дню шахтера);

27 сентября – виртуальное путешествие «По музеям страны и мира из Красной Горки», посвященное Международному дню туриста;

19 октября – театрализованное открытие выставки «Иван Иванович Лохем», посвященной дню рождения голландского архитектора Ван Лохема. Подведение итогов проекта. Формирование планов музейных культурно-просветительных мероприятий.

В ассортименте музейных услуг появятся семь новых: аудиоэкскурсии по терри-

тории музея-заповедника «Красная Горка», еженедельная радиогазета, тематические радиожурналы (к историческим событиям, датам, юбилеям, связанным с Красной Горкой, историей города Кемерово и Кузбасса), виртуальные экскурсии по музеям страны и мира, ежегодный показ любительских работ самодеятельного творчества жителей района Красной Горки (изо, фото, дизайн, прикладное народное творчество), «Красногорские затеи», ролевые игры и исторические реконструкции (в частности, «Ван Лохем: голландский акцент в архитектуре Кемерово»).

По прогнозам аудитория музея в категории «Молодежь» расширится с 20 до 45 % (на конец 2009 года), общее число экскурсантов вырастет на 30 % – до 43,3 тыс. чел.

В перспективе проект «Музейный театр на Красной Горке» будет включать:

- создание постоянно действующей экспозиции «Рабочая одежда Кузбасса» (уменьшенные копии и модели), а также организация «Костюмерной исторического костюма города Кемерово»;

- развитие клуба «Музейный театр»: расширение актива клуба, зрительской аудитории, постоянное сопровождение музейным театром культурно-просветительских мероприятий;

- интерактивные виртуальные экскурсии «По музеям страны и мира из Красной Горки».

Для старшеклассников сотрудники музея разработали целевой **проект «Музейный детектив»**. Это театрализованная краеведческая игра в рамках летнего пешеходного экскурсионного маршрута по заповедной территории музея «Красная Горка». Цель проекта – организация дополнительной летней площадки для культурно-познавательного досуга школьников, формирование музейной культуры молодых кемеровчан, приобщение подрастающего поколения к культурно-историческому на-

следию города, формирование в нем чувства патриотизма и уважения к профессии шахтера.

Летом многие школьники остаются в городе, семьи сталкиваются с проблемой организации досуга детей. Музей расширит спектр деятельности школьных лагерей, внесет разнообразие в культурно-просветительную программу (визит в музей истории города расширит познания юных кемеровчан – жителей столицы Кузбасса – о шахтерском труде, становлении города, его достопримечательностях).

С 1 июня по 31 августа 2009 года будет ежедневно проводиться театрализованная краеведческая игра «Музейный детектив» на пешеходном экскурсионном маршруте по заповедной территории от монумента Э. Неизвестного «Память погибшим шахтерам» по ул. Красная Горка через Технопарк, с посещением музея-шахты и скульптурной композиции «Святая Варвара – покровительница шахтеров» до смотровых площадок на берегу Томи. Старшеклассники познакомятся с природными, архитектурными и историческими памятниками исторического центра города, проведут собственное расследование по поиску «пропавшего» музейного экспоната. Для каждой группы участников игры предусмотрено вручение фирменной памятной фотографии и свидетельства участника краеведческого проекта «Музейный детектив», а также памятного сувенира (керамической шахтерской каски).

Проект охватит 2 046 человек (93 ежедневные экскурсии по 22 человека). Число экскурсантов определяется количеством посадочных мест в автобусе музея, на котором организуется доставка старшеклассников от места сбора группы до музея и обратно.

Предполагается расширение аудитории музея в категории «Школьники» с 20 до 45 % на конец 2009 года, который объявлен Всероссийским годом молодежи.

ФОТОПОВЕСТВОВАНИЕ О КРАСНОЙ ГОРКЕ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Ф. Федорова.</i> Город творческих традиций.....	4
Дом большого угля. Беседа М. И. Найдова, В.С. Кладчихина	8
Никита Анульев. Фотоповествование о Красной Горке	13
Александр Волошин. Пролог к роману «Земля Кузнецкая».....	27
Юрий Баландин. Певец земли Кузнецкой	33
Геннадий Емельянов. Мятужник.....	36
Геннадий Юров. История общения друг с другом	44
Из истории журналистики Кузбасса (70–80-е годы). Фотографии	58
Николай Троицкий. Треугольнички надежды	61
Федор Ягунов. Память сердца	77
Юрий Зюзьков. Любимой площади черты	91
Открытие памятника А. С. Пушкину. Публикация в газете	98
Владимир Михеев. Город, который всегда со мной	100
И. Ю. Усков. Щегловск: местное самоуправление.....	106
Саймон Френсис. Интервью Владимиру Сухацкому	110
Т. Д. Рысаева. «Сибирский пейзаж».....	114
Виктор Арнаутов. Генератор идей.....	120
Сергей Павлов. Наш декан – «отец Василий».....	127
Х. А. Исхаков. Зимогор	136
Юрий Скударнов. Музыка на всю жизнь	140
Театральные рукописи. Подготовил А. А. Лопатин	144
Николай Бурцев. Дружеским штрихом	158
Василий Попок. Поэты	164
Владимир Иванов. «Спасибо вам, родные лица!».....	168
Т. Ю. Юрьева. Музей-заповедник во Всероссийский год молодежи	174
Фотоповествование о Красной Горке	177

В десятом выпуске альманаха «Красная Горка» использованы снимки П. Костюкова, Ю. Сергеева, А. Кузярина, Ю. Зюзькова, Н. Анульева, А. Шестака. В оформлении обложки использована гравюра В. Кравчука «Притомская набережная».

Литературно-художественное издание

КРАСНАЯ ГОРКА

Редактор **Т. А. Сапова**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**
Корректор **Т. А. Козяева**

Подписано к печати 29.05.2008. Формат 60x84¹/₈. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 999 экз. Заказ № 189

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48